

История одного мира. Часть I

Артём Нахапетов

18+

Артём Александрович Нахапетов

История одного мира. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28752111

SelfPub; 2024

Аннотация

В центре "Истории одного мира" – загадочные события в мире, где технологии и космические полеты стали обыденностью. Главные герои – неприметный убийца, следующий своим таинственным целям, рассудительный детектив, пытающийся разгадать серию странных преступлений, и молодой лорд Кевар Аргомантис, бывший военный, чья жизнь неожиданно пересекается с этими событиями. Их истории переплетаются в сети интриг и политических игр, а каждое новое открытие только углубляет тайну. Этот роман – не просто история о преступлениях и расследованиях, это рассказ о сложных человеческих судьбах на фоне величественного космического мира.

Содержание

Глава 1	6
Омбро	6
Кевар	13
Глава 2	41
Омбро	41
Кевар	52
Глава 3	63
Омбро	63
Детектив Теманов	74
Кевар	78
Советник	93
Глава 4	97
Кевар	97
Капитан Теманов	116
Омбро	121
Глава 5	122
Кевар	122
Глава 6	166
Советник	166
Кевар	174
Глава 7	194
Кевар	194
Советник	202

Капитан Теманов	204
Омбро	210
Капитан Теманов	214
Советник	219
Кевар	225
Советник	230
Кевар	234
Омбро	240
Глава 8	243
Кевар	243
Глава 9 Начало	271
Омбро	271
Капитан Теманов	280
Омбро	281
Капитан Теманов	291
Омбро	293
Капитан Теманов	301
Омбро	305
Кевар	307

Артём Нахапетов

История одного мира. Часть I

Темно. Очень темно и тихо. Настолько тихо, что я слышу, как сердце тугими ударами толкает кровь по телу. Кто я? Где я? Почему я здесь? Мне страшно, я не знаю, что делать. Мне остается лишь тишина и темнота, да гулкие удары сердца.

Глава 1

Омбро

Свет окон Дворца Верховного совета мягко ложился на зелёную лужайку, широким полукругом тянувшуюся вдоль всего фасада. Металлическая стена здания будто бы вырас- тала из густой травы и уносилась на невероятную высоту, чуть ли не до самого атмосферного купола. Где-то вдалеке, почти на самой границе зрения, маленькие светящиеся ок- на сливались со звездами за почти прозрачной сферой, мер- цающей тусклым сиреневым светом. В воздухе витали слад- коватые ароматы цветущих растений, а из расположенного неподалеку космопорта доносились едва различимые запахи мазута, озона от двигателей, пыли и машинного масла.

Омбро пришла к дворцу пешком, чтобы ее космобайк не засекали многочисленные сканеры и патрули. Она преодолела немалое расстояние, чтобы добраться сюда от центра города, и ноги с непривычки сводила судорога. Но расстояние было не главной проблемой. Устройство города не было рассчи- тано на перемещение без летательного транспорта, так что в некоторых местах пройти пешком было очень непросто – особенно в центре, где огромные дома-шары вырастали из земли так плотно друг к другу, что казалось, будто эти ги-

ганты прижимаются в каком-то неведомом страхе.

Пройти незамеченной охрану не составило большого труда – Омбро преодолела забор одним хорошо рассчитанным прыжком и сразу откатилась в большой куст какого-то растения с далекой планеты. Пробраться через широкую лужайку было несколько сложнее – приходилось ползти на животе, периодически застывая, когда неподалеку по дорожке проходил охранник. Оказавшись возле стены дворца, Омбро на несколько секунд задумалась, в каком направлении вдоль нее двигаться дальше. Исходя из плана здания, по всей длине фасада было несколько хорошо замаскированных технических люков, но только один из них подходил по своему расположению: через него можно было напрямую попасть в вентиляционную систему здания, и дальше – до нужного этажа и помещения.

Из самой стены люк выступал на несколько миллиметров, так что в полумраке найти его можно было только на ощупь. Омбро несколько раз провела пальцами по шероховатой поверхности, затем вытащила из потертого заплечного мешка резак и начала прогревать металл на стыке люка и стены, постоянно оглядываясь по сторонам. В этой части лужайки дорожек не было, и охранники бродили на безопасном расстоянии. Аккуратно прикрывая собой маленький огонек резака, Омбро за несколько минут спилила крышку; она тихонько скрипнула и отвалилась от стены. Ловко поймав толстый металлический кругляш свободной рукой и отложив его на

траву, лазутчица убрала горелку и просунула голову в образовавшуюся в стене темную дыру. Как она и предполагала, люк вел прямо в широкую вентиляционную трубу, поднимавшуюся из подвала через все этажи. Оценив обстановку, она быстро пролезла в узкий лаз, извиваясь всем телом.

Широко расставив руки и ноги, упираясь в скользкий металл трубы, Омбро начала карабкаться вверх. Мысли о том, что ей надо на тридцать седьмой этаж, и сколько для этого нужно преодолеть метров подъема, она сразу постаралась отогнать. Для этого на маленьком сенсорном браслете, управляющем космокостюмом, она включила в меню проигрывание в стереодинамиках шлема звуков дикой природы планеты Коске-Орте и продолжила подъем.

Восхождение заняло у нее около часа. Несмотря на исправно работающий климат-контроль костюма, пот заливал глаза, стекал по спине и скапливался у поясницы. При этом не было никакой возможности даже смахнуть капли со лба или почесаться, и только путем невероятных усилий она сдерживала желание свернуть костюм.

Исходя из плана здания, выведенного на маленький экран внутри шлема, она определила, когда достигла нужного этажа. Прямо перед ней была узкая решетка вентиляционного оконца, забранная под таким углом, что через нее было не заглянуть в помещение. Омбро, упираясь в стенку уже начавшими дрожать от усталости ногами, вновь вынула резак и принялась прогревать металл вокруг оконца. Действовать

надо было максимально аккуратно и тихо, чтобы хозяин кабинета, в который стремилась попасть Омбро, не услышал ни звука. Когда она вдруг различила доносящийся сквозь решетку вентиляции сдержанный кашель, от неожиданности и напряжения вздрогнула – и выронила горелку. Глухо стукаясь о стенки, она начала свое долгое падение с тридцать седьмого этажа. Омбро проводила ее долгим взглядом, но всё же большая часть работы уже была проделана, и образовавшийся люк держался лишь на узкой полоске металла. Его можно было и выбить ногой, но, раз уж решила действовать скрытно, то нужно придерживаться плана.

Из заплечного мешка она вынула глушитель, а из кобуры на поясе – энергетический пистолет, переоборудованный из полицейского. Перевела оружие в боевой режим, выставила минимальную мощность, прикрутила глушитель. Тщательно прицелилась и выстрелила в оставшуюся не отрезанной полоску металла. Огненный сгусток вгрызся в стену, расплавляя ее, но, как Омбро и надеялась, насквозь не прошла. Подумав мгновение, она открутила глушитель и кинула пистолет вслед за горелкой. Потом она аккуратно подцепила пальцами образовавшийся люк и отодвинула на пару сантиметров, чтобы заглянуть в кабинет.

Комнату слабо освещала лишь настольная лампа у противоположной стены, да из окна справа просачивалась полоска тусклого света. Меблировка была богатой, даже вычурной – огромные шкафы с резными украшениями, бордовые

текстильные обои с золотистым цветочным рисунком, тёмно-золотые гардины. Такое оформление помещения можно встретить только в здании государственного учреждения, подумала Омбро. Всё дело, вероятно, в том, что делам, совершаемым в таких заведениях, может способствовать только всё самое отвратительное и лишённое какой-либо красоты.

Хозяин кабинета сидел за столом, обложившись кипами бумаг и был полностью сосредоточен на работе. Света единственной лампы не хватало, чтобы разглядеть человека достаточно хорошо, можно было точно сказать только, что он молод и богат: одет по последней столичной моде в дорогой бордовый камзол с разноцветными узорами. Тем не менее, Омбро его узнала сразу: по движениям, наклону головы, хриплому кашлю.

Омбро кинула срезанный кусок металла в трубу, и тот улетел в темноту вслед за резакom и пистолетом. Потом осторожно перенесла центр тяжести, ухватилась обеими руками за край образовавшейся дыры и, протиснувшись в узкий проем, бесшумно спрыгнула на ковер. От человека за столом ее отделяли лишь несколько метров, и Омбро еще раз внимательно всмотрелась в его лицо, знакомое до омерзения. Она свернула маску шлема в пространственный карман.

Человек за столом все также продолжал работать, не поднимая головы от бумаг. Пора заканчивать дело, решила Омбро, и быстрым шагом направилась к столу. Чиновник ис-

пуганно вскинул голову и потянулся к запястью с браслетом-компьютером, управляющим космокостюмом. Но, увидев лицо гостя, остановил руку и облегченно выдохнул, хотя через мгновение в его глазах отразилось сильное удивление.

– Ты? Что... что ты тут делаешь?

Омбро молчала и, склонив голову набок, стояла вплотную к столу, возвышаясь над человеком.

– Эй, что ты тут делаешь?

Странно. Омбро действительно неплохо помнила этого человека. Красивое капризное лицо, светлые вьющиеся волосы, собранные в причудливую копну на макушке, холодные глаза – этот человек был из богатого, древнего рода, а к таким холеным, довольным собой, наглым лицемерам Омбро испытывала самую лютую ненависть.

Их взгляды встретились, и неожиданный приступ безумного, бесконтрольного страха чуть не сшиб Омбро на пол, но невероятным усилием воли она вернула контроль над собой и теперь уже разозлилась на саму себя не на шутку, что, вероятно, отразилось и на ее лице.

– Что с тобой, черт возьми? – испуганно воскликнул хозяин кабинета.

Вместо ответа Омбро молниеносным движением выхватила из набедренных ножен узкий ритуальный стилет и воткнула его в шею чиновника. Отступила на шаг, отстраненно наблюдая, как меняется выражение на красивом лице, как из уголков искривленных в гримасе губ начинает тонкими

струйками течь кровь, как голова опускается и с глухим ударом бьется об стол.

Омбро постояла еще пару секунд, наблюдая за умирающим и дергающимся в судорогах человеком, потом повернулась и направилась к большому шкафу с выдвижными ящичками – картотеке. Ей предстояло сначала найти нужные бумаги, а потом – сделать основную часть работы, самую грязную, но необходимую, а еще замести все следы и заглянуть в кабинет этажом выше, в надежде на большую удачу.

Что ж, до рассвета было еще четыре часа, и времени было предостаточно.

Кевар

Молодой лорд Аргомантис, недавно вернувшийся с войны за Большой Кристальный пояс, до сих пор не оставил привычки к чуткому сну, поэтому сразу очнулся от громкого настойчивого стука в дверь семейной резиденции. «Красс откроет», – лениво подумал он и перевернулся на другой бок, однако стук повторился, и еще раз, и еще. Под такой аккомпанемент лорд окончательно проснулся и тогда только спротонок вспомнил, что отец, уезжая в дальнюю резиденцию на орбите Варки, забрал с собой всю многочисленную родню и прислугу, в том числе и старого дворецкого Красса, много лет служившего дому Аргомантисов.

Лорд чувствовал себя абсолютно разбитым, будто и не спал вовсе. Он помнил, что ночью ему снились какие-то несусветные кошмары, что-то мерзкое и пугающее. После войны такие сны преследовали его постоянно, и он уже и забыл, когда последний раз нормально высыпался. Вероятно, в те прекрасные дни, когда он еще сидел в штабе в тылу и занимался красочным и захватывающим освещением боевых действий для гражданских каналов и журналов – с тех пор, как он волей случая попал на передовую, спокойный сон ушел в небытие.

Тем временем, кто-то продолжал осыпать дверь градом ударов, и стало понятно, что просто так он не уйдет. Мо-

лодой лорд сполз с узкой кушетки в крошечном служебном закутке, служившем ему спальней и кабинетом, накинул на бледное жилистое тело шелковый халат и побрел через громадный богато обставленный холл к двери. Уже почти подойдя к двери, он вспомнил, что забыл активировать космо-костюм, выругался и приложил палец к браслету на запястье, запуская процесс активации. После чего костюм по ячейкам начал разворачиваться вокруг его руки, груди, шеи, головы, а затем и всего тела, полностью покрыв его прочнейшей чешуей. У всех Аргомантисов, как и у некоторых других древних родов, были уникальные космокостюмы и маски, сделанные на заказ в одном древнем храмовом ордене.

Молодой лорд особенно любил лицевую часть шлема на своем костюме – она идеально повторяла за ним эмоции, которые появлялись на его лице. Особенность, необходимая любому уважающему себя аристократу, даже такому несветскому как Аргомантис-младший.

Тем временем, он поправил халат, съехавший на бок по чешуйчатой поверхности костюма, изобразил на лице некое подобие приветливой улыбки, чтобы маска приняла подобающее наследнику уважаемой семьи выражение. Гладкая мутновато-зеркальная поверхность маски тут же среагировала на изменения и собралась в несколько гротескное лицо, с излишне правильными пропорциями и пустыми глазницами, светящимися ярким голубым светом, уродливое в своей излишне стерильной красоте, но в то же время почти живое.

Лицо настоящего аристократа.

Все эти манипуляции заняли у лорда около пяти минут, так что удары в дверь стали уже почти угрожающими, и вполне могли снести ее с петель. Лорд быстрыми движениями отключил электронный замок и распахнул дверь. Занесенная для очередного мощного удара рука гостя по инерции опустилась, но уже не на дверь, а на лоб Аргомантиса. Металлическая перчатка с оглушительным звоном отскочила от блестящей поверхности маски, не оставив на ней и следа.

Маска лорда транслировала высшую степень недовольства, и прошедший через модуляторы голос, глубокий и ровный, сообщил гостю некоторые малоизвестные сведения о правилах хорошего тона. Тем временем Аргомантис внимательно изучал гостя через синеватые стекла глазных прорезей маски. Нежданный посетитель оказался высоким господином в темно-сером космокостюме городской полиции. Маска его была лишена каких-либо эмоций – это уже была полезная функция для детективов и оперативников. На лбу шлема красовалась бордовая цифра «один», обозначающая офицерский ранг капитана полиции. «Хорошее начало дня, только полиции мне и не хватало для полного счастья», – подумал лорд.

– Старший капитан полиции детектив Джуджур Теманов, – чеканно отрапортовал здоровяк.

– Кевар Аргомантис, лейтенант тринадцатого космодесантного полка. В отставке. Чем обязан? – лорд говорил

учтиво, но в его словах сквозила холодная усмешка.

– Многоуважаемый лорд...

– Многоуважаемый лорд – это мой отец. А я, как вы можете заметить, не совсем он. Так что можете называть меня просто лорд или вообще как вам заблагорассудится, я не обижусь.

– Как скажете, лорд, – нерешительно кивнул полицейский, – в любом случае, мне поручено передать вашей семье важные новости, причем срочно.

– Срочно так срочно, – пожал плечами Аргомантис, – прошу.

Кевар подвинулся на полшага в сторону, пропуская полицейского. Попав в холл резиденции, детектив начал с любопытством оглядываться. За время своей долгой работы в полиции он бывал в огромном количестве всевозможных домов – и в бедняцких лачугах, и в домах богатейших дворянских семей, но такую роскошную обстановку как здесь, он раньше встречал разве что в королевском дворце, где он был как-то раз, когда сопровождал комиссара несколько лет назад.

Холл был огромен: помещение в три этажа высотой, вдоль всех стен – балконы с резными перилами, а напротив входа – широкая мраморная лестница. Стены были увешаны стягами с символикой семьи – серебристый богомол в боевой стойке, занесший свои тонкие лапки над головой, на черном фоне. Над лестницей на втором ярусе висел огромный голо-

графический герб все с тем же богомолком. Пол и лестницу устилали ковры с высоким ворсом. На стенах в тех местах, где не свисали многочисленные стяги, красовались платиновые лампы, светившие ярко-белым. В доме витал аромат старой благородной деревянной мебели и кристальной чистоты. В общем, резиденция Аргомантисов впечатляла гостей с порога.

Закончив осматриваться, полицейский вновь обратил внимание на молодого лорда; тот стоял позади, расслабленно прислонившись к деревянной стенной панели, сложив руки на груди, и с насмешливым выражением маски смотрел на растерявшегося от окружающей роскоши капитана. Детектив прокашлялся и вновь обратился к Кевару:

– Многоуважа... молодой лорд, могу ли я поговорить с лордом Рором-старшим?

– Боюсь, что это маловероятно. Для этого вам придется преодолеть половину королевства, потому что вчера вся семья умчалась отдыхать в семейную резиденцию на Варке.

– Скверно. Что ж, тогда, полагаю, вы передадите то, что я вам расскажу, отцу, да и остальной семье.

– Это смотря какая новость. Отец, знаете, очень трепетно относится к своей памяти и не забывает ее ненужной информацией.

– Боюсь, что это информация его все же заинтересует, лорд. Несколько часов назад ваш брат, лорд Рор-младший, был найден мертвым в своем кабинете. И у нас есть основа-

ния полагать, что он стал жертвой убийства. Я от лица нашего правительства выражаю вам свои соболезнования...

Выражение маски Кевара произвольно изменилось, теперь оно транслировало высшую степень удивления.

– Вот оно как. Не могу сказать, что сильно расстроен... Знаете, я не был с ним близко знаком, хоть мы и братья. Политическая карьера не способствует развитию теплых чувств. Но убийство? Он же был всего лишь заместителем казначея – зачем его убивать? Ограбление? – даже через динамики шлема голос Кевара звучал неуверенно и напряженно.

– Нет, мы не думаем, что это ограбление. Кроме того, это не единственное убийство за эту ночь. Мертвым был обнаружен в своем кабинете и начальник вашего брата, казначей Варден, – по едва уловимым сочувствующим интонациям в отфильтрованном голосе полицейского становилось понятно, что он вроде и не должен делиться подробностями дела, но удержаться не может, – лорд, я понимаю, что сейчас вам тяжело, да и время раннее, но вам все же придется слетать со мной в участок.

– Мне придется лететь с вами прямо сейчас, в такую рань? Зачем? Мне в любом случае придется связаться с семьей, чтобы решить все дела с похоронами и прочим...

– Нам нужно провести опознание тела, а вы, как оказалось, на данный момент единственный родственник покойного, который находится в городе. Мы бы не хотели раньше

времени афишировать произошедшее, решили пока оставить все внутри управления и вашей многоуважаемой семьи. Вы уж сами решите, что и когда сообщать общественности, тем более что вы-то в этом сами отлично разбираетесь. Я, к слову, был большим поклонником ваших репортажей... Простите, что-то я разговорился, – смутился детектив, – вам еще надо будет подписать несколько важных документов. Не беспокойтесь, это все займет у вас не больше двух-трех часов.

– Опознание? Это еще зачем?

– Вы сами все увидите, лорд.

– Бездна с вами, капитан. Дайте мне пару минут, чтобы собраться. Можете пока выпить чего-нибудь, где-то в этом доме наверняка есть кухня, я точно помню, – с этими словами молодой лорд быстрым шагом вышел из холла, а капитан остался стоять посреди холла, переминаясь с ноги на ногу и любопытно оглядываясь.

Аргомантис вернулся минут через десять, сменив халат на строгий костюм военного покроя, но без армейских знаков отличия. Темно-синий приталенный пиджак, черный жилет и темно-синяя рубашка с высоким воротом удачно контрастировали с серебристой почти зеркальной «кожей» космостюма. Когда они вышли на улицу, маска лорда вновь приняла дежурное холодно-учливое выражение, да так с ним и застыло. Капитан Теманов заметил эту перемену и неодобри-

тельно покачал головой, когда Кевар отвернулся. «Эти аристократические повадки у них впитываются с молоком матери, похоже. Человек пять лет провел на войне, а ведет себя все также».

По широкой подъездной дорожке они подошли к небольшому каплевидному полицейскому космолету, покрытому ржавыми потеками и кое-где дырками, прожженными энергетическим оружием.

– А я думал, что эту модель теперь используют только в армии, на периферии. Я на такой летал еще в начале войны, и даже тогда они считались древними дерьмовыми развалюхами.

– Нет, летают еще старички... Новых моделей мало, а те, что есть, идут в основном в королевскую гвардию и государственный отдел безопасности. Ну а мы, как всегда, обходимся тем, что остается.

Они втиснулись в узкую двухместную кабину. Детектив Теманов проверил показания приборов и поднял крошечный космолет над резиденцией Аргомантисов. Сделал круг над ней, набирая высоту, и направил транспорт над крышами богатейших домов Аристократического полумесяца в сторону вздымавшихся вдалеке шаров городского центра.

Слева по курсу темным пятном растекся заброшенный район номер 7 с его обветшалыми зданиями и горами мусора.

– А правда, что революционеры в седьмом прячутся? –

нарушил тишину Кевар.

– Нет, лорд, это вряд ли. Мы часто устраиваем туда рейды, чтобы гонять бездомных – там только подпольные нарколаборатории иногда накрываем, не более. Местечко слишком мерзкое даже для революционеров.

– Я все не могу понять, почему вы до сих пор этих крыс не накрыли. Как пять лет назад было, так и сейчас осталось – все те же мелкие акции, взрывы в торговых центрах да пассажирских лайнерах – новости только об этом и кричат. Вроде ничего серьезного, но люди-то продолжают гибнуть.

– Сил у нас не хватает на них, лорд. После начала войны уровень преступности и так вырос, так что революционеры – не главная наша проблема... Мы обязательно потом с ними разберемся, но сейчас нам не до них, – ответил капитан.

Кевар задумчиво покивал и снова отвернулся к окну. Весь оставшийся полет они провели в молчании. Проскочив между громадными сферическими домами жилых районов, они, наконец, добрались до главного управления полиции, кубического здания в самом центре города. Космолет сделал пару кругов вокруг него и начал снижаться к одному из многочисленных посадочных модулей. С противным скрежетом старенький транспорт втиснулся в не менее древние парковочные зажимы, несколько секунд подрожал на холостом ходу и застыл, посвистывая остывающим двигателем. Пассажиры с трудом пролезли через узкие проходы между дверьми корабля и пропускным клапаном входа и оказались в крошеч-

ной приемной.

Верхние пять этажей здания полиции занимал собственно участок, а нижние пятнадцать были отведены под центральную тюрьму. Такое соседство не радовало никого – ни полицейских, ни тюремщиков, ни заключенных, но архитектора заново отстроенного век назад города подразумевала максимальную экономию места, так что приходилось терпеть. Изначально тюрьма планировалась как временный «сортировочный» пункт, и большая часть заключенных ожидала в нем суда, а потом направлялась в отдаленные орбитальные колонии, однако, с учетом невероятно выросшего за последние несколько лет уровня преступности и арестов, «временное заключение» для многих растягивалось на месяцы и годы.

В приемной молодой лейтенант за стойкой отсалютовал капитану и глубоко поклонился Аргомантису. Серебряную маску лорда узнавали почти везде, несмотря на то, что уже пять лет он не появлялся в столице, да и лицом военной кампании перестал быть больше двух лет назад. Тем не менее, его помнили, а многие и относились с почтением.

Морг располагался на нижнем этаже участка, занимая его полностью – трупов в последнее время было не намного меньше, чем заключенных. Огромное темное ледяное помещение с сотнями столов наводило на самые неприятные мысли и вселяло трепет в любого, кто входил в него.

Моргом с самого основания участка ведал старый Крр

Орр, существо без определенной расы и племени. Так уж сложилось, что давным-давно все многочисленные нечеловеческие диаспоры были выселены из столицы. Кто остался в пригородах, облепивших пространство вокруг Стольного Астероида как полипы, кто убрался в дальние периферии – но в черте города встретить кого-либо не человекообразного было почти невозможно. Древнее семейство чешуекрылых бабочкообразных Северяновых держали сеть лучших в городе аптек; еще несколько представителей вымирающих старых охранителей доживали свой век при Старобожьем храме, да еще светляки на Аристократическом полумесяце; все остальные расы в черте города были представлены одной семьей – дипломатами в Верховном совете при короле. И у каждого было личное разрешение, выданное за подписью Его Величества. У всех, кроме Крр Орра. Он был единственным легальным нелегалом во всем городе. На самом деле, никто доподлинно не знал, к какой расе он вообще относится: во всяком случае, ни к одной, что входили в состав Королевства в последние две-три тысячи лет. Сам он тоже то ли не знал ничего толком, то ли не хотел делиться информацией о своем прошлом. Однако в своем деле он был непревзойденным профессионалом, и потому ему позволили остаться в городе во время всех чисток. Тем более что жил он там же, где и работал – в морге, и никому не мозолил глаза.

Младший Аргомантис познакомился с ним еще во время своего обучения в университете, когда, вопреки воле отца,

решил проходить практику не в Верховной коллегии или суде, а в полиции. С тех пор и до самого ухода на войну он время от времени навещал старого знакомого. Иногда лорд приносил ему деликатесы с семейной кухни, взамен получая интересную и порой весьма секретную информацию, которую потом использовал в своих журналистских анонимных опусах.

Когда Джуджур и Кевар спустились на дрожащем и скрежещущем лифте в морг, Крр Орр завтракал. Его многочисленные рты, хаотично расположенные на огромном склизком теле, активно пережевывали бутерброды, цыплят и торты, которые он хватал десятками своих серо-коричневых щупалец с огромного стола. В то же время, три его руки с тонкими длинными пальцами на других столах вскрывали одновременно три трупа. С учетом необъятного колышущегося туловища, большую часть которого занимал желудок, и длинных щупалец, получалось, что обитатель морга занимал почти все помещение и легко дотягивался до любого угла.

К посетителям повернулась крохотная голова с десятками выпученных глаз и приблизилась, вытягиваясь на очень длинной тонкой шее.

– Какие люди, неужели это Малыш Кевар? – прошипела сотня ртов. Крр по какой-то никому неизвестной причине всегда разговаривал только вопросами, – Давненько не виделись, верно? Как жизнь, говорят, отвоевал ты свое? Надоедо на халявных харчах жить, захотелось фирменных семей-

ных пирогов с печеню? – Крр глухо рассмеялся, потом резко остановил смех, будто вспомнив о чем-то, – очень печально, что мы встретились по такому грустному поводу, правда? Мои соболезнования, примешь?

– И тебе не хворать, старый обжора. Я смотрю, ты все больше и больше, хотя казалось бы куда уже, – улыбка Кевара получилась на удивление искренней, – да, жалко, что так вышло с братом... Хотя все мы не вечные. Кроме тебя, понятно, старый хитрец.

– И то верно, дружище, и то верно, действительно? – ухмыльнулись десятки ртов, – Капитан, тело вон в том углу, видите? – Крр ткнул щупальцем в сторону единственного ярко освещенного стола.

Посетители прошли через ряды накрытых простынями трупов, голова Крр следовала за ними на своей тонкой шее и продолжала вещать:

– Убили обоих профессионально, аж дух захватывает от такого красивого и качественного исполнения, представляете? Убийца явно мастер высокого полета, стилетом пробил сонную артерию, вы давно такую точность видели?

– Убийца-профессионал... Значит, это все-таки вряд ли революционеры, – задумчиво пробормотал капитан.

– Рушится главная версия? – сочувственно спросил Кевар.

– В целом, да. Если бы у них появился такой спец, они бы не стали размениваться на казначея и его помощника. На-

сколько мы знаем, сейчас их основная цель – министр обороны лорд Кафраш. Уже десять неудачных покушений за два месяца.

Они подошли к освещенному столу. Тело, лежавшее на нем, было накрыто белой простыней, с расплывшимся красным пятном на уровне лица.

– Лорд Аргомантис, как давно вы видели брата без космокостюма?

– Перед отлетом на фронт, чуть больше пяти лет назад. После моего возвращения не виделись вообще. А что?

– Сможете опознать его по каким-либо чертам вроде шрамов, пигментации?

– Думаю, смогу. Постараюсь.

Капитан быстрым движением сдернул простыню с трупа, и она упала на пол. Зрелище, представшее Кевару, поразило даже его, повидавшего ужасы войны. Молочно-белое тело было полностью покрыто вырезанными прямо по плоти буквами, а на месте лица было мясисто-красное нечто с проглядывающими белыми вкраплениями черепа.

– Лорд, можете ли вы подтвердить, что это ваш брат, Рор Аргомантис-младший?

Кевар наклонился к трупу, делая вид, что изучает приметы, хотя сразу заметил большой зигзагообразный шрам на правой ключице – его брат получил в детстве тростью отца, когда случайно разбил голографическую фотографию матери. На самом деле сейчас Кевар вчитывался в символы, вы-

резанные на теле. Полагаясь на свою фотографическую память, он отложил анализ текста на потом – сейчас было не до того.

– Да, капитан, я абсолютно уверен, что это мой брат. Вот эти три родинки и шрам на ключице. Было бы, наверное, лучше, если бы вы предупредили меня об этом заранее.

– Прошу прощения, но дело повышенной важности и секретности, жертвы – высокопоставленные чиновники, сами понимаете. Нельзя распространяться о подробностях за пределами участка, приказ комиссара. Вам, кстати, еще придется подписать соглашение о неразглашении. Только давайте поднимемся ко мне в кабинет, нечего тут задерживаться, право слово.

– Как скажете, капитан, – Кевар действительно хотел уйти из помещения морга как можно скорее. И все же он отметил про себя некоторое несоответствие в словах полицейского: сначала рассказал подробности о расследовании, и лишь потом сообщил о секретности. Странно.

Они попрощались с Крр и поднялись на лифте на шестнадцать этажей выше, где располагался отдел расследования убийств, или просто Плохой угол, как его называли сами полицейские. Здесь служили самые лучшие, смекалистые и хорошо подготовленные детективы и оперативники. В то же время это были самые жесткие и суровые люди во всем управлении. Стать своим в Плохом углу – цель любого уважающего себя копа, но добиться этого могли только лучшие

из лучших.

Кабинет капитана Теманова располагался в дальнем углу этажа, и был обставлен в том же мрачном типовом стиле, что и все помещения здесь – металлические панели и мебель, узкие бойницы окон, старые кряхтящие компьютеры.

Капитан сел за узкий стол, Кевар расположился на скрипящей табуретке напротив. Пока Теманов заполнял бумаги для подписи, лорд получил возможность хоть немного поразмышлять над сложившейся ситуацией.

Спросил у капитана, можно ли закурить, из кармана пиджака достал электронный ингалятор, заправленный лучшим сортом кристальной пыли (такую качественную собирали только в одной провинции Королевства, в разрушающемся скоплении кристаллов Мбали), свернул маску, забил трубочку и, уже не задумываясь о правилах хорошего тона, сделал глубокую затяжку. Тело как будто перестало существовать, все его самовосприятие сконцентрировалось в голове, и он смог сосредоточиться на своих мыслях.

С семьей Кевар не имел уже давным-давно никаких контактов: пару раз в год общался с отцом, а с братом – и того реже. Причин для этого было много, но, тем не менее, какие бы у них с братом и отцом ни были отношения, каким бы Кевар ни был оторванным от семьи ломтем, он действительно был опечален гибелью брата и хотел понять, что же все-таки произошло.

Мысли свободно скользили мимо, и ему было достаточно

только выхватить нужную. Воспоминания, логические связи, догадки, идеи – все это стало овеществленным, таким же реальным и осязаемым, как и мир вокруг. Такой концентрации он мог добиться и с помощью медитации, но на приведение разума в подобное состояние путем дыхательных упражнений требовалось значительно больше времени.

Когда действие кристальной пыли закончилось, Кевар задумчиво спросил у детектива:

– Послушайте, капитан, у вас есть какие-нибудь рабочие версии? Хоть что-то? Кроме того, что это, скорее всего, не революционеры – это уже и так вполне очевидно.

Полицейский оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на Кевара. Потом вздохнул, пощелкал клавишами на запястье костюма – маска по ячейкам свернулась, открыв молодое лицо с волевым подбородком, коротко остриженными черными волосами, смуглой кожей и ярко-зелеными умными глазами.

– Лорд, я понимаю, что вам тяжело. Все-таки он ваш брат. Но и вы поймите – у нас почти нет людей, мы пытаемся усмирять народные волнения, сдерживать последствия нападений революционеров, ну а антивоенные митинги с кучей вооруженных кретинов под лозунгами «Сложим оружие!» – это вообще нечто. В общем, мы, само собой, будем пытаться разобраться в этом деле, но я не могу вам обещать никаких быстрых результатов. Говорю вам честно и надеюсь, что отцу вы передадите... в чуть более мягкой форме, – во время

всей речи лицо детектива выражало искреннее сочувствие, но на последней фразе стало почти испуганным – видимо, вспомнил, с кем говорит. Впрочем, Кевар оценил и искренность собеседника, и то, что тот удосужился снять маску для более эмоционального диалога. Да и говорить хоть что-нибудь отцу он не планировал. Но делать с этим все равно что-то надо было, он просто не мог оставить все как есть.

– Я понимаю, конечно, все понимаю. Но... знаете, я, пожалуй, могу помочь. У меня за плечами много чего, военная разведка, в том числе... Могу оказаться полезным. Вы, кстати, уже проанализировали по своим базам послание?

– Какое послание?

– Как какое? Которое на теле брата, – Кевар видел непонимающее выражение лица капитана, поэтому решил сразу пояснить, – там надписи, на древнем языке куахири, его до сих пор используют последователи некоторых монашеских орденов, насколько я помню. Странно, что вы не заметили. Я сейчас отыскал пару старых книг в электронной копии семейной библиотеки – я их когда-то читал... В послании говорится что-то вроде... Сейчас, попробую перевести.

Кевар повернул к себе сенсорный экран на столе капитана и принялся сосредоточенно писать, водя по стеклу пальцем, время от времени зачеркивая и стирая. Через несколько минут повернул экран обратно к детективу. На черном фоне светились яркие буквы:

Начало положено смерти,
Коса пожнет всех причастных.
Не зря принесены жертвы эти,
Но лишь для спасенья несчастных.

– Как-то так примерно это выглядит в переводе. Есть какие-нибудь идеи?

– Если честно, нет. Но я загружу и перевод, и оригинал в аналитическую программу – может что-то и найдем. А... откуда вы знаете этот язык? – с любопытством спросил детектив.

– Как я уже сказал, в свое время я немало читал – а память у меня неплохая. Что-то еще, как оказывается, помню.

– Еще раз благодарю вас за желание оказать помощь следствию, лорд. Если что-то станет известно или если нам действительно понадобится ваша помощь – я дам вам знать. И будем надеяться, что наш убийца в столице пролетом, и больше жертв не будет, – устало вздохнул капитан, возвращаясь к документам.

После более чем насыщенного утра Кевару была остро необходима хоть какая-то разгрузка: нервы его, хоть и привычные уже к большим стрессам, натянулись до почти ошутимого звона. В ответ на вежливое предложение капитана Теманова подвезти его до дома, лорд отказался и отправился на ближайшую станцию общественного транспорта.

Детектив произвел на него исключительно положительное впечатление: он казался вполне приятным человеком, что было редкостью для представителя государственного учреждения. Но главное, капитан показался лорду профессионалом своего дела – а это было еще большей редкостью. Так что Кевар решил не отвлекать лишний раз полицейского от дела – чем быстрее начнут полноценное расследование, тем больше будет шансов найти убийцу – так он для себя решил. Кроме того, и эта причина на самом деле была куда важнее (хотя сам Кевар себе в этом не хотел признаваться): ему было чрезвычайно трудно сходитья с новыми людьми, и общество даже самых приятных и положительных личностей крайне его тяготило. Причин для этого было множество: начиная от аристократического воспитания и привычки всегда держаться отстраненно и холодно, и до приобретенной за годы жизни в столице и, особенно, на фронте, нелюдимости.

На скамейках за стеклянными стенками остановки, приютившейся на крыше здания управления полиции, в унылом оцепенении сидели несколько человек самого потрепанного вида – то ли только что отпущенные и еще не поверившие в свою удачу мелкие жулики, то ли бездомные, греющиеся горячим воздухом из вытяжек на крыше здания. Само собой, ни о каких космокостюмах тут и речи быть ен могло: бедолаги или лишились права ношения этих незаменимых устройств за правонарушения (что автоматически переводило их в самую низшую и бесправную касту), или просто про-

меняли свои браслеты на дрянной алкоголь.

Накренившееся табло с расписанием транспорта сообщало, что ближайший аэроэкспресс, следующий по маршруту Новый город – Аристократический полумесяц, ожидается через четверть часа. Недовольно посопев, Кевар прошелся туда-сюда мимо грязного стеклянного короба остановки. Угрюмые соседи не обратили на него никакого внимания или, скорее, сделали вид, что не обратили – все-таки не каждый день в этих местах встретишь разодетого отставного офицера, а уж тем более лорда.

А вот для Кевара как раз не было никакой новизны в таком соседстве: на фронте он и не такое повидал, вроде бы, ну что ему были эти несчастные? Но, на удивление, они умудрились одним своим видом вконец испортить его и без того паршивое настроение.

Если бы не его всегдашнее везение весьма специфического свойства (хотя, это еще с какой стороны посмотреть), позволившее ему выжить на войне и на первый взгляд не особенно применимое в гражданской жизни, им непременно полностью завладел бы очередной приступ черной меланхолии – почти до физической боли, как уже не раз бывало в последнее время. Но везение все же осталось при нем, и перед остановкой откуда-то снизу выплыл маленький красный космолет; откидной колпак кабины отполз вверх, и знакомый голос весело окликнул Кевара:

– Товарищ лейтенант, не желаете ли составить прекрасной

даме компанию в небольшом путешествии?

– Сесси, это ты, что ли? – Кевар недоверчиво всмотрелся в смутные очертания силуэта пилота. Корректирующие его плохое зрение стекла шлема порой настраивались крайне долго.

– Ну а кто же еще. Залезай, небольшой тур по столичным забегаловкам тебе сейчас точно не помешает.

Юный лорд не заставил собеседницу повторять приглашение и проворно впрыгнул в кабину.

Маленький корабль несся чуть выше разрешенного уровня, и вокруг раскинулся великолепный вид на медленно просыпающийся в утренней дымке город. Искусственное солнце неторопливо поднималось по небесной сфере и меняло цвет с бледно-розового до оранжевого и дальше к ярко-желтому. Его блики отсвечивали от блестящих поверхностей зданий и бегали по синей глади раскинувшегося вдалеке озера Пунги.

Кевар бросил любопытный взгляд на попутчицу. С Сессией Вайт они были знакомы с давних пор, еще до войны. Когда они виделись последний раз – а это было незадолго до его отбытия на фронт – она как раз поступила на службу в полицию на должность помощника главного психолога объединенного учреждения: тюрьмы и центрального участка. Вернувшись в город, Кевар навел справки: за пять лет Сесси умудрилась дослужиться до звания капитана и должности главного психолога, причем стала специализироваться в том числе и на переговорах с террористами. Глядя на ста-

рую знакомую, он пытался понять, какой отпечаток наложили на нее прошедшие годы, и не мог найти значительных изменений: все тот же задорный блеск в темных карих глазах, все те же смешливые складки в уголках рта – как будто бы она была все той же юной и веселой студенткой, разве что не по годам мудрой. Конечно, он искренне порадовался за нее – хоть кто-то сумел сохранить в себе радость и интерес к жизни в эти непростые годы. Но в то же время где-то в самой глубине густой мерзкой жижей заклокотала черная зависть – уж кому-кому, а Кевару вовсе не удалось пронести через эти годы и малой части того беззаботного жизнерадостного парнишки, которым он когда-то был.

Впрочем, он постарался как можно скорее отогнать мрачные мысли и запрятать их как можно дальше: все же, когда имеешь дело с одним из лучших психологов страны, лучше контролировать свои эмоции. С другой стороны, Кевар в конце концов предположил, что от Сесси ему все равно вряд ли удастся хоть что-нибудь скрыть, и решил нарушить тишину:

– И чем живет нынче главный полицейский психолог?

– Ага, выяснил уже, молодец, – в ответ девушка одарила его кривой, но вполне дружелюбной усмешкой и быстрым взглядом из-под длинных светлых ресниц. Маску она принципиально не носила почти никогда, считая, что многовековая традиция прятать свое лицо исключительно негативно сказывается на психике населения, – главный полицей-

ский психолог живет в основном постоянным общением с буйно помешанными опасными для общества террористами и запуганными, уставшими от собачей жизни полицейскими. И тех, и других нужно по возможности привести в чувство, только, сам понимаешь, для разных целей и разными методами... В общем, жизнь достаточно насыщенная, но в то же время сил и времени ни на что, кроме работы, не хватает.

– Мне кажется, что, даже если бы в начале карьеры единственной твоей профессиональной обязанностью было перекладывание камушков из одного ящика в другой, в итоге ты пришла бы к тому, что мало того что грузила бы огромные глыбы, так еще бы и их заставляла тебе изливать душу.

– Да, могу с гордостью признать, что работоспособность – это вполне себе моя сильная сторона, – серьезно кивнула собеседница, лихо управляя кораблем одной рукой, энергично жестикулируя другой, – и психология тоже неплохо мне подходит. Очень интересно разбираться в мотивах людей, залезать в самое сокровенное...

– Меня радует, что ты смогла реализовать в том, что тебе действительно интересно, – с едва ощутимым уколом зависти сказал Кевар.

– И ты реализуешься, не переживай, – как будто прочитав его мысли, ответила Сессилия. «А может, и правда она стала настолько крутым психологом, что определяет даже малейшие колебания интонаций? Не удивлюсь, если так и есть», – подумал Кевар, но вслух сказал только:

– Как-то уже не очень в этом уверен. Последние пять лет научили меня очень многому, но в сухом остатке – только самая малость, и все как-то неприменимо к мирной жизни.

– Ну так иди к нам на службу, в полиции всегда нужны толковые кадры. Или в королевскую гвардию, или вот даже в разведывательное управление... Хотя туда совсем трудно попасть, но почему бы не попытаться.

– Дело в том... В общем, я бы действительно хотел завязать с тем образом жизни. Да, после того как меня занесло на фронт – а я туда, Бездна дери, совсем не хотел, меня обучили разведке, убийству и много чему еще, но мне это совсем не по душе. Знаешь, как-то не мое. Ты же вроде в курсе, что все мои тесты всегда показывали склонность к вольным творческим профессиям – а никак не к службе в военных и государственных структурах. И, кстати, после того, каким образом я закончил службу, меня даже постовым в полицию вряд ли возьмут.

– Это ты про Фрактуру?

– Именно, да. А ты в курсе? – удивился Кевар.

– Самую малость, все-таки твое дело еще долго будет засекречено. Но зато у меня есть пара бывших однокашников в Центральном военном реабилитационном центре.

– А, ну тогда все ясно. Не удивлюсь, если доктор Перова – одна из этой пары, уж очень она усердствовала, выпрашивая о моем прошлом.

– Да, Виктория и еще доктор Скрэт, начальник ночной

смены.

– Помню такого, да. Щупленький усач, в круглых очках.

– Ага, именно он.

– И что же, они тебе рассказали мою душещипательную историю? А как же врачебная тайна?

– Родной, на офицеров в военное время такие штуки как врачебная тайна, право на личную тайну и много чего еще не распространяется. Военная тайна – дело другое, но главному психологу столичной полиции некоторую информацию о возвращающемся с фронта отставном офицере они были обязаны предоставить. Впрочем, ничего “слишком” секретного они мне и не рассказали. К сожалению, – Сессилия кинула на него быстрый, но цепкий и пронзительный взгляд, – провалы в памяти продолжают продолжаться?

– К сожалению, да. То есть до реабилитации они регулярно случались, прям как в детстве. Сейчас пока не было, но я все равно не особо уверен в своих воспоминаниях.

– Ты не думал, что нам пора возобновить сеансы? Раньше был очевидный прогресс.

– Вообще говоря, было бы здорово. Но сейчас как-то не до того, если честно. Но все равно спасибо.

– Не хотела на ходу с тобой это обсуждать, но все же, как ты? Вы с Рором, конечно, никогда не были близки, но все-таки родной брат...

– Ты и об этом уже знаешь?

– Да вот только что пообщалась с Джуджуром Темановым,

он мне и сказал, что ты недавно от него вышел. Так как ты?

– Нормально, – как можно более спокойно ответил Кевар, но тут же спохватился, – хреново, конечно, но терпимо. После всего, что приключилось со мной на Фрактуре, к смерти я отношусь спокойно... Вернее, даже безразлично. Но я очень надеюсь, что Теманов сумеет найти ублюдка, сотворившего такое с братом. Если будет необходимо – помогу, чем смогу.

– Реакция правильная, только смотри, не наломай дров. А то я тебя знаю, ввяжешься в заварушку, и потом опознавать придется уже твой изуродованный труп.

– Жестко. Ты стала суровой.

– Справедливей. И честнее. Но не о том речь. В общем, пожалуйста, будь осторожен. Похоронами ты будешь заниматься? – Кевар не ожидал такого вопроса, да и не успел еще об этом подумать. Немного поразмышлял и ответил.

– Вряд ли. По семейной традиции, Аргомантисов хоронят только в Серых лесах в фамильных угодьях у Варки. Так что распоряжусь отправить Рора к отцу.

– Ты очень спокоен, раньше бы ты реагировал по-другому.

– Война, Сесси, меняет людей. Вот и я не исключение. Да, мне жаль брата, но эта жалость и грусть где-то будто очень далеко от меня. Намного сильнее меня гложет другое чувство. Желание найти убийцу. Вот я и думаю: а может, это мой шанс? Теперь я смогу сделать хорошее дело, помочь найти психопата, отомстить за брата по справедливости. Так что в

чем-то я даже рад случившемуся, как бы это ни звучало.

Сессилия посмотрела на него очень долгим взглядом, но ничего не ответила. Дальше они летели в тишине, а потом, когда неспешно прогуливались по просторной набережной озера Пунги от одного старого кафе к другому, больные темы больше не затрагивали: вспоминали прошлое, обсуждали последние светские сплетни. Кевар был вполне доволен таким времяпрепровождением – все-таки он искренне соскучился по старой подруге, с которой его связывало многое. И, что важнее, она связывала его самого с прошлым, с этим городом, с нормальной жизнью.

Глава 2

Омбро

Канализация столицы была намного древнее самого города, который был полностью снесен не раз за его историю: во время метеоритного дождя Трехтысячного года от Планетарного Исхода, во время обеих войн с пентами и еще несколько раз – правда, уже частично.

При этом город отстраивался заново, в то время как канализация кое-где реставрировалась – да и только. Густая сеть древних лабиринтов вгрызалась вглубь огромного астероида, поверхность которого покрывал город. Как червоточины, коридоры расплзлись в гигантском камне, и бесконечным переходам, залам, лестницам и шахтам не было счета.

Про Нижний город, как его называли в народе, ходило множество легенд, большинство из которых, конечно, были просто сказками из разряда городских ужасиков, но некоторые были вполне правдивы.

Омбро же не было никакого дела до слухов – канализация была ее тайным убежищем последние пару месяцев, и ее интересовала только безопасность и недоступность. Просторное помещение, располагавшееся чуть ниже старого технического уровня и служившее раньше, по всей видимости,

складом припасов на время осады города, подошло ей идеально. Достаточно удаленное от используемых техническими сотрудниками маршрутов, но при этом совсем рядом – заброшенная ракетная шахта старых систем обороны, по которой можно быстро попасть наружу, и не где-то, а в седьмом районе, пустующем со времен Лунной чумы. А главное, что тут было достаточно места для хранения аппаратуры и припасов. Впрочем, она уже давно нашла для себя другое убежище, самое надежное и скрытое, но для хранения оружия и прочих приспособлений, необходимых в ее деле, оно не подходило.

Предыдущая ночь, наконец-то, принесла долгожданные плоды – начало претворению ее плана в жизнь было положено, и даже намного удачней, чем она планировала. На самом деле, разобраться с казначеем она рассчитывала через пару месяцев, но, придя за Аргомантисом, обнаружила этажом выше и самого Вар-дена. Не воспользоваться шансом было глупо, разве что только второе послание она не подготовила, а жаль. Ей стало интересно, насколько быстро полицейские начнут хоть о чем-то догадываться. Игра, которую она затеяла, была чертовски опасной, но отказываться от своего плана она не собиралась – никто и не думал, что будет просто, а риск есть всегда и во всем.

Причем с каждым ее шагом риск и опасность только увеличивались, но останавливаться было нельзя. Вот и сейчас, вместо того, чтобы отсидеться хотя бы пару дней, Омбро,

следуя плану, собралась в новую вылазку. По узкой расшатанной лестнице, поднимавшейся спиралью по стенкам глубокой ракетной шахты, она вскарабкалась на поверхность. Осторожно подняла крышку люка, осмотрелась. Вокруг было темно и тихо, как и показывали камеры, установленные ей в округе. Тихо выбралась из шахты, прикрыла и без того не очень приметный люк досками и строительным мусором, в огромном количестве сваленными в этой части района. Со всех сторон – пустые малоэтажные дома с черными провалами окон, разваливающиеся прямо на глазах. Вдалеке с одной стороны – светящиеся гиганты шаровых домов, с другой – переливающийся размытыми фонарными огоньками Аристократический полумесяц. Над головой – защитный купол, почти прозрачный, а за ним – открытый космос, миллиарды звезд и миров. Омбро остановила поток отвлеченных мыслей, вывела из неприметного закоулка космобайк и рванула в сторону центра города, набирая высоту.

Она пролетела весь центр насквозь, стараясь прижиматься как можно ближе к крутобоким стенам зданий, проскальзывая в узкие проемы арок навесных переходов и мостиков, лавируя между парящими в воздухе дешевыми продуктовыми магазинчиками и избегая крупных воздушных магистралей, проложенных вдоль верхних ярусов домов. Вся столица была нашпигована камерами слежения и жучками, принадлежащих как государству, так и корпорациям – за людьми следили с абсолютно разными целями. Службы без-

опасности пытались выискивать и отлавливать недовольных режимом, нарушителей порядка и прочих неугодных обществу и государству личностей. Корпорации же отслеживали привычки и предпочтения населения, для того чтобы лучше продавать свои бесконечные и в большинстве своем бесполезные товары. Слежка, однако, осуществлялась только в тех местах, где постоянно находилось большое количество людей, в то время как достаточно было немного изменить свой маршрут, чтобы обнаружить изнанку процветающего общества потребления: обветшалые стены, горы мусора и прочую грязь. Желающих столкнуться со всем этим почти не было, поэтому именно такими путями, спрятанными в тени и не привлекающими лишние взоры, и приходилось пользоваться Омбро.

Пару раз байк царапал стены корпусом, его начинало закручивать так, что легко можно было сорваться с огромной высоты в темноту нижних трущоб, но Омбро привычными движениями возвращала его в исходное положение.

Бешеная гонка закончилась достаточно быстро. Оставив жилую часть центра позади, она попала в офисный район с тысячами зданий всевозможных форм и размеров. Но и здесь она не задержалась, лишь пронеслась темным пятном мимо представительств банков и семейных корпораций, подсвеченных разноцветными неоновыми логотипами. За офисным кварталом широким темным пятном раскинулся Парк Планетарного исхода. Это было огромное зеленое простран-

ство в несколько сот гектаров, местами покрытое ухоженными лужайками, местами – дикими густыми зарослями всевозможных экзотических растений с далеких планет. В центре парка высился громадный монумент в форме спирали, Галактика Памяти. Впрочем, в народе его называли исключительно Червем Амнезии. Поставили его в последний год правления предыдущего короля, в честь ветеранов войны с пентами, а буквально следующим указом король лишил прав на материальную помощь последних оставшихся в живых из тех самых ветеранов.

Вне зависимости от названия, монумент был замечательным объектом искусства – больше трехсот метров в диаметре, выполнен из алмазного стекла со светящимся разноцветным газом внутри. Ночью Галактика впечатляла особенно сильно, освещая большую часть парка и близлежащие районы, заменяя искусственное солнце, отключенное до утра. Слева среди деревьев торчал несуразный конус Старобожьего храма, необычное по своей архитектуре строение, уходящее своей узкой частью в землю, а широкую плоскую площадку возносящее к небесам. Вдали, далеко за краем парка, за темнотой озера Пунги, высился Королевский дворец, окруженный тускло мерцающим энергетическим куполом.

Омбро проскочила между огромными трубками Галактики и, не снижая скорости, начала спускаться навстречу верхушкам деревьев. Вскоре до земли оставалось уже не больше десяти метров, байк летел над брусчатой дорожкой, вокруг

свистели извивающиеся ветки Аргонских акаций. Это была самая безлюдная часть парка; дело в том, что ландшафтные дизайнеры, высаживая эти акации в парке, не учли, что при взаимодействии с взвешенными в городском воздухе примесями их кора и листья становились в высшей степени ядовитыми. Таким образом, кусок парка площадью около гектара превратился в зону отчуждения, в которую не рисковал заходить никто. Ну или почти никто. Например, Омбро направлялась именно сюда.

Ближе к середине Аргонской пущи она остановила свой байк, примяв густую ни разу не стриженную траву. Внимательно осмотрелась, наконец, увидела то, что искала, и быстрым шагом направилась к толстой акации. Ее ствол в обхвате был не меньше пяти метров, ярко-желтая гладкая кора отсвечивала в призрачном свете Галактики, а по дереву плясали тонкие черные тени ветвей. Омбро осмотрела дерево, обошла вокруг него пару раз. Потом заметила маленький сук на уровне глаз и потянула его вниз. Под ногами что-то за скрипело, задрожало, и часть дерева с куском дерна уползла вниз, открывая узкий темный проход. Омбро сняла с пояса армейский пистолет, активизировала его и прикрепила в специальный паз сверху мощный крохотный фонарик. Внимательно посмотрела напоследок по сторонам и шагнула в темный провал.

Лестница была настолько узкой, что Омбро цеплялась металлическими наплечниками костюма за каменные стенки,

издавая тихий, но противный скрип. Узкий белый луч фонаря выхватывал старую кладку на стенах и потолке и прогнившее дерево ступеней, кое-где торчали корни акаций. Даже сквозь фильтры костюма пахло сыростью, перегноем и еще чем-то сладким, возможно, пылью акаций. Спуск продолжался не меньше десяти минут, а в конце ее ждала массивная железная дверь с пятнами ржавчины и прожилками голубой плесени. Не останавливаясь, Омбро выпустила несколько тепловых снарядов в район замка и плечом распахнула жалобно застонавшую дверь.

За дверью было просторное помещение с высоким бетонным потолком. По потолку в несколько рядов шли яркие лампы, освещавшие скудную обстановку зала: несгораемые оружейные шкафы, ряды двухъярусных кроватей, огороженные ширмами столы. Насколько Омбро могла оценить на первый взгляд, зал был почти пустой, если не считать привалившегося к колонне совсем рядом с входом полусонного парнишки лет шестнадцати, по всей видимости, оставленного за часового.

Среагировав на грохот двери, парнишка встрепенулся. Омбро могла и не трогать его, но ей надо было продемонстрировать серьезность своих намерений и показать, кто есть кто. Поэтому она коротким быстрым движением ударила часового в кадык, милосердно обеспечив тому почти ментальную смерть. Жалобно пискнув напоследок, с тихим шлепком паренек опустился на пол. Перешагнув через тело,

Омбро неторопливо прошла через зал к двери в противоположной стене, попутно осматривая помещение. Небогато живут господа, совсем небогато. Но в ее ситуации выбирать помощников не приходилось.

Когда он почти уже пересек зал, дверь открылась ей навстречу. В проеме показался крупный мужчина в болотного цвета армейском космокостюме, без шлема. Лицо его было испещрено сетью тонких шрамов, а через лоб, начинаясь от бритой налысо макушки, шел безобразный ожог – вероятнее всего, от выхлопа рефлекторных двигателей.

– А вот и наша мастерица пожаловала, – глухим бесцветным голосом поприветствовал гостью мужчина. Мельком глянул на мертвого парнишку, недовольно цокнул языком – но вслух никак не прокомментировал, – меня зовут Ванти Кхала, руковожу центральной ячейкой.

– Надо обсудить кое-что.

– Ну само собой, я вас ждал... Спасибо, что связались с нами. Я только так и не понял, вы из какой-то региональной ячейки организации? Странно, что меня не предупредили об акции в моем городе.

Омбро молча смотрела на собеседника, буравя его взглядом своих светящихся красным визоров. После нескольких секунд молчания, она все тем же ровным голосом ответила:

– Нет, я не из ваших. И не из сочувствующих. Сочувствовать таким как вы – не в моих правилах. Но я хочу предложить вам сделать хоть что-то полезное.

Судя по вытянувшемуся лицу собеседника, его несколько ошарашили слова Омбро, равно как и форма их подачи, но, еще раз быстро взглянув на труп часового, он, видимо, решил быть максимально учтивым. Вместо этого он нервно кивнул и пригласил гостью пройти в небольшой скромно обставленный кабинет. Кроме массивного стола и пары колченогих стульев, в узкое помещение вместились только раскачивающаяся под потолком лампочка без абажура; запах сырости и плесени здесь был еще сильнее, чем в первом зале и на лестнице.

Омбро настроила воздухозаборники костюма, чтобы они не пропускали запахи извне, и смогла, наконец, сосредоточиться на цели своего визита, не отвлекаясь на навязчивые рвотные позывы. От предложения присесть на не вызывающий доверия стул она отказалась, и сразу перешла к делу:

– Хочу обсудить всего одно дело: готова ли ваша революционная ячейка оказать мне посильную помощь?

– Мочить зажавшихся уродов – всегда пожалуйста! С вашими умениями мы горы свернем! К аристократам так просто не подобраться, с нашими-то ресурсами...

– Дело не в ресурсах. Просто у вас руки растут не оттуда. В первую очередь мне нужно, чтобы вы не мешались мне под ногами – это раз. И два – я хочу, чтобы в любой момент по моей просьбе вы были готовы сделать то, что я скажу. Тогда буквально через несколько месяцев мы доберемся до самых верхов. И никакой самостоятельности без согласования

со мной.

Было видно, что лысый вовсе не был согласен с поставленными условиями, но на его обезображенном лице явно читалась внутренняя борьба: эта странная мрачная госпожа в тяжелом боевом космокостюме, с глухим скрежещущим голосом, только что легко убравшая казначея, об убийстве которого они даже не помышляли, да еще и заодно с его наглым подпевалой Аргомантисом, была для них крайне необходима. С другой стороны, Обожженный строил и организовывал деятельность на благо революции в этом городе уже много лет, и эта заносчивая особа сильно его раздражала и беспокоила. Нет, конечно, она не могла быть засланным агентом или вроде того – ее действия говорили сами за себя. Но то, как она себя ставила... Тем не менее, единственно верное решение было принято, лысый тяжело вздохнул и ответил:

– Да, идет... Идет. Каков план?

– Для начала: завтра я сделаю еще один ход, после чего хочу переждать некоторое время в укрытии. Пока я буду в тени, вы должны будете сделать немного мелкой, грязной, но полезной работы. Потом я с вами свяжусь. Здесь, – он протянул чип, – вся информация. Если сделаете все грамотно – продолжим совместную работу, если нет – всех вас ждет его судьба, – она ткнула пальцем за спину, в направлении бедагаги-часового.

– Хорошо, да. Спасибо... Как мне с вами связаться?

– Никак. Я сама назначу встречу, и, пожалуй, на нейтраль-

ной территории – здесь у вас мерзковато. На этом все, – Омбро развернулась и направилась к выходу.

– Товарищ! Последний вопрос! Как вы нас нашли? Мы же так неплохо спрятались тут... Под самым носом у копов...

– Неплохо? Вам просто пока везет, что копы еще тупее вас. От ваших генераторов идет такой электромагнитный фон, что мне вообще странно, как к вам еще электрики не заявили со штрафами. И не надо называть меня товарищем, я вам не товарищ. Зови меня Омбро.

Кевар

Предыдущий день у Кевара выдался далеко не самым приятным, а очередная ночь с кошмарами добила его окончательно. Так что лорд решил, что ему непременно стоит отдохнуть и поразмыслить обо всем случившемся.

Он вообще любил поразмышлять – умственная, духовная разрядка была для него, пожалуй, самым главным и непрерывным условием осмысленного и комфортного существования. Другое дело, что возможности спокойно остаться наедине с собой у него всегда было крайне мало, особенно в последние годы. Без этого силы его истощались, нервы окончательно изнашивались, а эмоции теряли из своей палитры все оттенки, оставляя лишь блеклые серые полутона.

В качестве меры для борьбы с душевной хандрой Кевар выбрал на этот раз прогулку по любимой части города, Аристократическому полумесяцу и прилегающей к нему части Королевских Полей. Он накинул потертую легкую куртку из тонкой кожи дракона абисто (выловленного еще его прадедом где-то в глубинах Бездны), заправил брюки в высокие сапоги и активировал костюм. Теперь он стал хоть немного походить на нормального в представлении столичных жителей человека, и такая роль могла гарантировать ему спокойную прогулку. Вообще, как он давно уже заметил, лучшая маскировка в человеческом обществе – это умение никак не

выделяться из него. Особенно, если на самом деле ты для этого общества нечто вроде отмершего куска кожи на мозоли, который все никак не может оторваться – вроде и не сильно досаждаешь, но все же достаточно, чтобы напрягать окружающих – ведь ты не дотягиваешь до благонадежного, положительно-усредненного члена уважаемого общества.

Выйдя за территорию усадьбы, Кевар вдохнул полной грудью. Через систему очистки воздуха костюма прошли какие-то жалкие отголоски запахов – что-то терпкое и немного сладковатое, но абсолютно невнятное. Секунду поколебавшись, он свернул маску и снова втянул в себя порцию воздуха, уже настоящего, не очищенного. Голова тут же закружилась от обилия цельных запахов и бесконечного числа оттенков. Здесь всегда была ранняя осень, а воздух был еще не прогрет до дневной температуры. Вокруг витал запах легкого морозца, смешанный с благоуханием опавшей листвы, отцветающих акаций и чистой мостовой, а издалека доносились ароматы свежееиспеченных булочек с корицей и еще что-то едва уловимое, что вызвало у Кевара теплые воспоминания из далекого уже прошлого.

Вернув маску на место, он направился по мощеной разноцветными полупрозрачными камнями аллее, окруженной высокими желтеющими тополями, в сторону Обзорной площади, чтобы взглянуть на город, который он за пять лет войны почти забыл.

Искусственное солнце поднялось уже достаточно высо-

ко, и с холма в форме полумесяца, по вершине которого растянулся фешенебельный район с фамильными виллами древнейших родов страны, открывался замечательный вид на просторы жилых кварталов. Темное отвратительное пятно района номер 7, опухолью прилипшее к подножию новых кварталов, от взоров городской элиты закрывала живая изгородь исполинских размеров, тянувшаяся вдоль всей северо-западной оконечности холма. В темно-зеленые густые ветви вечнозеленого кустарника-гиганта были вплетены многочисленные прозрачные сферы, в которых жили разумные светлячки из Треугольника огненных планет, одной из самых дальних окраин Королевства. В свое время, когда все лица нечеловеческого происхождения были вынуждены покинуть столицу, светлячки (сами себя они называли Народом Внутреннего Света) смогли добиться Высочайшего разрешения остаться жить внутри атмосферного купола. В качестве платы за это их дома-шары и самих светлячков стали использовать в качестве фонарей, а потом и просто для украшения города. А пару десятков лет назад, когда народ внутреннего света набрался смелости и изъявил желание основать свой собственный квартал и жить не порознь, а рядом друг с другом, все прозрачные дома собрали вместе и вывели на изгородь на Аристократическом полумесяце. С тех пор светлячки оказались ближайшими соседями самых влиятельных людей Королевства, и многие из них даже умудрялись заводить полезные знакомства и пробиваться в верхние

слои общества.

Среди светляков у Кевара был один хороший знакомый по имени Боб, и, насколько Кевар сумел выяснить, сейчас он занимался изучением родины Народа Внутреннего Света, заброшенной триады огненных планет в глубине Бездны. Аргомантис решил для себя, что когда, в конце концов, столица доведет его до исступления, он слетает навестить старого товарища – явно лучше, чем прозябать в обществе столичных кутил.

Пройдя мимо изгороди, Кевар вышел на узкий каменный язык, выпирающий из Обзорной площади и холма на несколько десятков метров. С него открывался самый лучший вид на эту часть города. Сферы домов жилого квартала вдали, за Королевскими Полями, сверкали на солнце до боли в глазах. На их фоне ярко-зеленые просторы Полей приятно контрастировали со стеклянным блеском монументальных зданий, взгляд отдыхал на столь редком островке природы.

Кевар с любопытством осматривал город, в котором он провел немало лет, но который так и не стал ему родным. Столица, шумная, пыльная, многогранная, погрязла в суете, делах, пороке и лжи. Он никогда не любил политиков, чиновников, торговцев – всех тех, кто паразитирует и наживается на других людях – а тут их концентрация на квадратный километр была значительно выше допустимой нормы.

Налюбовавшись вдоволь видом, Кевар решил спуститься по широкой мраморной лестнице с холма, где по окраи-

не Полей расположились многочисленные рестораны, уличные кафе и бутики – в общем, все то, что необходимо для приятного времяпрепровождения избалованным роскошью аристократам. Впрочем, кроме дорогих и безвкусных магазинов, тут были и крайне милые и уютные кафешки, представшие в старинных двориках, и неплохие семейные ресторанчики. Достаточно было немного углубиться в сторону от главной улицы, и можно было найти даже крохотные лавки со всевозможными самодельными украшениями, старинными космокостюмами и прочими любопытными штука-ми для ценителей душевных вещей. Немного побродив среди цветастых зонтиков и ярких витрин, Кевар вскоре нашел свое с давних пор любимое кафе «Судьба Деткина» и пристроился за круглым столиком на уличной веранде. По грубым потемневшим от времени доскам настила легкий ветерок, задувавший с Полей через узкий проем между двумя трехэтажными домами, лениво гонял несколько опавших листьев: ярко-желтый, бордовый и сморщившийся коричневый. Кевар наклонился и подцепил пальцами изъеденный тлением и временем крохотный листик. Два других пощеголяли еще немного своими яркими красками и унеслись в неизвестном направлении. А ущербный малыш остался в руках Кевара. Тот долго рассматривал ломкие края и засохшие прожилки, явно проступающий узор на полупрозрачной поверхности листа. Потом молодой лорд аккуратно убрал листик в нагрудный карман куртки и сделал заказ владельцу

кафе, старому, хромоту на обе ноги, Арнольду Дет'кину.

Запах крепкого настоя из коры Варского дуба немного взбудрил, а терпкий чуть сладковатый вкус напитка, растекающийся по языку горячими волнами, настроил мысли на правильный лад. Он оставил длинную трубочку, тянувшуюся из специального стакана, подключенной к системе циркуляции жидкости шлема и неторопливо потягивал настой, погружаясь в свои мысли. Глазные прорезы закрылись сплошной тонировкой, так что Кевар остался в полной темноте, и ничто не мешало размышлениям и воспоминаниям.

Мысли его по обыкновению начали разбегаться и углубляться все дальше и дальше в пучину памяти. Порой у него складывалось ощущение, будто он тонет в этом круговороте воспоминаний, что они затягивают его все глубже и глубже. Раньше он даже жалел, что некому вытащить его из этой трясины, пробовал забываться в вечеринках и увеселениях, но это не помогало, а скорее даже усугубляло его склонность к рефлексии. Бывало, что он уходил в себя прямо в разгар веселья, и это отталкивало многих – людей со странностями мало кто хочет терпеть рядом с собой, мало ли что от них можно ожидать. Поэтому, вероятно, он в итоге и начал медленно, но верно, выпадать из социума – сначала время от времени стал под различными предлогами отлучаться из столицы, а потом и вовсе решил отправиться на фронт. Но, кроме всего прочего, самую большую роль во всем этом сыграли его отношения с семьей и особенно с отцом.

Тут же всплыли воспоминания далекого детства, как всегда, отрывочные и частично смазанные. Редкие теплые воспоминания из того времени ему подарила мать, единственный человек, который хоть немного его понимал, от которого он всегда ощущал тепло и любовь. На самом деле он плохо помнил, как она выглядела, какой у нее был голос – но зато он никогда не забудет ее запах, теплый, нежный аромат лаванды и корицы. Еще он помнил, что она была все время грустной и часто плакала. Теперь-то он понимал, что это из-за его отца, и что-то поменять он все равно был не в силах, но тогда, будучи добрым ребенком, он старался ее успокоить, мастерил ей подарки из металлических пластин и кусочков дерева. И лишь одна вещь осталась у Кевара от матери до сегодняшнего дня и хранилась в потайном сейфе на его личном бездноте. На его четвертый день рождения мать подарила ему маленькую белую шкатулку из кости дракона бездны, с тонкой работы рисунком, изображающим герб рода ее отца, оборвавшегося на ней же – ветвь вереска, оплетенная тонкой цепочкой.

Всплыли новые воспоминания. Ему пять лет. Они с семьей на охоте в угодьях близ резиденции на Варке: Кевар, средний брат Кррик, мать и отец. Старший брат Рор тогда уже уехал учиться в школу-интернат, куда потом отправились и младшие. На белогривых трехголовых жеребцах, гордости семейства Аргомантисов, неторопливо едут мать и отец, они вновь ссорятся. Щеки отца красны от гнева, мать,

наоборот, бледна, но еще не плачет. Про детей они уже и забыли в своих спорах, и они плетутся сзади на крошечных пони. Кевар уже привык к извечной войне между родителями, но он всегда чувствует где-то в глубине, как страх холодными пальцами сжимает его маленькое детское сердце. Он широко открытыми глазами смотрит снизу вверх на мать, и ему очень хочется как-то защитить ее, ударить маленьким кулаком отца, остановить его – только чтобы он не кричал на мать. Потом переводит взгляд на брата – тот с благоговением уставился на отца, в его глазах читается восторженное почтение, мол, так и надо с ними, с женщинами, поставь ее на место, папа. Кевар хочет ударить теперь и брата, да посильнее, чтобы он никогда больше не поддерживал отца. Но он этого не сделает – он добрый и тихий мальчик, который боится темноты и монстров, что непременно должны прятаться под его кроватью. И он молчит, только тихонько, пока никто не видит, плачет от безысходности.

Та поездка закончилась трагично. Кевар так и не смог вспомнить, что же в действительности тогда произошло, вероятно, мать действительно в запале ссоры прищипорила коня чуть сильнее, чем нужно, и жеребец вместе с ней сорвался с обрыва в Синюю Пропась. В любом случае, в его глазах и тогда, и сейчас, в ее смерти был виноват отец.

Тогда у него случился первый серьезный провал в памяти – следующее осознанное воспоминание было уже с похорон матери. Кевар помнил чувство опустошения и отстраненно-

сти, и еще жуткий страх. Вот, собственно, и все. На этом фактически и закончилось его детство. Отец, и раньше не особо баловавший своим вниманием младшего сына, тощего, бледного и по-девичьи слабого, с тех пор и вовсе перестал смотреть в его сторону. Кевар был похож на мать, такой же светловолосый и сероглазый, с такими же узкими скулами, и, вероятно, Рор не хотел больше видеть сына, чтобы он не напоминал ему покойную жену.

В интернат его отправили на три года раньше положенного – одновременно с Крриком. Впрочем, для Кевара это не было печалью – он мог наконец-то вырваться из гнетущей атмосферы мрачных и помпезных поместий Аргомантисов, где он жил в вечном страхе перед гневом отца. Кроме того, это не было и проблемой – лет в семь стало очевидно, что, хоть младший лорд и не блещет, в отличие от отца и старших братьев, силой и красотой, но в уме, смекалке и находчивости он давал фору и среднему брату, да и старший во время редких визитов в отцовский дом не раз попадался в хитроумные ловушки Кевара.

Так что с десяти лет он начал самостоятельную жизнь, где уже без каких-либо серьезных ограничений начал проявляться его своенравный характер и всеобъемлющее любопытство. При том, что он продолжал оставаться все тем же учтивым и добрым мальчиком, он сразу поставил себя в мальчишеском коллективе, где все были старше его на несколько лет, таким образом, что никому и в голову не

приходило даже пытаться его шпынять. Он участвовал во всех играх и шалостях, а в большинстве даже выступал заводилой, так что благодаря его богатой фантазии и неумемной энергии в интернате постоянно нарушалась дисциплина. Ребята ночами выбирались за территорию школы и играли в заброшенных зданиях, которых в округе было немало из-за прошедшей пару десятилетий назад очередной войны. Они поджигали журналы с оценками и устраивали ловушки для преподавателей. Регулярно устраивались шуточные поединки, которые нередко заканчивались серьезными увечьями.

Кроме того, в интернате он познакомился со своим единственным действительно близким другом – генералом Фэтоном Савоне. Вернее, тогда будущий генерал еще был молодым выпускником столичного университета, решившим пару лет позаниматься преподаванием и воспитанием детей подальше от Стольного Астероида. Возможно, именно навыки и сноровка, которые он получил за время общения с сорванцами, помогли ему через много лет стать кумиром и беспрекословным авторитетом среди солдат. Кевар не знал, что заставило Фэтона уйти в армию и сделать там головокружительную карьеру, но тогда, в детстве, очень скучал по другу. Они с самого начала как-то очень прониклись друг другом, и старший товарищ учил маленького лорда всевозможным полезным наукам, начиная с истории и географии и заканчивая самообороной. Потом, через много лет разлуки, генерал Савоне без объяснения каких-либо причин забрал тогда

еще младшего лейтенанта Аргомантиса из штаба армии за дальней линией тыла в свой легендарный отряд специального назначения, но сейчас Кевару было очень сложно что-то вспомнить из военного периода жизни – сплошь пробелы в памяти.

А во время его жизни в интернате провалы повторялись всего пару раз, так что он решил забыть об этой своей болезни, и она почти не напоминала о себе до самой войны.

Война... Память Кевара не захотела дальше мучать себя и его, и позволила ему забыться легкой дневной полудремой.

Глава 3

Омбро

Омбро уже много лет назад поняла, что единственное время суток, комфортное для нее – это ночь. Днем ей приходилось прятаться как можно дальше и глубже, чтобы оставаться невидимой, незаметной. Искусственного солнца, как на псевдопланетах вроде Стольного Астероида, она не видела давным-давно, и ее это вполне устраивало – их излишне стерильный свет напоминал ей освещение больничных палат. Солнце на настоящих планетах – другое дело, их ей за время странствий в последние годы все же доводилось видеть немало. Но, тем не менее, комфортно она себя чувствовала только ночью, когда на небе можно увидеть звезды, и, конечно, на борту кораблей. Вот и на этот раз она решила отсидеться днем и начать действовать ближе к темноте, когда солнце уже почти потухло на небосклоне.

Королевский дворец располагался севернее Аристократического Полумесяца, на полюсе Стольного Астероида. Величественное, многобашенное здание с арочными воздушными переходами, острыми шпилями и куполами-луковицами вырастало прямо из глубин озера Пунги. Защитный энергетический колпак, закрывающий дворец, позволил сохранить

его в первозданном виде, он ни разу не был разрушен, так что это было не только самое высокое, но и самое древнее здание во всей столице. Попасть во дворец можно было лишь по узкому длинному мосту, идущему по поверхности озера с севера от холма-полумесяца. Переправа представляла собой широкий прозрачный тоннель, образованный силовым полем.

Самые важные граждане государства, конечно, могли и пролететь сквозь купол, пройдя сложнейшую систему защиты, но таких людей насчитывалось едва ли больше сотни во всем королевстве. Если же какой-нибудь случайный пилот пытался пролететь через экран, а такое время от времени случалось, то на его похоронах гроб не требовался – в лучшем случае маленькая коробочка для праха. В общем, дворец был самым защищенным строением не только в столице, но и, пожалуй, во всем королевстве.

А Омбро нужно было попасть именно туда. Она придумала по меньшей мере два способа попасть во дворец: в грузовом транспорте по мосту либо на корабле одного из чиновников. Но оба этих варианта были совсем ненадежными – в случае, если бы ее обнаружили, весь план, построенный на скрытности, пошел бы ко всем чудовищам Бездны. Но ей, как всегда, повезло: изучая старые, давно забытые чертежи Нижнего города, она обнаружила странное белое пятно, расположенное прямо между Аристократическим Полу-месяцем и дворцом. То есть везде вокруг этого места кар-

та пестрела переходами, шахтами и лазами, а кусок камня под озером вокруг замка вдруг оказался девственно чистым. По опыту, это означало только одно – там есть как минимум один потайной ход, идущий под дном озера, и идущий не куда-то, а напрямик в подвалы дворца. Омбро разведала все лазейки в районе Аристократического Полумесяца и обнаружила, что все они замурованы, завалены или затоплены. Кроме одного, который начинался в склепе поместья какого-то древнего рода. Поместье стояло, судя по всему, пустым – в этот сезон почти все богатые семейства отправились в свои родовые дома в провинциях, чтобы отдохнуть от суеты столицы и продолжить загнивать в увеселениях и разврате на лоне природы. Омбро это было только на руку – лишнего шума она всегда старалась избегать. С массивным стальным люком в склепе, спрятавшимся за рядом надгробных камней, ей пришлось повозиться, но зато потом все пошло как по маслу – запыленный, весь в паутине, со склизкими стенками, но зато широкий и хорошо сохранившийся тоннель вел ее в верном направлении – на юг, к дворцу. Через какое-то время коридор разветвлялся на три рукава – два боковых, скорее всего, вели к космопорту и Верховному совету, так что Омбро, не снижая темпа, продолжила движение прямо.

Тоннель шел сначала под сильным наклоном вниз, но потом начал потихоньку выравниваться, пока не стал абсолютно ровным и прямым. Стенки в отблесках фонаря теперь

влажно мерцали – Омбро оказалась под озером. Через пару километров бега по абсолютно прямому коридору она начала уставать, но когда была уже готова остановиться и передохнуть, вдалеке замаячил тусклый огонек. Омбро торопливо выключила фонарик и уже в темноте, тихо и медленно начала красться к далекому источнику света. Как она и предполагала, это был конец коридора – каменная стена с массивной металлической дверью посередине. Над дверью слабо мигала красным лампочка, оплетенная толстой проволокой.

Ей повезло, что королевская гвардия не выставила охрану снаружи, и что тут не было камер – иначе ее бы уже давно заметили. Но надеяться на подобную удачу и дальше было бы высшей формой глупости – само собой, чем выше она будет подниматься по уровням дворца, тем сложнее будет остаться незамеченной и не наделать шума. Что ж, в любом случае, ей придется осуществить задуманное, даже если ради этого надо будет вырезать полгарнизона. О том, что в королевской гвардии состоят лучшие солдаты страны, она предпочла не думать, благо была вполне уверена в своих силах.

На этот раз она благоразумно не стала выламывать дверь, как накануне, у революционеров. Аккуратно вскрыла замок, приоткрыла дверь и тихо просочилась в щель. Судя по натужному скрипу, дверью не пользовались уже много лет, и это давало надежду на то, что в этой части дворца охраны все же будет немного.

Ориентироваться в темных, пустынных и запутанных лабиринтах подводной части дворца было непросто, но Омбро умудрялась двигаться достаточно быстро, каждый раз выбирая верное направление. Пару раз, правда, она чуть было не свернула в тупиковые коридоры, но вовремя успевала изменить курс. Сложно сказать, сколько ярусов она преодолела, прежде чем мрачные тоннели сменились не менее мрачными, но хотя бы освещенными залами знаменитых дворцовых темниц. В стародавние времена тюрьма под дворцом была забита битком, а про местные пыточные ходили самые жуткие легенды. Но после строительства нового объединенного здания тюрьмы и управления полиции всех государственных преступников перевели из старой темницы в новые камеры. Какое-то время по старой памяти сюда еще сажали самых злостных революционеров и недовольных, традиционно наматывали их конечности на дыбы, сажали на колья и травили ядами, но достаточно быстро новый король, оказавшись значительно более либеральным, чем отец, повелел прекратить негуманные действия, осуществлявшиеся прямо под его резиденцией. Таким образом, уже без малого тридцать лет темницы большей частью пустовали. Конечно, часть из них переделали под хранилища, но этим освоение подземелий и ограничилось. Даже король уже сменился на троне, а применения заброшенным залам так и не нашли.

Тишину разорвал крик. Неистовый, звериный крик, но в нем явно слышались слова. Человек умолял убить его. Ом-

бро остановилась посреди широкого коридора как вкопанная, настороженно вращая головой, стараясь определить, из какого направления доносятся вопли. То, что она сейчас слышала, немало ее удивило: да, она собственными глазами видела, что молодой король и его правительство творят на дальних рубежах страны, какие жестокие вещи происходят по приказу Его Величества, Светлейшего Пророка Круела Унгурабута. Но чтобы возобновились пытки в королевском дворце? Это казалось немыслимым, но, тем не менее, это, судя по всему, происходило прямо сейчас.

Конечно, она понимала, что ее цель куда важнее всего остального, что она не может позволить себе рисковать понапрасну. Но крики несчастного, подвергаемого пыткам, разносились по коридорам гулким эхом и отдавались у нее в голове как грохот пушек. Просто невозможно сосредоточиться.

Омбро свернула в боковой коридор и быстрым шагом направилась по направлению к источнику звука – человек кричал без остановки, и это помогало ориентироваться. Так что нужную комнату она нашла быстро. Металлическую дверь, висевшую на старых проржавевших петлях, Омбро выбила ногой. Сорвавшись с петель, дверь пролетела через полкомнаты, сшибая подвешенные к потолку крюки, ломая сложные механизмы. Палачей было трое. Пара совсем еще мальчишек, лет по тринадцать – вероятно, что-то вроде подмастерий. Они стояли с двух сторон от странной конструкции

с огромными шестернями и крутили ручки, зажимая в шипастые тиски нижнюю часть тела окровавленного человека, распятого в недрах механизма. Рядом с головой жертвы, закрепленной металлическим прутком, сидела женщина. Красивая молодая женщина, облаченная в кожаный красный костюм (что в связи со спецификой работы было весьма практичным выбором). Черты лица, тонкие, аккуратные, нежные, выдавали в ней отпрыска знатного рода, но сиреневого цвета густая копна волос сразу снимала все вопросы о происхождении девушки – такой оттенок волос был только у королевской семьи. И она в данный момент собственноручно шпиговала веки живого человека тонкими длинными иглами.

Времени на раздумья не было. Пистолет в левой руке, два быстрых выстрела – и подмастерья на полу, с аккуратными отверстиями в юных головах. Сиреново-волосая оказалась проворней – быстрый прыжок, удар ногой в пах, и Омбро вылетела обратно в коридор. Она не поняла, когда и как аристократка успела активировать костюм, но он оказался не хуже, чем у Омбро. Темно-серый, с фиолетовым гребнем на голове и светящимися фиолетовым неоном визорами – и определенно из гвидония, потому что удар все же ощутимо прошел через броню Омбро и отозвался целым фейерверком не самых приятных ощущений. Вторым ударом сиреново-волосая уложила скорчившуюся от боли противницу на пол. Третий удар, впрочем, она не успела нанести – действуя на автомате, не обращая внимание на гул в голове, Омбро вы-

хватила из поясных ножен узкий черный эфес меча и успела прислонить его к животу женщины, так что гвидониевый клинок, развернувшись по чешуйкам из пространственного кармана, прошел сквозь броню и тело аристократки, как нож сквозь подтаявшее масло. Резкое движение мечом вниз – и тугая струя крови хлынула на пол. С глухим стоном любительница пыток упала на камень, пытаясь из последних сил руками зажать огромную рану. Тяжело поднявшись на одно колено, Омбро подняла клинок двумя руками над головой и со всей силы вонзила его между глазными прорезями шлема. Пара конвульсивных движений – и сиреневоволосая застыла в луже крови.

Омбро попыталась подняться, но не смогла удержать равновесие и грузно повалилась рядом с трупом. Боль в паху все не проходила, гул в голове только усилился. Судя по всему, эта высокородная любительница пыток все-таки немного помяла ей шлем. Неприятное недоразумение, черт возьми. Она доползла до стены и привалилась к ней, стараясь дышать глубже и спокойнее. Через несколько минут боль начала отступать. Она осторожно ощупала шлем – тот повредился совсем немного, удар оказался слабее, чем она думала. Посмотрела между ног – там броня была вовсе не повреждена. Уже не так плохо.

Хотя теперь нужно было придумать, что делать с тремя трупами, один из которых раньше был, вероятно, племянницей или младшей сестрой короля. Омбро посидела еще

немного, успокаивая нервы после выброса адреналина и размышляя над дальнейшими действиями. Что ж, выход был один. Она тяжело поднялась, поморщившись от остаточных болезненных ощущений, ухватила девчонку за ногу и затащила обратно в комнату, уложив рядом с парнишками.

Слишком много лишних трупов, а от незапланированных убийств всегда одна лишь головная боль. Кто ее заставлял тащиться в эту комнату, совать нос не в свое дело? Бедолаге с зажатыми в тисках ногами было уже не помочь – его хрипы и стоны почти стихли. Омбро решила подарить страдальцу быструю смерть и коротким взмахом клинка отрубила ему голову. Отскочив от пола, она укатилась куда-то за пыточную машину.

Времени на качественную зачистку у нее не было, поэтому она просто подняла дверь, протащила ее через комнату и приладила на изначальное место. Надолго это поможет, но она надеялась, что успеет завершить свои дела до того, как весь дворец превратится в жужжащий улей.

Дальше она двигалась настолько быстро, насколько могла, не привлекая внимания редких охранников, которых становилось все больше с приближением к жилым помещениям. Впрочем, Омбро без особых проблем умудрялась проскальзывать мимо них – где-то в тених, где-то – прячась за колоннами и гобеленами. До средних уровней, в которых располагалась нужная ей комната, она сумела пробраться без происшествий, что после недавней стычки немало ее удивило.

Омбро остановилась перед деревянной дверью, инкрустированной драгоценными камнями, самый маленький из которых был размером с кулак. Длинный коридор был в это вечернее время пуст – сейчас в тронном зале как раз проходила торжественная смена караула. Как Омбро и предполагала, королевская семья никак не ожидала нападения прямо в центре их крепости.

Она аккуратно открыла дверь и вошла в покои. Комната была обставлена богато, но не вычурно – большая кровать с балдахином, комод да столик у широкого окна. Все было в сиреневых и темно-серых тонах – геральдических цветах королевской династии. Отовсюду на непрошенную гостью злобно смотрел гербовый паук Унгурабутов – многоглазое чудище, выплетающее сиреневую паутину.

На кровати лежала пожилая женщина. Несмотря на преклонный возраст, она еще сохранила былую красоту – разве что было видно, что давняя болезнь сильно ее ослабила. Дыхание во сне было слабым и прерывистым, грудь едва поднималась под тонким шелковым одеялом. Омбро аккуратно присела на краешек кровати, рассматривая морщинистое лицо. Те же тонкие черты, что и у девушки, чье тело лежит сейчас в глубинах подземелий, тот же острый нос. Только сиреневые волосы обильно посыпаны сединой. Она нежно коснулась лица женщины тыльной стороной ладони, провела по щеке. У нее никогда не было ни матери, ни отца, вообще никого. Сирота, без рода и племени. Ей действительно

было жаль эту старушку, такую безмятежную и спокойную. Она подарит ей смерть во сне. Она вообще старалась убивать безболезненно – один из уроков, полученных от монахов в Храме. Что ж, пришла пора поведать людям о милосердии и благородстве, о том, какой покой ее руками будет воцарен в стране. Да что в стране, во всех мирах Вселенной.

Омбро медленно вынула эфес и чиркнула острым лезвием по шее жертвы.

Детектив Теманов

Звонок по рабочему каналу застал детектива за приготовлением холостяцкого ужина. Он как раз аккуратно нарезал кубиками сочную иштамблскую грушу для десерта, когда компьютер-браслет завибрировал на правой руке. Поздний вечер после тяжелого рабочего дня – кого несет нелегкая? Он планировал провести следующий день, неожиданно оказавшимся выходным, как и всегда в последние годы – в гостях у матери и сестры, помогая им с домашними делами, да и просто наслаждаясь обществом любимых людей.

– Капитан Теманов? – раздался в развернувшемся шлеме голос лейтенанта Кин Хира. Он был еще совсем молод, лет на пять младше Джуджура, но опыт за плечами имел уже немалый; лейтенант не раз помогал своему начальнику в распутывании весьма сложных дел.

– Да, Кин, на связи, – устало вздохнул Теманов, втыкая нож в разделочную доску.

– Извиняюсь за поздний звонок, но дело срочное, – от этих слов по спине капитана пробежал неприятный холодок, – у нас тут еще одно убийство. Вам бы лучше как можно скорее прибыть во дворец, босс.

– В какой дворец?

– Королевский...

– Кто жертва? – Джуджур почувствовал, как у него екнуло

сердце. Только не король.

– Мелария Унгурабут, королева-мать. Зарезана в собственной спальне, около двух часов назад. Почерк похож на вчерашний случай с казначеем.

– Великая Бездна! Буду через полчаса, ничего там пока без меня не трогайте.

До дворца детектив добрался даже быстрее, чем планировал – в это время на мосту совсем не было транспорта. Там, где переправа проходила через защитный купол, высились Озёрные Ворота – исполинское сооружение из того же сверхпрочного стекла, что и Галактика Памяти. Сами ворота сейчас были распахнуты настежь, но путь преграждали стоящие клином боевые галеры королевской гвардии; их мощные пушки все до одной автоматически навелись на подлетающий крохотный космолет капитана. Выкрашенные в цвета Унгурабутов остроносые тяжело бронированные космолеты с плазменными орудиями, торчащими над кабинами, и просто со стороны выглядели внушительно, но когда шесть таких орудий повернуты в твою сторону, очень хочется тут же исчезнуть куда-нибудь подальше. Переборов легкий укол страха, капитан снизил скорость и остановился перед заставой, поднял колпак кабины и представился. Один из гвардейцев, проверив жетон и документы полицейского, повернулся к своим и махнул им, чтобы пропустили. Оставив позади ворота, Джуджур облегченно выдохнул; до мраморной

стены дворца он добрался без приключений. По всей прилегающей к дворцу территории сновало множество людей, в большинстве своем полицейские и гвардейцы. На лужайке перед парадным входом были припаркованы разномастные полицейские космолеты – судя по всему, здесь уже была половина центрального управления. Капитан опустил свой трясущийся и чихающий двигателем аппарат рядом с таким же стареньким двухместным космолетом лейтенанта Хири и быстрым шагом, почти бегом, через залы и коридоры дворца направился в покои королевы-матери. Зная, насколько легко заблудиться в огромном здании, капитан попросил одного из гвардейцев, стоявших на охране, проводить его до нужной комнаты. Тот пробурчал что-то про бестолковых полицейских, но просьбу выполнил.

Когда Джуджур вошел в покои Меларии, первой его реакцией было выбежать обратно в коридор. Он почти сразу сумел совладать с этим порывом, но чувство тошноты никуда не делось.

Обнаженное тело пожилой дамы было распято между столбиками балдахина, привязанное к ним за конечности. Вернее, даже не столько тело, сколько то, что от него осталось. Живот был вспорот, и все внутренности вынуты. На лбу алела страшная рана – вырезанный на коже символ бесконечности, перевернутая на бок восьмерка. По шее шел тонкий разрез.

Пропавшие внутренности найти оказалось несложно –

они были аккуратно разложены на полу. Приглядевшись, капитан различил в этой мерзкой куче все тот же знак бесконечности, выложенный кишками. Но даже больше всего остального в глаза бросалась крупная надпись на панорамном окне, сделанная, судя по всему, кровью жертвы, и снова тем же руническим письмом, как и на теле Рора Аргомантиса. Что ж, придется снова проконсультироваться у молодого лорда Кевара. Стоит признать, что вчера он произвел на капитана весьма положительное впечатление – умный, скромный, сдержанный. Возможно, он сможет даже как-то помочь расследованию, тем более что у него были на то и основания, и, судя по всему, навыки. В условиях катастрофически ограниченных ресурсов Теманову просто больше ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к помощи постороннего человека. Потому Джуджур сделал несколько снимков надписи встроенной в шлем камерой и переслал по личному каналу Аргомантису. Тот не отозвался сразу, чего и следовало ожидать в столь позднее время, и Джуджур сосредоточился на осмотре места преступления и опросе двух молодых испуганных гвардейцев, которые и обнаружили тело. Детективу предстояло много работы.

Кевар

Тихое оповещение о новом письме вернуло Кевара из сна. Он тряхнул головой, приводя себя в чувство. Обнаружил себя сидящим все на той же террасе в «Судьбе Дет'кина». Уже давно стемнело, и вокруг не было ни души. Чертов недосып, чертовы кошмары – наследие войны. Во рту стоял гадкий привкус, голова болела и была ватной со сна. Сколько еще он будет не высыпаться ночами и засыпать при любом удобном случае? Сколько потребуются месяцев, а может и лет, чтобы забыть, наконец, то, что он повидал за последние пять лет? Он тяжело поднялся из-за стола, потянулся, разминая затекшие конечности, и неторопливо побрел к лестнице, ведущей на Аристократический холм, к дому. Резиденцию Аргомантисов он называл домом скорее по привычке – полюбить это неудобное, мрачное строение он так и не смог, даже когда в нем не было отца и пары десятков кузенов, кузин и прочих прихлебателей из числа родственников побочных линий семьи.

Вышагивая на автомате по пустынным улицам, он изучал письмо детектива. Он оказался прав, не разделяя оптимистичного предположения Теманова о случайности убийства брата и казначея – кем бы ни был таинственный убийца, он явно действовал с каким-то расчетом, и его послания носили вполне осмысленный характер. Оставалось, правда, еще

понять, что он хочет сказать.

На фотографиях, приложенных к письму капитана, были заметны куски сиренево-черного узора. Значит, кто-то во дворце. Может, даже, и из Унгурабутов. Не король, понятно, иначе бы с места преступления не просочилась бы и пылинка, да и охрана у короля такая, что к нему не смог бы подобраться даже такой профессионал, как этот загадочный убийца. Странно, но Кевар поймал себя на мысли, что испытывает к этому человеку, кто бы он ни был, смешанные чувства. С одной стороны, он искренне хотел найти его и поквитаться за смерть брата, но в то же время в нем теплилось какое-то подобие уважения к профессионалу своего дела, хотя, конечно, этот человек и был безумным подонком.

Он отогнал от себя подобные мысли. Человек, который способен сотворить такое с другим существом, резать по живой плоти, исписывать кровью стены – псих, сумасшедший, достойный лишь казни.

Руны, которыми была написана вторая надпись, были все теми же, из старой книги в отцовской библиотеке. Перевод он подготовил, уже подходя к роскошному портику, обрамлявшему входную дверь резиденции.

Текст он тут же выслал капитану:

Загадку вторую узри:

Взорам открыто, что было внутри.

То, что скрывалось – всплывет.

Те, кто причастен – умрет.

Кто ищет ответы – тот их найдет.

Бесконечность – космоса дань.

Ее безупречность несет наша длань.

Он пытался вникнуть в скрытый смысл послания, но поначалу это удавалось ему едва ли. Однако после нескольких минут размышлений кое-что все же всплыло у него в памяти.

Почти сразу последовал звонок от Теманова:

– Лорд, добрый вечер. Получил перевод. Есть какие-то идеи?

– Капитан, приветствую. Одна идея есть, пожалуй. А не поделитесь ли, кого он убил на этот раз?

– Это конфиденциальная информация, прошу извинить.

– Понимаю, ну что ж... Как бы там ни было, у меня действительно только что появилась одна идея. Возможно, она вас заинтересует. Я вспомнил, где я видел этот знак бесконечности, еще в детстве. Как-то отец возил нас с братьями в один удаленный храм, в районе Большого Астероидного Пояса. Там при храме был небольшой завод, где производили космокостюмы из гвидония для королевской семьи и других знатных родов, в том числе и для нашего. Мне как раз тогда исполнилось семь, и мне позволили самому выбрать себе будущий костюм...

– Лорд, можно ближе к делу?

– Да, конечно. В общем, в том храме я точно видел точно

такие же перевернутые восьмерки. Я потом пытался найти какую-нибудь информацию про этот монашеский орден, но про них нет почти ничего... Кроме того, что они раньше делали самые лучшие космокостюмы под заказ. Впрочем, буквально через несколько месяцев после того, как мы там побывали, завод закрылся, так что у меня, наверное, один из последних костюмов их мастеров.

– То есть вы считаете, что этот орден как-то связан с убийствами?

– Ну а по-вашему, здесь нет связи? Это далеко не самый распространенный символ в королевстве. Может, конечно, и совпадение, а может, и нет. Надо бы проверить, пообщаться с монахами – вдруг они что-то знают про подобные ритуалы.

– Есть какой-то мизерный шанс, что вы правы, но скорее всего, это действительно просто совпадение. В любом случае, в сложившейся ситуации у нас просто нет возможности отправлять наших сотрудников на поиски какого-то исчезнувшего храма. Может, он вообще разрушен и разграблен. Там же только что отгремела война – вы сами примерно оттуда же вернулись.

– Верно, верно... Понимаю вас. Что ж, мне остается только надеяться, что мой перевод сможет оказаться полезным для расследования. Удачи, детектив.

– И вам, молодой лорд. Будьте аккуратнее, похоже, что теперь каждый аристократ в этом городе может оказаться жертвой.

– Богомолы – хищники, а не жертвы, капитан.

– Как и пауки. Но мы столкнулись со зверем покрупней.

Просто не рискуйте понапрасну, лорд.

Кевар, может, и последовал бы совету детектива, проведя очередной вечер, сидя в одиночестве в обширной библиотеке поместья Аргомантисов, но случай распорядился иначе. Когда он уже открывал входную дверь, сзади его окликнули.

Голос показался ему смутно знакомым, хотя вспомнил он его обладателя не сразу. Человек, стоявший, облокотившись на резные ворота усадьбы, был облачен в изящный золотистый космокостюм, покрытый серебряным цветочным рисунком. Глазные прорезы светились медово-янтарным, и по этому свету Кевар, наконец, вспомнил человека. Густав Златоцвет.

Когда Кевар только приехал в столицу, чтобы поступить в Королевский Университет, следуя воле отца, город поразил его. Он провел все детство в загородных имениях семьи, а отрочество – в элитном интернате на малозаселенном астероиде, вдали от больших городов и людей. После всего этого столица оказалась слишком резким контрастом, и на какое-то время она поглотила юношу с головой. Тогда-то, в пылу пьяного угара и дурманных снов Кевар и познакомился с Густавом. Тогда он еще не был Златоцветом, а всего лишь молодым и очень голодным до увеселений богемы отпрыском обедневшего древнего рода. Именно он был инициа-

ром всех самых диких и сумасшедших выходок золотой молодежи столицы. Юные снобы приняли его как придворного шута, да так к нему и относились – он дарил им незабываемые развлечения, а они за это одаривали его золотом, драгоценностями и бесплатной выпивкой из самых древних и знаменитых погребов королевства. Так Густав Алмозуло и превратился постепенно в Густава Златоцвета, богатого и элегантного аристократа. Его состояние росло на глазах: деньги, полученные от менее сообразительных, но баснословно богатых друзей, он умело вкладывал в корпорации их же родителей, тем самым получая все больше власти над вчерашними господами, которых он веселил своими сумасшедшими выходками. Университет он закончил на пару лет раньше Кевара, но общение они прекратили еще задолго до этого, что было вполне предсказуемо: оба примерно в одно время перестали появляться на вечеринках богачей, хоть и по разным причинам. Златоцвет, опираясь на растущее состояние, создал собственную компанию и с головой ушел в построение своей развлекательной империи, в чем, насколько знал Кевар, вполне преуспел: парки развлечений под вывеской «Страна Златоцвета» вырастали на каждой мало-мальски приличной луне как Фаррские грибы после кислотного дождя. Кроме того, ходили слухи, что Златоцвет в последние годы стал очень близок ко двору, и в особенности – к самому Круелу Унгурабуту. Ну а Кевар... Кевар просто ушел в себя, и общество напыщенных богачей стало для него окон-

чательно невыносимо.

– Лорд Аргомантис – дважды младший, собственной персоной, – манера говорить у Златоцвета за последние несколько лет сильно изменилась. Раньше в его речах частенько проskalьзывал неумело замаскированный грубоватый акцент выходца из Дальнего Астероидного Пояса, а теперь он лениво и мягко растягивал гласные на столичный манер, – Давненько мы не виделись, Кевар. Сколько? Года четыре?

– Не меньше пяти, Густав, – Кевар не хотел показывать собеседнику своего раздражения, но Златоцвет был приветом из прошлого, а туда заглядывать Аргомантис хотел меньше всего.

– Да, точно, ты же у нас бравый вояка. Смотри-ка, вернулся даже с тем же количеством конечностей, что и уходил. Можно сказать, зря воевал, нечем подивить девчонок.

– Чем обязан визитом, Густав? – Кевар ощущал, как где-то в глубине начинает закипать злость, но он не был намерен давать ей волю, поэтому привычно начал глубокую дыхательную гимнастику, которой его научил генерал Савоне.

– Хотел выразить искренние соболезнования, – приторно-насмешливый голос Златоцвета не соответствовал словам, но Кевару пришлось кивнуть, изображая признательность, или что там принято показывать на всеобщее обозрение в цивилизованном обществе, – кроме того, я хочу пригласить тебя на небольшую прогулку.

– Прогулку? Неужели лорд Златоцвет не смог найти се-

бе на вечер компанию очередного прекрасного цветка? – Густав, кроме всего прочего, прославился и благодаря невероятным историям о его любовных похождениях. Говаривали даже, что как-то он умудрился переспать со всеми сорока восемью дочерьями Верховного жреца Старобожьего храма. Впрочем, Кевар не особо верил рассказам подобного толка – исключительно близкие отношения с королем казались более правдоподобными.

– Я был готов купить целый букет из нежнейших цветков с самого Поющего Астероида, причем часть из цветов, говорят, еще не сорваны... Но до меня дошли слухи о том, что где-то тут поблизости бродит одинокий богомол, и мне захотелось повидать давнего друга.

– Густав, оставь свои речи шлюхам с Поющего Астероида, или какие там нынче в моде. Вчера я узнал о смерти родного брата, и к тому же чертовски устал, – дыхательные упражнения помогали все меньше, и Кевар почувствовал, как кровь приливает к щекам. Добром такое обычно не заканчивается – для других.

– Кевар-Кевар, мой милый друг, не будь неучтивым, разве этому тебя учил покойный брат? Хотя постой. Насколько я помню, твой брат тебя не учил ничему, да и вряд ли вы обменялись больше чем парой десятков слов за последние лет десять... В любом случае, не подумал же ты, что я хочу мешать твоей глубокой скорби! Это было бы весьма некрасиво с моей стороны. Наоборот, я хочу помочь тебе прочувство-

вать всю боль, нанесенную твоей душе.

– Что тебе нужно?

– Я хочу показать тебе пару новых мест, только и всего. Обещаю, что это не займет у тебя много времени, а моя совесть будет чиста – ведь я не оставил друга страдать в одиночестве.

Кевар был уже готов наброситься на самодовольного светского льва с кулаками, смять его элегантную маску и вырвать язык, источающий сладкий яд, но внезапно для самого себя успокоился. Почему бы, действительно, не развеяться немного? Что в этом плохого? Может, хорошая доза полузабытых развлечений сможет приглушить воспоминания и избежать очередной ночи наедине с кошмарами. Он кивнул и, вернувшись к воротам, пожал руку Златоцвету. Тот залиристо рассмеялся, хлопнул Кевара по спине и открыл перед ним дверь своего инкрустированного драгоценными камнями космолета, практически квинтэссенции безвкусицы этого города.

Дальнейшее Кевар помнил смутно. Порой он терял контроль над собой полностью, порой – лишь частично. Наутро он смог четко вспомнить лишь первые три стакана абсента, да первых двух девушек, близняшек с большими голубыми глазами и россыпью веснушек по всему телу. Остальное тонуло в тумане – вроде бы, была какая-то драка, во всяком случае, на правом кулаке он обнаружил свежие ссадины.

Стоп. Ссадины? Кевар в ужасе сел, окончательно проснувшись. Он обнаружил себя в окружении высокой травы, покрытой росой. Дрожащими от холода и с похмелья пальцами он судорожно активизировал костюм, и привычная уютная теплота окружила его тело, отделив голую кожу от промокшей насквозь одежды. Компьютер тут же просканировал его тело и подстроил внутреннюю атмосферу на такую температуру, чтобы замерзшие конечности отогрелись. Где он и как он сюда попал? Кевар встал и осмотрелся. Зародившиеся опасения подтвердились – он был посреди Королевских Полей. По левую руку высились подернутые легким рассветным заревом шары жилого квартала, по правую вдали маячил Аристократический холм. Сколько он ни пытался вспомнить, как он тут оказался, почему голышом, где Златоцвет и другие участники ночного загула, в памяти всплывало только одно: чувство стыда. Этой ночью он точно творил что-то непотребное.

Кевар побрел в сторону холма, подавленный и разбитый. Чувство стыда усиливалось и тем, что в голову лезли отрывочные воспоминания о брате. Как он мог позволить Златоцвету втянуть его в этот разврат, когда только что он потерял брата?

Где-то на границе его сознания мелькнула какая-то яркая мысль, но все еще отравленный алкоголем мозг не смог поймать ее с первого раза. Со второго он справился.

Тебе здесь не место, Кевар. Здесь, рядом с этими бездум-

ными существами ты загниешь и окончательно свихнешься. Ты здесь никому не нужен. Ты был здесь чужим и раньше, но теперь ты здесь хуже бельма на глазу. Вали из этого города. Вали? Но куда? Озарение. Ясно, куда. Яснее некуда. Большой Кристальный Пояс, откуда ты только что и вернулся. Хочешь почувствовать себя живым и полезным? Попробуй найти убийцу брата. Полицейские не могут себе позволить путешествия через полкоролевства – ну а ты можешь.

Решение он принял быстро, и раздумывать больше не собирался. Он знал, что поступает верно, и потому сменил курс и уверенно пошел сквозь высокую траву в сторону космопорта.

Порт в столице был всего один, но зато большой и современный. Время от времени он даже принимал лайнеры-безднолеты, по размеру превосходящие весь Стольный Астероид в несколько раз. Стыковка осуществлялась путем сложных манипуляций как со стороны экипажа лайнера, так и со стороны многочисленных работников порта. Нос лайнера захватывался специальными магнитными подушками, обеспечивая стабильную связку, после чего по специальному лифтовому трапу пассажиры спускались в город; сама же гигантская туша лайнера оставалась за пределами защитного экрана.

Когда Кевар подошел к порту, как раз происходила швартовка лайнера класса С «Надежда Королевства». Он упирал-

ся в строения порта и возносился на невероятную высоту, за пределы взгляда, как перст неведомого великана. Вид безднолетов всегда завораживал молодого лорда, глядя на них, он возвращался в раннее, еще безоблачное, детство, когда вместе с родителями он летал на отдых в экзотические провинции королевства.

Семейный ангар Аргомантисов располагался почти в середине порта, и до него Кевара доставила маленькая юркая машинка портового извозчика. Расплатившись с угрюмым и сонным в этот ранний час водителем, он открыл дверь ангара. Свет включился автоматически, выхватывая квадратные метры голого бетона. Отец, похоже, забрал все корабли небольшой семейной флотилии. Когда активировались лампы в дальнем конце ангара, Кевар испытал облегчение и легкий трепет – чувство, которое он испытывал каждый раз, когда видел свой личный корабль, «Эхо Бездны».

Небольшой безднолет клиновидной формы, с хищным вытянутым носом, мощными крупными двигателями и узкой прорезью смотрового иллюминатора. Корабль был темно-серого цвета, с поглощающим свет матовым покрытием, на боку красовался семейный герб, а по всем бронелистам тянулись узкие полосы, светящиеся той же холодной синевой, что и визоры Кевара.

Кабина в «Эхо» была небольшой, но удобной. Корабль был переделан почти полностью под личным руководством Кевара и по его планам, так что все в нем было заточено под

хозяйина. Например, серьезное для такой маленькой птички вооружение, снятое с боевых гвардейских галер, да и многое другое, чего в серийных моделях обычно не бывает.

Кевар чувствовал себя уютно и комфортно только в своём корабле. Никакие фамильные резиденции, роскошные апартаменты с просторными комнатами не могли заменить лорду этот его маленький личный мирок, отгороженный от внешнего мира толстым слоем брони. Внутри «Эхо» он был в безопасности, так же, как в раннем детстве ему было спокойно рядом с матерью.

Интерьер корабля тоже был сделан полностью по его собственному проекту. Основным помещением была уютная каюта, объединявшая спальню и кабинет, с панорамной прозрачной крышей, снаружи выглядевшей как простой бронелист. Пол покрывал тёплый ковер с густым ворсом, повсюду были разбросаны подушки всевозможных размеров, а стены – задрапированы тканями. Вместо стандартных светильников с холодным безжизненным светом Кевар повесил старинные бра, дающие приглушенное освещение тёплого оттенка. Вместо складной койки на полу в дальнем углу каюты расположился матрас, покрытый пуховым одеялом и ещё одной кучей подушек.

Остальные отсеки «Эхо» были меньше каюты, но также уютно оформлены: капитанский мостик с узким лобовым иллюминатором, несколькими маленькими экранами и большим главным монитором для удобства маневрирова-

ния, гальюн и душевая, камера криозаморозки, крошечный камбуз, отгороженный кусок трюма, и сам трюм, в котором хранился старенький потрепанный космобайк и небольшой запас личного оружия – на всякий случай.

Кевар гордился своим безднолетом, и тот был не просто кораблем, но другом и помощником.

– Привет, Эхо. Как ты относишься к идее немного полетать?

– Привет, Кев, – раздался бодрый хрипловатый голос искусственного интеллекта, – смотря, сколько это – немного – в твоём понимании, на этот раз? В прошлый, как мне помнится, это закончилось тем, что нас пять последующих лет регулярно обстреливали, царапали и всячески унижали.

– Ты несправедлив, Эх. Триумфа у нас было куда больше, чем позора.

– Тебе виднее, но я бы, пожалуй, будь моя воля, отказался от повторения.

– Не бойся, на этот раз все по-другому. Слетаем до мест былой славы – и обратно, просто небольшая прогулка.

– Знаю я твои прогулки, Аргомантис. Только не забудь, что на этот раз рядом не будет генерала Савоне, чтобы спасти твой неугомонный зад.

– Просто прогулка, и все. Обещаю, – Кевар улыбнулся и активировал системы корабля.

Маленький серый безднолет с огромной скоростью уно-

сился прочь от переливающегося в лучах искусственного солнца Стольного Астероида. Мимо проносились утлые суденышки, слепленные вместе кое-как, – Нечеловеческие трущобы столицы. Но и они быстро исчезли позади. Мимо несущегося на сверхскорости корабля проносились звезды и планеты, пустые и безжизненные, звездные системы размывались в светящиеся полосы – двигатель искажения пространства-времени тихо гудел, толкая корабль вперед. А вскоре и звезды с планетами. Как всегда незаметно клиновидный кораблик прошел едва светящуюся границу Кристалла Мира и оказался в бескрайних просторах Бездны. На двигатели опустились специальные закрылки, и безднолет направился к своей далекой цели через клубящийся полумрак бесконечности.

Советник

Советник помахал перед лицом тонким расшитым золотой нитью шелковым платком, слабо надушенным одеколоном с тонким цитрусовым ароматом.

Затем его длинные пальцы с вытянутыми полированными ногтями ловко сложили платок в треугольник и аккуратно опустили в нагрудный карман темно-серого идеально скроенного костюма. Складывалось впечатление, что кисти его рук жили какой-то своей жизнью – они постоянно будто порхали вокруг него и всегда были при деле.

Советник сидел на верхней ступеньке главной лестницы Королевского дворца и доводил до ума официальное обращение Его Величества к народу по поводу смерти его матери. О, знали бы люди, сколько усилий приходится прикладывать Советнику, чтобы создать по кусочкам образ Круела Милосердного, Круела Справедливого, короля, которого любит народ. Самое печальное, что сам Великий Пророк ни капли не помогал своему покорному слуге в этой неблагодарной работе – вот и вчера в порыве гнева он разнес полдворца и выкинул в окно троих молодых гвардейцев. За ночь он более-менее успокоился, злость прошла, осталась только тоска – король уже несколько часов сидел на троне, опустив голову на руки, в зал никого не пускали. Мать была для него самым близким человеком, и Круел, похоже, до сих пор не

мог поверить в случившееся. При этом, на известие о смерти сестры, поступившее в середине ночи, он отреагировал со спокойным равнодушием – к прочим родственникам король не испытывал равным счетом никаких чувств.

Обычно Советник почти всегда мог достучаться до сознательной части разума короля, но не в этот раз. То, что происходило сейчас с правителем, было сродни стихийному бедствию – ты можешь попытаться что-нибудь предпринять, можешь стараться как-то успокоить, но результат будет неизменно один – буря тебя размажет по стенке. Именно поэтому Советник с присущей ему разумностью до поры до времени решил не подходить к королю – со всеми донесениями он посылал своих помощников, сам при этом оставаясь в относительной безопасности. Тем не менее, сейчас определенно нельзя было задерживать пресс-конференцию: на площади у подножия лестницы собралась целая толпа репортеров, и гул их возбужденных голосов нарастал с каждой минутой. Журналисты – это такая особенная каста людей, чье терпение лучше не испытывать, будь ты хоть фермером, хоть королем. А специфика работы Советника обязывала холить и лелеять этих созданий, поддерживать теплые дружеские отношения (что далеко не всегда было просто и приятно) и регулярно умащивать продуманными и, желательно, дорогими подарками.

Советник поднялся со ступенек, поправил немного скосившийся галстук-бабочку бордового цвета и, прочистив

горло, вкрадчиво и громко объявил акулам пера, что через пятнадцать минут к ним выйдет Великий Пророк. Гул на несколько мгновений затих, но затем стал нарастать с новой силой.

Советник развернулся на каблуках черных лакированных туфель и быстрой походкой, слегка сутулясь, удалился через приоткрытые ворота дворца. Когда он оказался в тишине полутемного холла, к нему тут же подбежали два молоденьких служащих его отдела – Вжик и Прыг, как он их называл про себя за невероятную прыткость, вызванную желанием выслужиться. Указания он раздавал быстро и уверенно, информацию слушал внимательно и усваивал ее моментально – именно благодаря четкости и профессиональности он и умудрялся оставаться на своем посту уже много лет. Вжик и Прыг, получив задания, мгновенно разбежались в разные концы дворца, а Советник все той же стремительной походкой направился в тронный зал.

По внутренней связи с ним попытался связаться начальник королевской службы безопасности, генерал КамДо, или, как его прозвал Советник, Пустоглаз (генерал потерял правый глаз во время Двенадцатой военной кампании и не считал необходимым прикрывать пустую глазницу, зияющую темным провалом). Советник абсолютно не хотел говорить сейчас с честным, но откровенно глуповатым воякой, однако он не мог себе позволить такую роскошь, как потакание своим желаниям, поэтому, печально вздохнув, ответил на зво-

НОК:

– Да, генерал, я вас внимательно слушаю.

– Нашли записи с камер, там засветился наш мясник. Точнее, мясница. Надо королю показать – лучше ты ему дай запись.

– Генерал, вы на сто процентов уверены, что на записи именно убийца? Это женщина? Я бы не хотел беспокоить Его Величество досужими домыслами, особенно в такое печальное для него время...

– Все сто раз проверено, все четко – это убийца, зуб даю, баба, точно. Там не то чтобы прям замечательно ее видеть, но копам сгодится.

– Хорошо, пришлите мне, пожалуйста, несколько самых удачных кадров, я покажу королю. Хм... Ага, точно, и дам их газетчикам – пускай эта мерзавка попробует после такой огласки показаться на улицу.

– Как знаешь, это твоя работа, я свою сделал.

– Спасибо, генерал. Жду снимков.

Что ж, появление этих записей оказалось большой неожиданностью, и надо было что-то предпринимать. Советник несколько минут постоял в полумраке коридора, раскачиваясь на пятках, и отрешенно разглядывая сиреневый узор на стене. Потом принял решение и свернул в боковой коридор, направляясь вглубь дворца, прочь от тронного зала, в королевский центр хранения информации.

Глава 4

Кевар

На четвертый день пути Эхо разморозил Кевара из криогенного сна и доложил:

– Кев, мы на подлете к конечной точке. Вынужден тебя огорчить, но сканирование системы не выявило ничего, кроме кучи астероидов.

– Здесь должна быть большая база, и мы ее найдем, не сомневайся – уверенно ответил Кевар, потягиваясь и разминая затекшие конечности.

За иллюминатором поблизости не было видно ни одной планеты или звезды, зато прямо по курсу в отдалении маячила, будто непреступная стена, густая полоса астероидов, из-за которой сквозь узкие щели между камнями пробивался неяркий желтоватый свет.

Кевар на малом ходу направил корабль прямо к этому поясу.

– Раньше их тут было значительно меньше, – задумчиво проговорил он, – откуда они тут взялись? Как будто кто-то их сюда поместил специально. Смотри, как ровно они держатся.

При ближайшем рассмотрении действительно складывалось впечатление, будто астероиды удерживаются рядом

друг с другом какой-то неведомой силой. Большие и малые, глыбы космического камня медленно вращались вокруг своей оси, но за пределы невидимой линии не выходили, образуя настоящую стену, уходящую во все направления. Складывалось впечатление, что эта неоднородная стена немного загибается на самом краю зрения; впрочем, это могло быть и оптической иллюзией.

– Мы тут не пролезем, Кев, – задумчиво проговорил Эхо.

– Ты – нет, – бодро ответил Аргомантис и усмехнулся, – открывай десантный шлюз, тряхну стариной.

– Ты действительно решил сунуться опять непонятно куда? Вечно ты заставляешь меня переживать и нервничать!

– Дружище, значит, такова твоя нелегкая судьба, давно уже пора привыкнуть.

Тем временем, Кевар прошел в хвост корабля, где располагался десантный шлюз: небольшой люк в днище безднолета, с капсулой герметизации. Люк в салоне открылся, Кевар прыгнул вниз, и буквально в доли секунды, почти одновременно открылся внешний люк и вновь захлопнулся внутренний.

Он вновь оказался в открытом космосе, и его, как и раньше, захлестнуло ощущение свободы, легкости и в то же время мощный выброс адреналина. Из космокостюма выдвинулись маленькие дефлекторы, оттуда вырвались сгустки энергии, устремившие его вперед, к гигантской стене.

Медленно вращающиеся пористые, все в рытвинах, без-

жизненные каменные глыбы всевозможных цветов и размеров, образующие огромную неприступную стену, производили мощное впечатление: казалось, будто эта громадина здесь была всегда и продержится еще миллионы лет, тогда как ты сам – всего лишь крохотная недолговечная песчинка...

Свет, пробивающийся между глыбами, вблизи оказался ярким, теплым, желтоватым.

Кевар осторожно потрогал кончиками пальцев шершавую поверхность небольшого темно-коричневого астероида; тот продолжал вращаться, как ни в чем не бывало. Аргомантис поднялся немного в вертикальной относительно стены плоскости в поисках более-менее крупной щели между астероидами, слетал правее, потом левее – безрезультатно, нигде не было отверстия, достаточно большого, чтобы в него мог пролезть мужчина даже его некрупной комплекции. Он уже было отчаялся, когда неожиданно наткнулся на огромный астероид, весь испещренный лазами и кратерами – одна из нор была достаточно широкой, чтобы он мог туда протиснуться. Кевар решил проверить это предположение, и стал ждать, когда астероид в очередной раз повернется к нему той же стороной. Ожидание заняло некоторое время, но, наконец, он снова увидел темный проем в толще камня, и устремился к нему. Быстро работая локтями, извиваясь, как червь, он протиснулся в узкий проход. Темнота каменного мешка охватила его со всех сторон. Горло будто сдавило, дыхание стало резким и прерывистым, по всему телу выступил

холодный пот. Нелюбовь к замкнутым пространствам была одной из самых неприятных фобий Кевара, но он научился более-менее с ней справляться: достаточно было побороть непроизвольно появляющиеся в голове пугающие мысли, панику и начать глубоко и спокойно дышать. Отсчитав количество секунд, соответствующее по его предположению половине оборота астероида вокруг своей оси, Кевар, также извиваясь, с трудом выбрался из узкого лаза, скрипя металлом костюма по камню, и, сильно оттолкнувшись ногами от глыбы, быстро отскочил в сторону.

Теперь можно было осмотреться. Он все же оказался с другой стороны астероидной стены, и увиденное его поразило: изгиб оказался не иллюзией – на самом деле куски космических минералов образовывали полуую внутри сферу. Внутренняя поверхность сферы едва заметно светилась.

В самом центре пустого пространства висела огромная пирамида, на одной из вершин которой располагалась... звезда? Судя по свечению – белый карлик, но по размерам значительно меньше любой звезды из виденных раньше Кеваром, так что он предположил, что это все же какой-то искусственный источник света.

Сама же пирамида вызвала в нем детские воспоминания – без всяких сомнений, это был тот самый храм, в котором он был много лет назад и который искал сейчас. На черном гладком камне была видна огромная выступающая восьмерка, знак бесконечности, образующий своими кольцами огром-

ные окна, светящиеся ярким светом.

Кевар осторожно преодолел расстояние от астероидной стены до пирамиды. Когда он пересекал абсолютно пустое пространство, его охватило крайне неприятное ощущение, будто за ним кто-то очень пристально следит. Он вновь почувствовал себя мельчайшей пылинкой, повисшей в бесконечности и подвластной любым силам; от таких мыслей ему стало совсем неудобно, и он предпочел ускориться, чтобы как можно быстрее оказаться у цели.

Знак бесконечности выступал из гладкой стены и окна на несколько десятков метров, и Кевар осторожно прокрался по этому гигантскому подоконнику к стеклу, цепляясь к камню крючками на подошве ботинок, и заглянул внутрь.

Он увидел просторный зал, прямо из каменного пола которого росли деревья всевозможной высоты и толщины, а на верхушках их пышных крон восседали, скрестив ноги в позе лотоса, облаченные в белые ткани существа. Как следует разглядеть их с такого расстояния Кевар не мог, но по одежде они вполне были похожи на тех монахов, которых он мельком видел в детстве.

В наушниках шлема откуда-то из-за спины раздалось слабое покашливание, а затем тихий мелодичный голос:

– Дорогой господин Кевар, мы рады приветствовать вас в нашей скромной монашеской обители. Мы бы хотели выразить наши глубочайшие соболезнования в связи с кончиной вашего дражайшего брата, а также извиниться за некоторые

неудобства, которые мы вам доставили нашей защитной стеной.

Кевар резко обернулся. За его спиной оказался один из монахов, облаченный, как и остальные, в белые одежды. Сложные сплетения ткани в безвоздушном пространстве волновались и перетекали, как будто были жидкими, что создавало вокруг тощего тела монаха некий ореол. Вблизи оказалось, что на первый взгляд внешне храмовники не сильно отличались от людей, как Кевар и помнил: одна голова, туловище, вроде бы и конечности присутствовали. Однако при более внимательном осмотре в глаза бросались сплошь одни странности: во-первых, монах был в космосе без скафандра и даже дыхательной маски, и при этом каких-либо неудобств явно не испытывал; во-вторых, при общей антропоморфности тела, лицо существа было почти лишено человеческих черт. Глаза его были значительно крупнее и напоминали скорее змеиные: не моргающие, с узким вертикальным зрачком, полупрозрачными сросшимися веками. Носа существо было лишено, как и рта; всю голову и шею покрывали тончайшие длинные отростки, которые Кевар сначала принял за волосы, но тут же понял свою ошибку: эти щупальца были покрыты темно-серой, будто полупрозрачной, кожей и непрерывно шевелились, а на их кончиках светились маленькие желтые огоньки, будто капельки янтаря. Кроме того, было странно, каким образом монах общался с лордом в безвоздушном пространстве – никакого передатчика Кевар не увидел.

Монах наклонил голову набок, будто терпеливо ожидая ответа, но Кевар молчал, и существо заговорило вновь:

– Мы знаем, зачем вы прибыли к нам, дорогой гость, и с радостью поможем вам, чем сможем. Для нас было бы большой честью проводить вас к Верховному Учителю, добрый человек. Есть ли у вас какие-либо вопросы, до того, как мы войдем в нашу скромную монашескую обитель?

– Да. Как ты говоришь, если у тебя нет рта? И как ты можешь находиться в космосе без скафандра?

– Это очень хорошие вопросы, уважаемый господин Кевар. На них вам также ответит Верховный Учитель, с превеликой радостью. Мы просим прощения, что заставляем вас ждать ответ на ваш вопрос. Однако предлагаем проследовать за нами к главному входу в наш маленький Храм.

С этими словами он протянул из складок одежды руку (с узкой ладонью и тремя длинными пальцами) и приглашающим жестом поманил Кевара за собой, развернулся и медленно поплыл прочь. При этом руку он спрятал обратно под одежду, и больше никаких видимых мускульных усилий заметить было невозможно – только щупальца на голове беспрестанно шевелились.

Кевар тряхнул головой и, за неимением лучшей альтернативы, покорно двинулся за провожатым.

Главные ворота располагались на несколько сот метров ниже знака бесконечности, и были такими же громадными, как и окна. Одна из створок медленно выдвинулась и отъ-

ехала вбок, высвобождая поток яркого света и завихрения моментально индевеющего в космосе воздуха. Они пролетели внутрь через образовавшийся проем, и дверь с тихим шипением закрылась за ними. Комната, в которой они оказались, была узкой и высокой, но света в ней было даже в избытке. Создавалось впечатление, что светились сами стены – во всяком случае, никаких источников света Кевар так и не сумел разглядеть. Он предположил, что эта комната была шлюзом, хотя зачем такие сложности нужны существам, не нуждающимся в кислороде, было неясно.

Как бы там ни было, когда дверь отрезала помещение от открытого космоса, Кевар вновь ощутил притяжение, заработали усиливающие сервомоторы суставов космокостюма, он отключил подачу энергии на дефлекторы и аккуратно опустился на каменный пол.

Датчики на внутришлемовом мониторе показали, что атмосфера снаружи пригодна для дыхания, но Кевар решил не отключать костюм и не сворачивать шлем – монахи у него не вызывали большого доверия, а в броне он чувствовал себя значительно комфортней.

Монах вел его вглубь храма по широким пустынным коридорам, с такими же странно светящимися стенами, как и в шлюзе. Поначалу Кевар пытался запомнить дорогу, но коридоры были настолько запутанными, и их было так много, что, в конце концов, он сдался и просто следовал за проводящим. Обычно в таких случаях он использовал встроенный

в шлем навигатор, но все системы, имеющие отношение к связи и местоположению перестали работать сразу, как он попал внутрь сферы. Несколько раз он еще пытался связаться с Эхо, но результат неизменно был неудачным.

После минут пятнадцати неспешной прогулки, за время которой они не встретили больше ни одной живой души (Кевар предположил, что все монахи собрались для медитации в огромном зале, который он видел в окно), провожатый открыл небольшую дверь и указал своими щупальцами на нее:

– Прошу вас, господин Кевар, проходите. Верховный Учитель вас уже ждет и ответит на все ваши вопросы. Мы также приносим наши извинения за столь долгий путь, надеемся, что он вас не сильно утомил, – вопреки приторному и даже несколько подбострастному смыслу слов, поза монаха, выражение его глаз и спокойные интонации голоса выражали полнейшую безмятежность и отсутствие эмоций. Такой диссонанс обескуражил Кевара, и он пробурчал в ответ невразумительные слова благодарности.

Провожатый не стал проходить в комнату, почтительно кивнул и все также грациозно прошествовал дальше по коридору.

Кевар осторожно заглянул в комнату, прежде чем войти. Она была не очень большой, овальной формы, и стены в ней были вполне обыкновенные – не светились, не уходили на невероятную высоту, были сложены из черного камня, который широкой полосой покрывали панели красного дерева.

Приглушенный свет в помещении исходил от ламп всевозможных форм и оттенков, хаотично расставленных на полу и полках между настоящими, бумажными книгами. В центре комнаты стоял массивный стол, заваленный бумагами, над столешницей, обитой зеленой тканью, парил полупрозрачный сенсорный монитор.

За столом на обычном деревянном стуле с резной высокой спинкой сидел человек и что-то внимательно изучал, глядя в экран. Щупалец на голове не было, как и змеиных глаз, и это очень порадовало Кевара. Тем не менее, лорда поразило другое: «великий учитель» оказался необычайной красоты женщиной, на вид лет тридцати. Она был облачена в такие же странные бесформенные одеяния, как и монахи. На белые складки ткани спадали густые темные волосы, высокие скулы придавали лицу несколько жесткое выражение, а под черными ресницами блестели немного раскосые ярко-голубые холодные глаза, пристальный и умный взгляд которых устремился сквозь полупрозрачный экран прямо в лицо гостя.

– Здравствуй, Кевар. Присаживайся, прошу. Нам предстоит долгий разговор.

– Вы так думаете? – недоверчиво спросил лорд, тем не менее, опускаясь в мягкое глубокое кресло с противоположной стороны стола.

– О, несомненно, не-сом-нен-но, – довольно проронила женщина, потирая ладони с длинными красными ногтями, –

позволь представиться: меня зовут Инисио, хотя здесь меня все называют Верховным Учителем. Этот титул мне не то чтобы очень нравится, но что делать... Мои служители – очень преданные существа, да и я им стараюсь отвечать тем же. Что ж, для начала отвечу на твои вопросы, если позволишь. Служители, или, как ты их называешь, монахи – существа очень сложного устройства, и человекообразная форма для них не является естественной. Однако, благодаря многим годам практики, они научились поддерживать свое тело в привычной для большинства жителей Королевства, да и всей Бездны, форме. Тем не менее, потребности в таких органах, как глаза, уши, рот и нос, у них нет, так что каждый отращивает то, что считает необходимым – здесь я даю им полную свободу творчества. В безвоздушном пространстве они могут находиться вполне свободно, а вот привычная для нас атмосфера для них не является комфортной средой, и существовать они в ней могут, лишь подпитываясь энергией, полученной в ходе медитации. Так что постоянное нахождение в Храме само по себе является для них испытанием... Впрочем, благодаря этому они становятся только сильнее. Кроме того, им это даже нравится – удовольствие через боль, так сказать.

Женщина явно любила поговорить, а ее размеренная речь и низкий голос вгоняли Кевара в какой-то транс, поэтому, чтобы совсем не отключиться, он решил задавать больше наводящих вопросов.

– Отлично, понял, спасибо. А как они говорят, не имея рта?

– Вообще они мастера проникать в сознание – обычно они говорят внутренним голосом собеседника. Со мной, например, они общаются только так. Но для удобства непосвященных – а, стоит признать, не всем нравится, когда им в голову кто-то лезет – мы изобрели специальный прибор, преобразующий их мысленную речь в звуковые и радиоволны. Правда, у нас не все служители такие воспитанные – некоторые считают себя несколько выше того, чтобы задумываться о комфорте собеседника, и могут даже, представляешь, начать читать чужие мысли. Я их, конечно, стараюсь воспитывать, объясняю, что это не очень прилично, но куда мне...

– Понятно-понятно. С кем не бывает, действительно. Если бы я умел читать чужие мысли – только этим бы и занимался. Но давайте перейдем ближе к делу. Ваш монах... служитель сказал мне, что вы в курсе того, зачем я сюда прилетел, и вроде даже можете мне как-то помочь.

– Да, несомненно. Ты хочешь узнать, кто и зачем убил твоего брата, и еще нескольких весьма достойных людей в Столице.

– В точку, – после этих слов Кевар как-то сразу начал воспринимать странную роскошную дамочку, сидящую перед ним, несколько более серьезно, – а вы немало знаете.

– Ты не смотри, малыш, что мы забрались в такую глушь – информация и до нас доходит, бывает. Помнится, как-то

раз...

– Да-да, как-нибудь в другой раз я обязательно с радостью послушаю эту и любую другую историю, но сейчас мне нужны факты. Если вы, конечно, не возражаете. Спасибо.

– Ладно, факты так факты, – женщина была абсолютно спокойна. Кажется, нетерпеливость Кевара ее скорее забавляла, чем злила, – итак, давай подумаем: заканчивается военная компания за Большой Кристальный пояс, тысячи солдат возвращаются с фронта. Через месяц в столице начинаются убийства, причем совершенные крайне профессионально. Твои мысли?

– Вы предполагаете, что убийца – кто-то из бывших солдат?

– Либо из офицеров, да. Это кажется вполне логичным.

– Хорошо, а какой у него может быть мотив?

– Тут сложнее – мы же пока не выяснили, кто убийца.

– А откуда вы вообще знаете все остальное, и, главное, зачем интересуетесь?

– Нас вообще многое беспокоит... Большой частью меня, конечно, ибо я не обременена каждодневными медитациями, в отличие от моих друзей. В любом случае, я бы очень хотела разобраться в том, что происходит сейчас в столице, и я надеюсь, что ты сможешь мне помочь, тем более что наши интересы совпадают.

– С какой стати я должен вам верить? Вы ведь, должно быть, в курсе, почему я прилетел именно к вам?

– Ну конечно в курсе, мой мальчик. Ты любишь читать умные книжки – и это похвально, но не умеешь их правильно анализировать – а это уже вопрос опыта. Если бы ты углубился в вопрос значения и происхождения символов, то ты бы понял, что наш символ, как и наш культ, – наследие куда более древнее, чем ты можешь себе представить, и корнями оно уходит во времена задолго до Великого планетарного исхода. Таким образом, неизвестный убийца в своих таинственных посланиях ссылается не на наше мирное учение, а на религию наших древних предков, далеко не столь высокоморальную и миролюбивую, как наша. Ты не представляешь, насколько я была обескуражена и расстроена, когда увидела эти гнусные строки на древнем языке наших предков и наш знак, выложенный из... из того, из чего он был выложен, – по интонации нельзя было сказать, будто Инисио расстроена, но ее голубые ясные глаза будто подернулись поволокой.

– Вы видели снимки с места преступлений?

– У нас есть друзья в разных учреждениях. Итак, ниточка привела твой пытливый ум к нам, но на нас она, как ты уже понимаешь, не заканчивается, а идет значительно дальше. Впрочем, то, что ты прибыл к нам – большая удача, поскольку я смогу помочь тебе с разматыванием этого клубка.

– Вот это уже серьезный разговор. Помощь мне будет весьма кстати.

– Не сомневаюсь, Кевар, не сомневаюсь. Мой вопрос может показаться тебе странным, но, тем не менее, ты помнишь

планету Фрактуру?

– Что? При чем тут это?

– Так помнишь или нет? – настойчиво повторила свой вопрос Инисио, особенно нажимая на второе слово.

– Помню, да. Я там потерял очень много друзей... Как я могу не помнить?

– Хм... помнишь, значит... Хорошо. Тогда ты, безусловно, сможешь найти там место, откуда начинается твоя ниточка.

– Да при чем тут вообще Фрактура? – неожиданно громко вскрикнул Кевар.

– При том, что именно там находится древний монастырь, в котором, как я полагаю, и нашел источник вдохновения ваш таинственный убийца. Ты, кстати, никогда не задумывался, по какому принципу правительство выбирает планеты для зачистки?

– Не задумывался... ну, полагаю, исходя из того, насколько опасны там наземные?

– А почему они опасны и для кого – думал?

– Нет. То есть да, думал, конечно.

– И как, что надумал? – разговор незаметно превратился в допрос, и Кевара это все уже начинало напрягать не на шутку.

– Надумал, что вы задаете слишком много вопросов, вместо того, чтобы давать ответы.

– Твоя правда, извини за любопытство. Но прими, пожа-

луйста, мой совет: подумай над этим на досуге. И вот, возьми эту книгу – там есть несколько весьма любопытных фактов о планетарном исходе – ты же любишь читать, – с этими словами Инисио протянула Кевару тоненькую обветшалую книгу в простом кожаном переплете. Аргомантис как-то автоматически взял книжку и закинул в выдвинутой заплечный контейнер, – теперь по поводу твоих дальнейших действий. Полицию ты не убедишь устроить экспедицию черт знает куда, тем более – на только что разоренную планету – это факт. Так что тебе придется вернуться на Фрактуру самому. Да-да, я знаю, что для тебя это не самое приятное дело – но иначе ты ни на йоту не приблизишься к разгадке.

– Слушайте, это все как-то очень дурно пахнет... фигурально выражаясь. Вы очень много чего знаете, но при этом абсолютно ничего не делаете – не подскажите, почему?

– Кевар, дорогой мой, наш храм – всего лишь обитель мирных монахов, служителей культа, уже долгие годы живущих вдали от мира в добровольном заточении в поисках духовной силы. Мы прекратили все активные связи с внешним миром много лет назад, когда закрыли свой завод по производству костюмов – кстати, на тебе последний... нет, предпоследний из сделанных нами – и теперь не имеем ни права, ни возможности покидать нашу обитель. При этом я по старой привычке продолжаю наблюдать за тем, что происходит за пределами нашего маленького мирка, а в силу наличия большого жизненного опыта и свободного времени еще

и анализирую всю информацию. А ты можешь и умеешь действовать, и тут мы удачно дополняем друг друга.

– Ловко вы придумали...

– Малыш, не забывай, что у меня во всем этом деле нет никакой личной заинтересованности – я и так помогаю тебе, чем могу. И мне, к слову, в ответ понадобится небольшая помощь от тебя – впрочем, это обернется пользой для всех, и опять-таки для тебя не в последнюю очередь.

– И что за помощь?

– Когда мы решили отгородиться от внешнего мира и стать затворниками, несколько служителей не поддержали эту идею. Я не в праве их судить за это и что-либо запрещать – многие еще так молоды... по их меркам, конечно же. Они решили отправиться в вольное странствие, прежде чем присоединиться к своим братьям – набраться опыта, посмотреть миры. Все вернулись по прошествии нескольких лет, кроме одного – он выбрал свой путь, и идет по нему до сих пор. Мы не можем поддержать этот путь – он претит нашей религии и нашим взглядам, и мы бы хотели, чтобы блудный брат вернулся к нам.

– Ничего себе, «не в праве запрещать» – а что же это тогда, как не запрет? И вы уж меня извините, но у меня нет времени на поиски загулявшего монаха, Инисио.

– Есть некоторая грань, переступив которую, можно уже никогда не вернуться, и я бы не хотела, чтобы это произошло с одним из моих подопечных, – неожиданно жестко сказала

Инисио, – В поисках нет необходимости – мы знаем, где он сейчас. Когда ты встретишься с ним, передай ему мое послание – оно записано на этом чипе, – женщина подтолкнула по столу к Кевару маленький блок данных, – если тебе любопытно, можешь посмотреть, но вряд ли ты что-либо поймешь.

– А вам с ним самой никак не связаться? Зачем вам нужен я?

– Нам нужен кто-то, кто может... действовать. Дело в том, что совсем недавно он оказался в орбитальной тюрьме «Рай-1.17», и его надо оттуда выволить.

– То есть вы просите меня освободить из тюрьмы монаха-преступника? Отличный у вас способ завоевать доверие.

– Как я сказала, мы не одобряем его путь, но на самом деле он хороший служитель, и еще не поздно вернуть его к истокам. Освободи его – и он поможет тебе с поисками храма и убийцы брата. После чего он вернется к нам.

– И что: вы предлагаете мне организовать ему побег? – с истеричным смешком спросил Кевар.

– Ни в коем случае, я уже обо всем позаботилась – на том же чипе все необходимые для легального освобождения документы. Тебе будет необходимо только передать документы и спокойно забрать Змея со станции, – интонации в голосе собеседницы показались лорду насмешливыми, и, по его разумению, это не предвещало ничего хорошего.

– Змея? Славное имечко для монаха.

– Я же сказала, что он пошел не той дорогой. Так ты можешь нам?

– Хорошо, Инисио, я помогу. Но если вдруг окажется, что вы меня хоть в чем-то обманули – в гневе я могу быть весьма неприятным.

– Спасибо, Кевар, – серьезно ответила девушка, – скоро ты сам убедишься в нашей правоте.

Капитан Теманов

– Да сколько, во имя Великого Кристалла, можно, – проворчал Джуджур, разбуженный посреди ночи сообщением лейтенанта Хира. В сообщении коротко говорилось, что накануне вечером были совершены два новых убийства – это становилось уже, похоже, недоброй традицией. Жертвами вполне предсказуемо оказались весьма высокопоставленные личности: министр культуры и пропаганды Онто Конто и его заместитель. Оба убийства произошли примерно в одно время, но в разных местах: министра нашли на веранде своего дома, заместителя – в туалете дорогого ресторана. Почерк был похож на Кровавого Фанатика (так таинственного убийцу окрестили газетчики), но, судя по фотографиям с места преступления, на этот раз он явно торопился – все выглядело более небрежно, много брызг крови и следов, а руны были написаны коряво и явно в спешке.

– У нас появился подражатель? Этого еще не хватало.

– Не думаю, что это подражатель – наши специалисты перевели те руны, которые смогли разобрать, и они логически продолжают первые два стихотворения, а мы ведь их не обнародовали.

– Пришли мне перевод. А как наши специалисты смогли перевести эти руны? Вроде бы в нашей базе не нашлось никакой информации.

– Господин Аргомантис прислал экземпляр книги из своей семейной библиотеки, чем весьма нам помог.

– Он, к слову, с самого начала предположил, что наш убийца не простой налетчик. И сейчас паренек проявил инициативу и полетел в какой-то храм, где он вроде встречал этот знак бесконечности – который на местах преступлений. Пустая трата времени, скорее всего, но желание помочь достойно уважения.

– Не наломает дров? Он же совсем молодой еще, захочет отомстить за брата – а с нашим Фанатиком, видимо, шутки плохи...

– Да ничего он не найдет, не смейся. А в столице сейчас опасно, и Аргомантисы в первой группе риска, так что пускай лучше они все находятся подальше отсюда. Кстати, нам повезло, что наши аристократы поулетали в свои резиденции, иначе массовой паники было бы не избежать... Ладно, присылай мне перевод, нам нужно что-то срочно делать, пока этот сумасшедший не вырезал нам тут все правительство.

Через несколько минут пришло письмо от лейтенанта, с вложенным стихотворением:

А вот и третий привет
От тех, кого давно уже нет.
Все то, что было скрыто веками,
Будет скоро рассказано нами.
Пелена спадет с ваших глаз –

Станет новым рассветом этот рассказ.

Джуджур окончательно проснулся за время разговора и осознал, что поспать этой ночью ему уже не удастся. За последнее время, с тех пор как в городе появился этот паразит, ни нормально выспаться, ни даже просто отдохнуть ему не удавалось. Навестить мать с сестрой раз в две недели – дело, про которое он не забывал ни разу за все время своей службы – и то не было никакой возможности.

Капитан, вздохнув, поднялся с кровати и побрел на кухню, привычно ориентируясь в темноте. Варский настой, оставшийся на столе со вечера, давным-давно остыл, но был все же еще не совсем отвратительным на вкус, так что Джуджур забил электронную трубку паршивой кристальной пылью и, прихлебывая крепкий терпковато-сладкий напиток и попыхивая горьким дымом с карамельным привкусом, принялся внимательно рассматривать на рабочем планшете материалы с места преступления.

Чем больше он занимался этим делом, тем более странным и запутанным оно ему казалось. Единственное изображение таинственного убийцы, которое он накануне получил от Советника, странноватого человека, известного в народе как Голос Короля, было смазанным, темным и вообще малоинформативным. Пожалуй, все, что можно было сказать про Фанатика – что это был человек в женском бронекостюме (т.е. скорее всего женщина, очень ловкая, быстрая и сильная)

и что он умел грамотно использовать ситуацию и окружающую обстановку для скрытности. Ну, и еще, что на нем был бронекостюм черного цвета, вероятно, из гвидония. Разглядывая едва различимый силуэт, Теманов задумался: чего же именно хочет добиться эта странная особа? Каковы ее мотивы? Если это действительно сошедшая с ума последовательница какого-то неизвестного культа, как считает Аргомантис, то каким образом она умудряется показывать такой уровень профессионализма, такую четкость движений и способность планировать настолько сложные акции? Если же это наемница – то сколько же человеку должен заплатить наниматель, чтобы он начал выпускать кишки пожилым дамам, а тем более матери самого короля?

Капитан за свою карьеру в полиции не раз сталкивался и с психами, и с наемниками – и у тех, и у тех были свои определенные схемы поведения, которые вполне можно было усреднить и свести к нескольким классическим видам. При расследовании убийств, совершенных маньяками, можно было проследить последовательность и даже некую извращенную логику действий, и, исходя из нее, выйти на след преступника. В случае с наемниками тоже были свои приемы – начиная от анализа типа оружия и заканчивая поиском возможных нанимателей – людей, так или иначе заинтересованных в убийствах.

В нынешнем же деле все было совсем неясно. Оружие отследить невозможно – какой-то клинок с неясной структу-

рой металла, вот и все, что можно было определить. Даже от видеозаписи толка никакого – мало ли, сколько в столице женщин в черных косموкостюмах.

Если говорить о мотивах, то все тоже не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. Если смерть казначея Вар-Дена и министра Конто могли бы быть выгодны кому-то из мифической оппозиции действующей власти (в существование которой, впрочем, не верили, кажется, даже революционеры, вроде как представлявшие интересы этой самой оппозиции), то жестокая расправа с королевой-матерью и сестрой Унгурабута явно выбивалась из этой концепции. Это определенно был личный выпад против самого Круела, на что никто из даже самых ярых противников режима не пошел бы.

Так кто же этот чертов Фанатик, и как ее остановить? От этого вопроса и от невозможности на него ответить где-то в черепной коробке Джуджура начинался почти физически ощутимый зуд.

Омбро

Кровавый Фанатик? О, как же это по-столичному, как это безвкусно, мерзко и банально. Она отложила планшет с открытой в нем газетой в сторону и глубоко задумалась. Что ж, Фанатик так Фанатик, какая разница. Сейчас ей надо было просто отдохнуть и переждать некоторое время в безопасности. Впрочем, она привыкла большую часть жизни находиться в темноте, лишь наблюдая из своего скрытого убежища за тем, что происходит вокруг.

Сейчас все шло по плану, и даже без ее участия. Все фигуры двигались по ей самой прописанным правилам, каждая выполняла свою функцию. Механизм запущен, и часовщик может немного отдохнуть, пока не понадобится добавить новые детали.

Глава 5

Кевар

Эхо обогнул пустынную ледяную планету по малой траектории, и за голубоватой кромкой стратосферы навстречу гостям выступила туша станции «Рай-1.17». Это была типовая станция-тюрьма из самой первой серии, их запустили в эксплуатацию уже больше ста лет назад и потихоньку списывали, заменяя более современными моделями пятого и шестого поколения. Тем не менее, некоторые тюрьмы располагались так далеко от цивилизации, что правительство даже не пыталось их модернизировать. Такие станции, как семнадцатый «Рай» доживали свой век исключительно на своих собственных ресурсах, и их нынешний внешний облик и внутреннее устройство капитально отличались от изначального состояния.

На массивную, покрытую мощными бронелистами основу, формой мало отличающуюся от обычного кирпича (разве что несколько километров длиной), за все эти годы были надстроены всевозможные переходы, башенки и отсеки. В итоге станция производила впечатление абсолютно ненадежной, шатающейся конструкции, да по сути такой и была. Впрочем, о случаях успешных побегов с таких станций

информации не было – может, потому что это не включалось в официальные отчеты, а может, и потому, что всех, кто пытался сбежать из подобных тюрем строгого режима, тут же отлавливали знаменитые «коршуны», истребители-перехватчики.

На связь вышел диспетчер станции и запросил разрешение на стыковку. Кевару не осталось ничего другого, как отправить документ, который ему выдала Инисио, и надеяться, что наведенные на Эхо пушки не откроют прицельный огонь.

Вопреки опасениям, совсем скоро ему видимо все же предстояло убедиться в талантах Змея, потому что турели станции сняли Эхо с прицела, а диспетчер радостным голосом сообщил:

– Добро пожаловать на станцию «Рай-1.17», господин Аргомантис! Сообщаю вам, что для обеспечения вашей же безопасности, на время всего пребывания на нашей станции вам будет необходимо сдать оружие, а также отключить космостюм и все электронные приборы. Кроме того, все перемещения по станции допустимы только в сопровождении сотрудников и по строго определенным маршрутам. В случае невыполнения какого-либо требования по вам может быть открыт огонь на поражение. Приятного времяпрепровождения!

На одном из посадочных путей станции зажглись тусклые, неровно светящиеся огни, и Эхо медленно влетел в просторный пустой ангар. Массивные многостворчатые ворота, от-

крывшиеся лишь на четверть, тут же с грохотом и скрипом захлопнулись.

– Просто погуляем? Никаких приключений? Отличные места для прогулки выбираешь, Кевар, как всегда, – проворчал Эхо.

– Я сам не больше тебя рад тому, куда нас занесло – это в мои планы не входило... Но может этот Змей нам поможет...

– Ну конечно, что может быть полезней и приятней монаха-рецидивиста на борту Эхо, вот уж точно. Прямо-таки гора с плеч.

– Не злись, Эх, может он хороший парень.

– Великолепный, просто чудо, а не парень, не сомневаюсь. Я тут посмотрел кое-что про него – по большей части он любит развлекаться кражами в особо крупных размерах, взломами и заказными убийствами. Действует в основном в одиночку, хотя есть информация о его совместных акциях с пиратами. Поэтому связь твоих монахов с такой личностью как этот Змей лично у меня вызывает некоторые вопросы. Ты, конечно, можешь, как обычно, проигнорировать меня, но ведь я все равно обычно оказываюсь прав...

– Знаешь, а эта дамочка из храма показалась мне вполне толковой. Что-то объяснила, навела на какой-никакой след убийцы... Так почему бы мне не выполнить ее маленькую просьбу, тем более что это вполне может помочь и мне в поисках.

– А ты не задумывался о том, что она могла тебя просто

обвести вокруг пальца? Не многовато ли она всего знает? «Монастырь на Фрактуре, мы тут вообще ни при чем...» – это тебе не кажется подозрительным?

– Все может быть, надо все сначала выяснить, а потом уже судить. Но альтернативы лучше у меня нет, признай.

– А вот не признаю! Тебе нужно валить с этой чертовой станции, оставить поиск маньяка профессионалам и спокойно себе жить – найти работу, девушку, друзей. Начать нормальную цивилизованную жизнь, в конце концов. Нет, это, конечно же, не для тебя – давай, мотайся по самым мерзким уголкам Бездны, ищи приключения на свою тощую задницу!

– Слушай, консервная банка с моторчиком, – зло процедил Кевар сквозь зубы, – Тебе не кажется, что для искусственного интеллекта ты слишком много думаешь?

– Сам меня таким сделал, сам теперь и терпи.

– Будешь много болтать – урежу функционал, усёк?

– Да и урезай на здоровье, хоть не буду переживать за друга-идиота.

Кевар уже было открыл рот, чтобы отпустить очередной язвительный комментарий, когда в лобовой иллюминатор он увидел делегацию, приближающуюся к ним через ангар. Процессия очень походила на вооруженный конвой: во главе вышагивал здоровенный трехметровый представитель одной из рептилоидных рас, а за ним клином – пять человек, тоже неслабого телосложения, в одинаковых коричневых грубо сделанных бронекостюмах. Каждый держал в руках по мощ-

ной винтовке, а выражения морд обеих голов ящера не предвещали непрошенному гостю ничего хорошего.

– Потом продолжим разговор, я еще не закончил, – хмуро бросил Кевар, направляясь к шлюзу корабля.

– Ну все, буду теперь с нетерпением ждать твоего возвращения, о мудрейший!

Кевар только прорычал что-то невразумительное и спрыгнул в люк.

Он шел навстречу вооруженной процессии и надеялся только на то, что они не откроют по нему огонь еще до обмена приветствиями. Впрочем, никаких приветствий так и не последовало; между ними было еще метров пятьдесят, когда прозвучал злобный шипящий голос ящера:

– Слышшшшь ты, умник. Тебе неяссссно сссказали костюм сснять? У тебя есссть три сссекунды, или мы начччем сстрелять, придурок.

Кевар не имел ни малейшего желания проверять серьезность намерений этих ребят, поэтому он оперативно ввел комбинацию на запястном компьютере, и костюм свернулся в пространственный карман.

– Спокойно, господа, все в порядке. Нет поводов для нервов – я к вам ненадолго и исключительно с мирными целями, – Кевар поднял руки в примирительном жесте, однако собеседники этого не оценили и сняли винтовки с предохранителей.

– Тебе чччччего зззздесь надо, девоччччка?

– У меня предписание на транспортировку одного из ваших заключенных, я отправил документ вашему диспетчеру.

– Я здесь решшу, кого и куда транспорттировать. Так ччто сначала я все посмотрю, а потом ужже будем раззговаривать.

– Хорошо, конечно, я подожду. Я никуда не спешу, пока хоть спокойно отдохну в вашей санатории.

– Шшшутник, я ссмотрю? – ящер явно начинал злиться не на шутку; обе его головы говорили одновременно, и этот злобный шипящий в унисон дуэт звучал исключительно неприятно.

– Нет-нет, просто хотел разрядить обстановку... Может, действительно все-таки перейдем к делу? А то сроки и правда несколько поджимают – клиент ждет посылку как можно раньше.

– Сначала я проверю документы, а потом ужже пообщаюсь с тобой, обеззьяна.

Рептилоид махнул рукой подчиненным, и они принялись тщательно обыскивать Кевара, не особенно церемонясь. Кожаную куртку они с него сняли, и ее нацепил на себя поверх костюма один из охранников – вернуть ее Кевар уже не надеялся. Потом они зажали его в плотное кольцо, больно уперев в бока и спину винтовки, и в такой неудобной формации пошли ко входу на станцию.

На удивление, рептилия (которого, как Кевар понял из разговоров охранников, звали Крок), внимательно изучив

документы, с каким-то загнанным выражением посмотрел на него, после чего изобразил на одной из морд оскал, видимо, стремящийся к доброжелательному и даже будто заискивающему, в то время как другая голова произнесла:

– Чччто жжжж, господин Аргомантис, по вашшшим документам, вы должжжны зззабрать у нас двуххх самыххх важжжжных зззаклученных, Змея и Кусача Джека. К сссожалению, двоих я никак не сссмогу вам отдать.

– Двоих? – вырвалось у Кевара. Потом он замолчал и задумался. И тут его осенило: хитрая барышня из Храма ловко придумала, как облегчить процесс освобождения Змея. Достаточно было запросить у тюремщиков невыполнимое – передачу сразу двух преступников, так что по сравнению с этим требованием финальное, отпустить горе-монаха, покажется куда более простым и лояльным! Аргомантис решил подыграть, – как это не сможете отпустить? Вы же понимаете, что мой наниматель вряд ли воспримет радостно такую новость.

– Понимаю, понимаю, но ничччего не могу поделатъ – у насссс свои прррроблемы.

– Что ж... Раз так, то я заберу, пожалуй... ну, давайте, Кусача, – Кевар отчетливо услышал, как Крок с облегчением выдохнул, – хотя постойте. Помнится, мой наниматель сказал что-то вроде: «В случае чего, в задницу Кусача, а без Змея не возвращайся». Я, конечно, не уверен, но по-моему это значит, что мне все-таки нужен Змей.

– Что жжж, пусть буддет по-вашшему, – процедил сквозь зубы Крок, подписывая бумаги. Отдавая документы Кевару, он злобно и с издевкой ухмылялся своей плотоядной пастью.

– Вот твой Змей, в последней камере слева, – с непонятным злорадством прохрипел один из охранников и ткнул пальцем в конец коридора.

Кевар пожал плечами и неторопливо прошел дальше, оставив ухмыляющихся охранников позади. Из любопытства он поглядывал по сторонам – не каждый день выпадает возможность посмотреть на самых опасных преступников королевства, собранных в одном месте. Двери камер были прозрачными, но только если смотреть снаружи, и ему было прекрасно видно, что происходит внутри, в то время как заключенные продолжали заниматься своими делами, не подозревая, что он наблюдает за ними. Это осознание несколько успокаивало, потому что все они выглядели исключительно опасными и малопривычными личностями: покрытые шрамами здоровяки со злобными лицами и мордами; большая часть из них занималась в своих камерах физическими упражнениями – стучали кулаками по стенам, отжимались и подтягивались. Ни одного интеллектуального или хотя бы не озлобленно-тупого лица он тут не заметил, и последние крупинки уверенности в полезности Змея и всей затеи, связанной с его освобождением, растаяли. Теперь Кевар вполне серьезно начал обдумывать, как он будет избавляться от на-

вязанного ему наемника.

Тем временем, он уже дошел до камеры 15/811 и с содроганием, осторожно, заглянул в стеклянную дверь. Змея там не было, камера была пуста. Сбежал! – была первая мысль Кевара. Он оглянулся и, увидев смеющихся во всю глотку охранников в другом конце коридора, осознал: Инисио обманула его. Не было здесь никакого Змея – его просто обвели вокруг пальца, заслали в тюрьму, из которой ему теперь не выбраться... Какой же он идиот, позволил так просто списать себя со счетов...

В это время откуда-то раздался приятный спокойный голос: «Здравствуйте, уважаемый. Позвольте полюбопытствовать: все бумаги уже подписаны? Подозреваю, что с некоторыми личными вещами могут возникнуть проблемы».

Кевар не мог понять, откуда исходит голос – он звучал прямо у него в голове. Отвечать вслух показалось ему чем-то неправильным, поэтому он заставил себя подумать: «Ты кто?» Впрочем, мысленно отвечать бестелесному голосу было очень странно, и он почувствовал себя глупо.

«О, а ты смысленый, не стал кричать в ответ, как все обычно делают. Пожалуй, мы можем сработаться, девчонка не ошиблась с выбором... Ой, любопытно. Ой-ой, как любопытно.»

«Что тебе любопытно? Кто ты и где ты?», – раздраженно спросил Кевар.

«А нет, ничего, все в порядке. Просто ты любопытный эк-

земляр. Меня называют Змеем, но это ты и так знаешь, раз прилетел за мной. А я в камере, ты присмотришься» – казалось, что в странном голосе послышалась усмешка.

Кевар внимательно взгляделся сквозь стекло камеры. И тут он увидел. Потолок камеры, показавшийся поначалу просто обитым мягкой тканью, при более внимательном рассмотрении оказался будто живым – он колыхался, перетекал и пульсировал. Прямо на его глазах этот странный волнующийся потолок неожиданно разродился направленными вниз отростками-щупальцами со светящимися шариками на концах. Потом сама мягкая обивка потолка стала медленно сползать, и оказалась вовсе не потолком... А большой медузой, полупрозрачной, переливающейся перламутром. По мере спуска медуза ужималась, в то время как щупальца все удлинялись. Наконец тело существа оказалось прямо напротив лица Кевара, и голос все с той же едва уловимой усмешкой произнес в его голове: «Да-да-да, я здоровенная медуза. Собственно, как и мои скучные товарищи из храма. Только я вот не считаю необходимым сидеть целыми днями на пнях, напевая глупые тексты, чтобы придать своему телу неестественную форму. Спасибо, обойдусь – у меня есть дела поважнее. Эй, не надо так удивляться, я чувствую изменения твоего эмоционального фона. В общем, ситуация такая: Крок прекрасно знает, что за пределы камеры я без своего оборудования не выйду, поэтому разрешение на передачу преступника он подпишет легко. При этом, если ты

удосужишься внимательно просмотреть документы, ты заметишь, что всё имущество заключенного остается в собственности тюрьмы. Таким образом, у нас вырисовывается маленькая проблемка: ты в принципе можешь меня забрать, но при этом на деле это абсолютно невозможно. Что будем делать?»

«Как что? Ты сядешь в мой корабль, и мы свалим с этой чертовой станции как можно быстрее».

«Ты не понял, дружище: без своего костюма в атмосфере, пригодной для дыхания большинства существ, то есть насыщенной кислородом, меня расплющит минуты за две. Или разорвет на кусочки, если честно, пока не проверят. Я, как уже сказал, в отличие от служителей в храме, не провожу все время в медитациях».

«Да что ж такое-то... Почему мне всегда так везет? Ладно, у меня идей нет – твои варианты?»

«Ну смотри: Крок меня добровольно отсюда не выпустит – за меня ему платят больше миллиона кристаллов в месяц. Со мной тебя тоже не выпустят – без меня еще есть шанс, но за тобой гарантированно пошлют ищеек, а без меня ты с ними вряд ли справишься. Так что у тебя есть всего два варианта: либо стать моим соседом на ближайшую сотню лет, либо забрать мой костюм, выпустить меня и свалить отсюда. Выбор, конечно, на богатый, но он хотя бы есть – уже неплохо, согласись».

«И как мне все это повернуть? Я имею в виду второй

вариант – первый меня, уж извини, не особенно прельщает».

«Вот, такой подход мне уже нравится. Ладно, сейчас придумаем идеальный план побега – это мой конек».

Кевар сидел на полу напротив камеры Змея, привалившись спиной к стене и рассеянно рассматривая плавающее из угла в угол существо. Неожиданно, будто что-то решив для себя, Кевар резко встал и, подойдя к переминающимся в нескольких метрах от него охранникам, недовольным тоном сказал:

– Ребята, я уж не знаю, кого вы тут пытаетесь обмануть, но вот эта куча желе – явно не знаменитый наемник Змей, а везти заказчику десерт с щупальцами я не намерен. Лучше доложу, что вы тут фабрикуете личные дела заключенных. В общем, по-дружески рекомендую вам как следует подготовиться к проверкам, потому что мой наниматель вряд ли оставит все как есть. Ладно, господа, я сваливаю отсюда. Проводите до ангара?

Охранники переглянулись, затем один из них связался, видимо, с Кроком, и долго ему что-то объяснял шепотом, потом еще дольше слушал ответ. Затем кивнул и махнул Кевару, мол, пошли.

Без заключенного его, видимо, все же решили спокойно выпустить со станции – собственно, зачем им был нужен тут какой-то странный парень, тем более что рисковать и связываться с неизвестным нанимателем никто зазря не хотел.

Кевар, подходя к кораблю, тихим голосом, чтобы не услышали топающие позади провожатые, связался с Эхо:

– Дружище, сейчас вся надежда на тебя.

– Ну начинается... Как обычно. Что ты удумал на этот раз? Где твой новый друг? Не отпустили?

– Помолчи и послушай: сейчас я залезу в десантный люк и спрячусь в нем. Ты взлетишь и вылетишь через ворота. Я на ходу выпрыгну из люка и спрячусь за стопорами ворот. Дальше я сделаю здесь свои дела, а ты пока будешь ждать меня снаружи, и не забудь включить маскировку. Потом быстро заберешь нас – и будем делать ноги.

– Гениальный план. Как раз будет время на написание некролога для умалишенного друга. И где мне тебя ждать?

– С обратной стороны планеты.

– Да, стоит признать, что продумано все детально до невозможности, – с едким сарказмом в голосе резюмировал Эхо, – ладно, пусть будет, как хочешь – вся ответственность на тебе.

– А когда это я, интересно, перекидывал ответственность на свой корабль?

– Давай перечислю все примеры.

– Сможешь это сделать чуть позже, ладно?

Первая часть плана на практике оказалась достаточно несложной: за несколько секунд до того, как ворота захлопнулись за кормой корабля, Кевар выскользнул из люка и прошмыгнул в стремительно сужающуюся щель, прикрытый

огромными металлическими стопорами ворот от смотрящих вслед безднолету охранников. Цепляться к наклонной колонне было до крайности неудобно, но вскоре грубые голо-са стали удаляться, и он, облегченно выдохнув, спрыгнул на пол. Теперь лорду предстояло осуществить вторую часть за-теи: незаметно пробраться через пустой ангар к вентиляци-онной шахте, затем добраться до склада личных вещей за-ключенных.

Пол ангара отзывался на шаги гулким эхом, поэтому при-ходилось идти очень медленно, аккуратно выверая каждый шаг. Вдоль внешней стены Кевар пробрался к дальнему углу гигантского помещения, где на высоте около двадцати мет-ров темнел не зарешеченный темный провал вентиляцион-ного отверстия. В ангаре стоял стойкий запах мазута и пы-ли, пол тут и там покрывали темные отливающие разноцвет-ными разводами масляные пятна. В одну из таких луж лорд по неосторожности вступил, и до самого конца пути за ним тянулся липкий след. Карабкаться по шершавой стене ока-залось не так сложно, как он предполагал – металл был до-статочно пористым, и крохотные крючки на ладонях костю-ма крепко цеплялись к его поверхности. Перевалившись че-рез край вентиляционной шахты, Кевар осторожно посветил фонариком в темноту перед собой. С такой сильной клау-строфобией, какая была у молодого Аргомантиса, и в обыч-ной жизни было не очень комфортно. Лифты, кабины ма-леньких звездолетов и прочие узкие пространства, которых

сложно избежать в современном мире, непременно вызывали у него приступы панической атаки. А уж тем более трудно приходилось человеку, который по роду деятельности вынужден был регулярно залезать вот в такие мерзкие проходы. «И почему меня угораздило заниматься таким вот бредом? Не пошел бы в армию – сидел бы сейчас спокойно в семейной резиденции на Варке, разводил разумные растения...» – с тоской подумал Кевар, ползя по узкой шахте и задевая плечами за металлические стенки. Он очень надеялся, что инструкции, которые ему дал Змей, не ошибочны, и что его собственная память не подведет – шахта беспрестанно разделялась, поворачивала и меняла наклон, так что без рекомендаций он бы уже на первом перекрестке пополз бы не туда и заблудился.

Но на поверку указания наемника оказались точными: люк шахты, ведущий в помещение склада, был именно там, где и было сказано. Освещения в комнате не было, но по тому, как луч мощного фонарика пропал где-то вдалеке, становилось понятно, что зал еще больше, чем ангар. Такое неэкономичное использование пространства удивляло человека, привыкшего к уплотнительным застройкам и небольшим военным кораблям. Весь склад был испещрен бесконечными линиями стеллажей, между которыми простирались целые проспекты проходов. Настоящий город запыленных, забытых вещей, владельцы большинства из которых давным-давно стали покойниками.

Кевар нашел нужный стеллаж достаточно быстро. На четвертой полке (метрах в десяти над уровнем пола) громоздился металлический ящик с простым навесным замком, сбить который оказалось совсем несложно. Внутри лежал лишь один предмет: запястный компьютер, управляющий космостюмом, прикрепленный к некоему подобию аквариума. Теперь лорд начинал понимать, каким образом желеобразное существо умудрилось быть наемником.

Забрав костюм, Аргомантис перешел к заключительной и самой сложной части плана – собственно, освобождению Змея. Он двигался все по тому же лабиринту вентиляции, только все больше приходилось забирать прочь от центра станции – влево и вверх. Этот переход оказался еще дольше и вымотал Кевара в разы сильнее. Когда он дополз до места назначения, он изнемогал от ноющей боли в конечностях и спине, голова кружилась от давящих со всех сторон стен, пот бежал нескончаемым потоком.

Как ему объяснил монах, устройство камер было самым что ни на есть простейшим и потому весьма надежным: каждая камера была по сути самостоятельной ячейкой кубической формы, и при необходимости их можно было отделить друг от друга и транспортировать куда надо. Эти ячейки располагались как соты, с четырех сторон они крепились друг к другу, а с двух других были свободны – передняя стенка, она же дверь, выходила в коридоры, задняя же упиралась во внешний бронелист станции, за которым был открытый кос-

мос. Всю сердцевину циклопических размеров станции, как оказалось, занимали системы жизнедеятельности, прогулочный зал, три ангара и склад, на котором только что побывал Кевар. Неудивительно, что для собственно камер осталось место лишь по краю станции, учитывая гигантоманию человека, проектировавшего ее полтора века назад.

Кевар добрался до ячейки-камеры, в которой сидел Змей, и парой сильных ударов ноги выломал часть стенки шахты, скрывавшей верхнюю часть камеры. Она оказалась прозрачной, как и передняя стенка, и Кевар увидел все так же плавающую из угла в угол медузу. Он постучал по стеклу и подумал: «Все в порядке, сейчас будем выбираться». Ответ последовал незамедлительно: «Костюм у тебя?» Кевар ответил утвердительно, затем связался с Эхо:

– Готовность номер один. По моей команде живо подлетаешь к тому месту, где я нахожусь – маячок я включил – и тут же, вот прям сразу, стреляешь в корпус станции на средней мощности. Помни, что мы прямо за этим бронелистом, поэтому не переусердствуй. Когда внешняя броня расплавится – выбрасываешь транспортировочные крюки. Нужно, чтобы крюки зацепились за камеру Змея, после чего ты даешь полный ход и выдергиваешь камеру из зацепов. Потом несешься до края мира так быстро, как только можешь. У охраны на станции нет исправных безднолетов, так что выйдем из кристалла в Бездну – и дело в шляпе. Все понял?

– Да, кроме одного: это у меня плохо с памятью, или ты

все же не всегда был таким идиотом? У них тут мощнейшие пушки, которые разнесут меня в пыль за секунду.

– Не разнесут, у них половина пушек не работает. Единственная реальная опасность – это их корабли-перехватчики. Вот поэтому сматываться мы будем так быстро, как только сможем. Все, начали.

Кевар распластался на крышке камеры, закрепившись, как смог, крючками-присосками. Теперь им со Змеем оставалось только ждать. Впрочем, ожидание не заняло много времени – буквально через минуту раздался знакомый звук пушек Эхо – три залпа, и здоровенный кусок брони прямо перед лицом Аргомантиса раскалился до бела, скукожился и расплавился. Снаружи был открытый космос, и в метрах пятидесяти от борта станции висел Эхо. Закончив дырявить борт «Рая», маленький клиновидный корабль развернулся. Из распахнутого грузового люка к пролому с огромной скоростью вылетели два сверхпрочных гвидониевых каната с крюками на концах. Крюки пробили внешнюю стенку камеры и зацепились за нее. Кевар с усмешкой наблюдал, как медузообразный узник камеры распластался по полу. Правда, улыбка исчезла моментально, как только Эхо включил двигатели и с места рванул вперед. Как Змей и говорил, крепления камеры были старыми и ненадежными, поэтому комната-ячейка практически мгновенно была вырвана из пазов, с жутким скрипом и грохотом. Стенка, за которую зацепились канаты, пошла сеткой мелких трещинок, но выдержала

нагрузку.

Теперь оставалось надеяться только на пилотные умения Эхо и на мощь его двигателей. На огромной скорости причудливый хвост из канатов с прозрачным кубом на конце болтало во все стороны при малейшем изменении курса корабля, и Кевар с трудом держался. Змею повезло еще меньше, его желеобразное тело размазывало то по одной стенке, то по другой.

Кевар умудрился оглянуться на стремительно удаляющуюся станцию. В ее боку он заметил аккуратную черную дыру, из которой они только что и выбрались. И как раз в этот момент от поверхности станции отделилось маленькое пятнышко – корабль-перехватчик.

– Эхо, выкинь из трюма винтовку! – рявкнул лорд по внутренней связи. Эхо разблокировал оружейный ящик, и пушка по инерции вылетела через открытый люк трюма. Для того, чтобы на такой скорости поймать оружие, Кевару пришлось отлепить от камеры обе руки и правую ногу и порядочно извернуться. Его пальцы в последний момент успели сомкнуться на прикладе ружья, однако теперь он был прикреплен к стеклянному кубу лишь одной ногой, а все тело распласталось по ходу движения. Прицелиться в таких условиях было крайне сложно, но годы в космическом спецназе не прошли зря – он все же умудрился навестись на приближающийся корабль-перехватчик и выпустить несколько очередей энергетических разрядов. Большинство из них ушло в

молоко, но два весьма метко попали прямо в лобовой иллюминатор. Броня на легких скоростных кораблях всегда была самым слабым местом, поэтому двух попаданий оказалось вполне достаточно, чтобы вывести их строя основные функции перехватчика. Преследователь еще какое-то время пытался гнаться за беглецами, но вскоре начал замедляться, пока не повис беспомощно, неотвратимо затягиваемый силой притяжения планеты.

Больше за ними никто не гнался – их побег оказался достаточно дерзким и неожиданным для расслабившейся за долгие годы охраны. Тем не менее, до края мира они летели все в том же диком темпе. Кевар попытался было как-то вернуться в изначальное положение, но на такой скорости все попытки оказались безрезультатными, так что он так и болтался позади на одной ноге. Затекла она просто жутко, поэтому как только Эхо снизил скорость, он отстегнул присоски и дальше летел уже на двигателях костюма. Несколько выстрелов в потрескавшееся бронестекло – и Змей медленно выплыл из камеры. «Вот это было очень круто, парень. Ты действительно неплох. Давай костюм, загружаемся в твой суперкорабль и дерем отсюда когти». Кевар вынул конструкцию из заплечного короба и протянул медузе. Длинные щупальца ловко ухватили прибор, и пульсирующее тело быстро впихнулось в узкое пространство аквариума. Если бы в космосе передавались звуки, Кевар мог бы поклясться, что явственно услышал «чпок». Оставшиеся снаружи щупальца

что-то нажали на компьютере, и костюм развернулся из пространственного кармана, приняв вполне человеческую форму. Костюм выглядел угрожающе: черный, с матовым покрытием, состоящий из мелких ячеек, с мерцающими красным неонам визорами. «Ну что, полетели на твою планету, парень. Я тут что-то засиделся, дел накопилась прорва».

Фрактура располагалась в том же скоплении кристаллов миров, что и храм Бесконечности – в королевстве это скопление называли Большим кристальным поясом. С учетом немаленького крюка до мира, в котором одиноко болтался «Рай 1.17», путешествие между двумя соседними мирами заняло значительно больше времени, чем Кевар рассчитывал, и на тщательное изучение планеты времени почти не оставалось – мало ли что за время его отсутствия могло произойти в столице.

После недолгого, но утомительного перелета через уныло клубящуюся Бездну (Кевар решил не рисковать и отказался от крио-заморозки, пока на борту его корабля находился не вызывающий большого доверия чужак), вид приближающейся Фрактуры на удивление его порадовал.

Фрактура... Небольшая планета с идеальным климатом – этому способствовали слегка смещенная ось и оптимальное удаление от звезды. Большую часть планеты покрывали зеленые луга, густые леса, озера и реки, ближе к экватору грохотилось несколько горных хребтов и растеклась барханами

узкая пустыня, а на полюсах располагались океаны.

Кевар вспомнил события пятимесячной давности, и от этого у него тут же разболелась голова. Большая часть того, что тогда произошло, будто просто пропала из памяти – вся эта дикая операция смешалась у него в памяти и стала похожей на картины столичных художников-импрессионистов. Много красок, элементов, деталей, но все это наложено мелкими мазками разных цветов, а чтобы увидеть весь сюжет, нужно отойти подальше. Вблизи же – будто просто мазня. Лорд все надеялся, что со временем память позволит посмотреть со стороны, разобраться в случившемся. Но не тут-то было, в голове у него каждый раз возникала какая-то неведомая стена, закрывавшая от него большую часть воспоминаний.

Тем не менее, что-то он все же мог вспомнить. Например, как они прибыли на планету в первый раз. После предыдущих операций, которые они проводили на небольших спутниках и крохотных планетах, Фрактура поразила их всех. Двенадцать опытных штурмовиков королевской космической пехоты прилипли к иллюминатору десантного безднолета и замороженно смотрели на все увеличивающуюся зелено-голубую сферу, на приближающуюся поверхность планеты. Потом над ними было настоящее небо, с настоящим солнцем и настоящими камнями под ногами.

Еще он помнил, что следующие две недели они готовились к выполнению задания. А вот потом все было будто в

дымке, вплоть до самого бегства с планеты. Он силился понять, почему все закончилось именно так – и не мог. Это уже потом, обсуждая в реабилитационном центре с бывшим командиром, генералом Савоне, произошедшее, он смог окончательно осознать и вспомнить, что их отряд потерял десять человек из двенадцати в ходе зачистки. Что наземные оказались не тупым, хоть и опасным, стадом, а точно такими же людьми. Какую именно ошибку совершил генерал, Кевар вспомнить совершенно не мог, но отчетливо осознавал, что трагедия произошла именно из-за командира. Тем не менее, он не смог заставить себя винить в случившемся Фазтона Савоне, человека, почти заменившего ему на войне отца. Генерал в своем рапорте утверждал, что, несмотря на потери, которые понес отряд, операция была выполнена успешно: все разумные наземные были ликвидированы. Кевар доверял своему наставнику безоговорочно – и повторил то же самое в своем рапорте.

И вот теперь, спустя неожиданно короткое время, он вновь приближался к планете, ставшей для него неразрешимой загадкой. Только теперь не в компании одиннадцати таких же, как он, веселых бравых ребят-штурмовиков, с которыми он прошел не один бой, а вместе с молчащим всю дорогу желеобразным монахом-наемником в мрачном черном космокостюме и инфантильным искусственным интеллектом корабля.

Эхо вошел в атмосферу, на короткое время пейзаж за ок-

ном скрыли облака, но вскоре внизу проступили кажущиеся бескрайними поля умеренного пояса планеты. Кевар краем глаза взглянул на Змея, который сидел на диване в каюте и своим жутковатым мерцающим красным взглядом сверлил переборку напротив. В таком положении он просидел весь перелет.

Раз уж теперь странное существо облачилось в костюм, Аргомантис справедливо рассудил, что играть по его правилам и общаться странной и непривычной для него мысленной речью больше нет смысла. Поэтому громко и внятно он обратился к пассажиру:

– Не хотел прерывать твои раздумья, но вообще мы уже прилетели на Фрактуру. Настоятельница в храме обещала мне, что в благодарность за освобождение ты поможешь с поисками некоего местного монастыря.

Змей дернул головой, будто его оторвали от глубоких размышлений, медленно перевел взгляд своих алых визоров на Кевара и ответил:

– Да, конечно, уговор есть уговор. Монастырь скрыт от простых обывателей, и непосвященный его просто так найти не сможет – только кто-то из служителей ордена, – он выглянул в иллюминатор, потом продолжил, – Держи курс к северному полюсу, к океану Забвения.

Внизу проносились чарующие, но пугающие своей пустотой безлюдные просторы планеты. Кое-где еще можно было увидеть разрушенные города и дороги, но большую часть

следов былого присутствия цивилизации уже сожрала природа – не без помощи терраморфных технологий, конечно. Некоторые места казались Кевару будто бы знакомыми, складывалось ощущение, будто он там уже бывал раньше. Хотя, вполне вероятно, что бывал – во время зачистки какие только уголки и закоулки ни посетишь. Система зачистки всегда казалась лорду странной: сначала маленький отряд штурмовиков вручную уничтожал основную массу наземных, стараясь наносить как можно меньше вреда природе планеты. Эта фаза длилась дольше всего, от пары месяцев до года. Затем приходила очередь второго этапа – терраформации. Все следы уничтоженной цивилизации подчищались уже самой природой, и остатки выживших наземных вымирали уже сами собой. Впрочем, в тот раз генерал Савоне по какой-то причине решил начать обе фазы одновременно, и, возможно, это и стало причиной всей катастрофы, которой обернулась операция.

Даже от малейшего воспоминания о недавних событиях его передернуло. Все, хватит себя изводить. По возвращении в столицу нужно будет обязательно навеститься к Сессилии, чтобы возобновить сеансы психотерапии. Еще до ухода на фронт ее экспериментальные методы начали даже приносить кое-какие слабые плоды, и он смог вытянуть часть воспоминаний из детства, когда провалы случались реже и на менее длительные периоды.

Вдалеке на горизонте показалась серовато-синяя полоска

воды. Змей будто немного оживился, подошел к лобовому иллюминатору и встал рядом с Кеваром. Коротко отдал распоряжения о правке курса. Еще какое-то время они летели в полной тишине, а вокруг, куда хватало глаз, были только небо и океан. После нескольких минут такого полета, Змей приказал остановиться, и Эхо завис в паре сотен метров над спокойной гладью воды. Монах начал что-то тихо нашептывать, напевать себе под нос какую-то странную мелодию, медленную, печальную и волнующую.

Кевар в это время стоял, прислонив лоб к иллюминатору, и пытался разглядеть хоть что-то, что могло бы подсказать ему, где же находится монастырь. Сначала он долго не мог разглядеть ничего, кроме волн и проносящихся мимо чаек. Потом мелькнула мысль: какие могут быть чайки в нескольких тысячах километров от берега? И, будто в подтверждение его слов, в нескольких метрах перед ним прямо из воздуха начал появляться остров. Как негатив, при проявлении которого медленно проступает изображение – сначала показались отвесные скалы, потом вековые сосны, возносящиеся выше даже того уровня, на котором висел Эхо. А потом показался и сам монастырь. Циклопическое здание с множеством башен, шпилей, переходов и арок – Кевар не сразу и понял, где он уже видел точно такое же строение. А потом, когда осознал, ощутил сильнейшее дежа вю: он смотрел на королевский дворец Унгурабутов, только в тысячах миров от своего привычного местоположения.

– Это еще что за шутки? – недоверчиво спросил он.

– Монастырь древнего ордена Бесконечного Круговорота Смерти – культа, многие из идей которого легли в основу философии уже знакомого тебе Сокрытого Храма.

– Это все, наверное, очень полезная информация, но, тем, не менее: какого Великого Кристалла этот монастырь выглядит как точная копия королевского дворца в столице?

– Ну, начнем с того, что все наоборот: это дворец – копия монастыря. Во-вторых, далеко не точная копия. В-третьих... А, не придумал, что в третьих. Просто, видимо, те, кто строил дворец, вдохновлялись архитектурой монастыря.

– Ладно. Ничего не понятно, но ладно. Что нам дальше-то делать?

– А ты об этом заранее не мог подумать, умник? – влез в разговор Эхо. Присутствие на корабле гостя никак не повлияло на нахальное и язвительное поведение не в меру очеловеченного искусственного интеллекта, – ты вообще такой молодец: давайте слетаем на эту драную планетку, сразу все выясним про нашего новоявленного маньяка, ноль проблем! А оказывается, ты вообще не в курсе, что искать. Bravo!

– Уважаемый господин Эхо, – комично-уважительным тоном обратился Змей к кораблю, не дав Кевару вставить и слова, – господин Аргомантис и не может ничего знать про монастырь и про вашего маньяка, как вы его называете. Но, в отличие от него, знаю я.

– Что? – Кевар с Эхо отреагировали одновременно.

– Так сложилось, господа, что я, в некотором роде, знаком с человеком, который совершает сейчас определенные... противоправные действия в столице Королевства. Наши пути в свое время ненадолго пересеклись, и не скажу, что для меня эта встреча оказалась очень приятной. Дамочка – да, да, не удивляйтесь – действительно мастер своего дела – профессиональная убийца высочайшего разряда. Но, стоит признать, что с психикой и взглядами на жизнь у нее все-таки действительно не все в порядке, – Змей замолчал, глядя на величественно возвышающийся над ними замок.

– Да что ж ты замолчал! Продолжай уж, раз начал! – Кевар нетерпеливо постучал костяшками пальцев по иллюминатору перед визорами собеседника, привлекая его внимание.

– Так вот, я с ней познакомился меньше года назад, в Сокрытом Храме.

– А я говорил, я говорил! – довольным голосом сообщил Эхо.

– Это было очевидно, друзья – даже для вас это должно было быть понятно с самого начала. Естественно, Инисио – вовсе не простой настоятель какого-нибудь захолустного храма. Я, правда, не знаю, какие цели она преследует, но Омбро действует по ее инициативе – это я могу сказать точно.

– Эта Омбро, случайно, не сама Инисио?

– Нет, конечно. Хотя... Да нет, я видел их вместе. Само собой, зная Инисио, она могла бы нарядить кого-то другого в костюм Омбро, но зачем – слабо себе представляю. Тем не

менее, расскажу, что знаю: Омбро Кашита – так, насколько я знаю, зовут вашу дамочку-убийцу. Сразу скажу: я никогда не видел ее без космокостюма, не знаю ничего о ее прошлом. Я также не знаю, чего сейчас пытается добиться Инисио, но уверен я в одном: ее методы меня не устраивают. Вполне допускаю, что у нее могут быть благородные цели, но меня массовые убийства не прельщают. Собственно, потому она меня и упекла в «Рай».

– Инисио? – от удивления Кевар заговорил вопросами, в точности как его старый товарищ Крр Орр из полицейского морга.

– Инисио, конечно. Я был единственным из всех служителей, кто был готов вместо бессмысленного сидения и повторения мантр по-настоящему действовать. У нашей расы, знаете ли, все замечательно с умственным трудом, но когда приходится заниматься реальным делом, у большинства возникают проблемы. Так вот, я оказался среди тех немногих служителей, кто не захотел уходить в добровольную изоляцию – зачем мне это случилось? Меня отпустили попутешествовать по мирам, но при условии, что я буду тестировать костюм из последней разработанной Инисио серии, а также неустанно тренироваться. Я, само собой, согласился и свалил из Храма. Не скажу, что я хоть капельку скучал по дому – из-за своих интересов и взглядов я всегда был кем-то вроде юродивого среди других служителей. За эти годы я успел побывать и пиратом, и наемником, и контрабандистом – в общем, пове-

селится на славу. А потом меня вызвали в Храм, сказали – пора отрабатывать. Это было как раз меньше года назад, месяцев, что ли, пять назад. Сказали: у нас есть человек, который изменит судьбу всего мира, восстановит справедливость – ну, наплели очередной религиозный бред, в общем. А я, значит, должен ему помогать. Показали мне дамочку в точно таком же костюме, как у меня – ну, думаю, приехали. Мадам мрачная, все больше молчит – а как что скажет, так жутко становится... Мрак.

– Так, а что вы должны были с ней сделать? Какова цель?

– А Бездна ее знает. Я ж сразу их послал ко всем астероидным монстрам. А Инисио меня, недолго думая, засунула в тюрьму – и ни приветов, ни ответов до твоего появления. Видимо, она хотела меня проучить и облагородить таким образом – она такие методы очень любит.

– Так. И теперь она зачем-то отправила меня сначала за тобой, потом сюда... – Кевар напрягся.

– Да не бойся, дружище – я своего мнения и взглядов не поменял. Так что если ты меня сам не отвезешь в Храм, я буду тебе премного благодарен: все равно помогать Инисио и ее ручной волкодавице я не буду, даже если у них самые что ни на есть благородные цели.

– Рад это слышать. И все же, на что тогда она рассчитывала, когда просила меня забрать тебя из «Рая»?

– Полагаю, она рассчитывала на то, что я за несколько месяцев изоляции передумал. Ты же не в курсе: все служите-

ли связаны в один общий разум. Ну, в какой-то степени. То есть каждый сам по себе, но в совокупности мы объединяемся в нечто общее. За счет этого мы все становимся сильнее, но платим за это определенной частью своей индивидуальности. И все время, что я провел в тюрьме, мне пытались коллективно промыть мозг – а ничего у них все равно с этим не выйдет, я много лет назад еще научился выстраивать отличную стену между собой и остальными.

– Ага. А просто так освободить она тебя не могла? И вообще, зачем она позволила тебе общаться со мной, зная, что я пытаюсь копать под ее наемницу?

– Насчет первого все как раз понятно: она старается сохранить инкогнито, и ей удобней действовать скрытно, через посредников. А вот насчет общения я не знаю. Знаю только, что она никогда не делает ничего просто так. Значит, в этом была какая-то цель – это точно. Возможно, ей зачем-то понадобился ты, или что-то в этом роде. Ну, или, что более вероятно, она просто посчитала тебя очередным кретинном, которого можно спокойно использовать в своих целях. Уж извини за прямоту. Кроме того, они пытались наложить на меня нечто вроде обета молчания, и я дал им почувствовать, что у них все получилось. Было трудно ходить по краю, но у меня, кажется, все же вышло, так что они считают, что я нем, как рыба, а на самом деле, как и всегда, говорю, что хочу и кому хочу.

– Отлично. Все, что ты мне рассказал – это просто отлич-

но. Вопрос: раньше ты мне все это сообщить не мог?

– Не-а, не мог. У меня тут были некоторые проблемки с защитой от коллективного разума – вот, стенку залатывал, медитировал. Так-то я, как ты, наверное, заметил, любитель поболтать.

– Еще одна замечательная и полезная информация, спасибо. Но вот что теперь нам тут делать, мне до сих пор не понятно.

– А ничего, собственно, ты тут и не сделаешь. Монастырь пустует уже много веков – можешь, конечно, проверить, но времени займет это уйма. Ты ж не будешь сейчас всю библиотеку перелопачивать. Я бы на твоём месте сделал так: посадил меня в каком-нибудь приличном космопорте, да отправился дальше в свою столицу ловить Омбро, ну или чем вы там занимаетесь. А сюда неплохо будет послать толковых полицейских ищеек – за пару недель они точно что-нибудь полезное наруют. Я, так уж и быть, соглашусь им помочь при одном условии: если копы меня оставят в покое и снимут все обвинения. Особенно за побег.

– Это что, получается, мы зря сюда летали?

– Ну почему зря, ты на свою Фрактуру вернулся, поностальгировал, так сказать. К тому же, теперь, если тебе все же вздумается поизучать монастырь – сможешь спокойно сюда сам прилететь, проводник уже не понадобится.

Кевар не стал ничего отвечать. Он и сам понимал, что в одиночку он в этом гигантском замке ничего толкового най-

ти не сможет – он-то рассчитывал на какой-нибудь захолустный монастырь, а не на копию королевского дворца в натуральную величину. Поразмыслив пару минут, он все же решил действовать, как ему рекомендовал Змей. Только у него имелось несколько корректировок к плану.

– Ладно, медуза, соглашусь с тобой. Только сделаем немного по-другому: полетим сразу в столицу, вместе. Там соорудим тебе адекватную легенду, и вместе вернемся сюда, захватив с собой побольше копов. Идет?

– Не сказал бы, что меня ждут в столице с распростертыми объятиями, но, в общем, и так неплохо, наверное. Кстати, если ты вдруг соберешься пообщаться с Инисио – у тебя ничего не выйдет. Храм можно найти, только если Инисио сама это позволит.

– Ну, думаю, что в случае чего с этим проблем не будет. Она же хочет тебя вернуть.

– Не все так просто. С помощью служителей она может очень многое – в том числе и чувствовать намерения людей. А у тебя они сейчас, как я понимаю, не самые доброжелательные по отношению к ней. Короче, я просто предупреждаю тебя, чтобы ты не тратил время зря.

– Спасибо, но я постараюсь уж как-нибудь сам разобраться со своим временем, – холодно ответил Кевар, потом обратился к кораблю, – ладно, Эх, прокладывай маршрут до столицы. Кажется, нас там уже заждались.

Эхо пробурчал что-то невнятное, и явно недоброжела-

тельное, но траекторию полета все же начал прокладывать – на экранах появились карты Бездны с разбросанными по ней кристаллами миров. Вдруг по изображению побежали серые полосы, будто помехи, и еще через пару секунд все датчики и мониторы погасли; по всему кораблю включились красные тусклые лампы аварийного освещения.

– Что за?.. – удивленно воскликнул Кевар, – Эх, это абсолютно не смешная шутка. Мы действительно спешим, прекращай валять дурака.

Ответом ему было молчание, лишь тихо шумел эфир. Кевар пытался образумить не в меру строптивый компьютер еще пару минут, но безрезультатно: Эхо перестал отвечать.

– Не то чтобы я очень хотел вмешиваться, но мне что-то смутно подсказывает, что твой забавный ассистент не шутит, а реально накрылся, – осторожно заметил Змей, нетерпеливо постукивая по выключенному экрану.

– Да быть такого не может, никогда такого не было!

– Если чего-то никогда не было, это еще не означает, что этого не может быть, – назидательно ответил монах, – но суть не в том: хотелось бы знать, ты вообще сам-то умеешь пилотировать свой корабль? Или только препираться с компьютером?

– Не зли меня, желешка. Умею, конечно, но отсюда до столичного кристалла путь неблизкий, а без навигации мы наглухо заблудимся в Бездне. Лично меня такой исход не особо устроит.

– Ты знаешь, меня, как ни странно, тоже не очень. Значит, надо добраться до берега и попытаться починить корабль. Лично мне не очень комфортно осознавать, что мы висим посреди океана в неработающем куске металла.

– Так мы тут и приземлимся, у монастыря.

– Э нет, дружище, плохая идея. Это очень специфическое место, и не стоит лишний раз злоупотреблять его гостеприимством. Вот если бы мы решили побродить ради дела по монастырю – это еще куда ни шло, и то не факт, что не было бы последствий. Но осквернять эти места ради починки корабля я не рекомендую.

– Что ж такого может случиться, если он пустует уже кучу времени?

– Всякое, – загадочно проронил Змей, – в общем, бери штурвал в свои ладошки и двигай к материку. Думаю, вряд ли промахнешься. Хотя кто тебя знает...

– Ты решил подменить Эхо в его отсутствие дурацкими шутками собственного производства? – раздраженно бросил Кевар, но в кресло пилота все же сел, нажал несколько кнопок и переключил тумблер на ручное управление.

Корабль медленно скользил в нескольких метрах над океаном, оставляя за собой след пара, поднимающегося от нагретой маршевыми и вспомогательными двигателями воды. Кевар просто развернул безднолет и летел, ориентируясь только по тому, что видел в лобовой иллюминатор. Выше подниматься он не рисковал – мало ли что приключилось

с кораблем, вдруг откажут и остальные системы, двигатели, например.

Через какое-то время (Кевару показалось, что прошло никак не меньше трех часов) вдалеке показалась белая полоса прибрежных скал. Они вырастали из воды на десятки метров сплошной стеной, и зеленые поля возвышались над уровнем моря на захватывающей дух высоте.

Особенно захватывало дух от осознания того, что придется поднимать наполовину неисправный корабль на эту высоту. И ладно бы, если бы не работал только компьютер – но и прочие агрегаты то и дело давали сбой. Несколько раз попеременно отключались двигатели, и корабль кренило то в одну, то в другую сторону.

– Ну что, рискнем, поднимемся? – неуверенно спросил Кевар, скорее у корабля, чем у молчащего уже несколько часов спутника.

– Нет, зачем рисковать, менять высоту... Ты лети прямо. А вдруг от лобового удара о стенку твоя жестянка починится, – ответил Змей.

Кевар пропустил замечание мимо ушей и начал медленно и плавно тянуть штурвал на себя. Нос корабля задирался все выше, гул двигателей становился все более надсадным.

– Я, конечно, не эксперт, но мне кажется, у нас сейчас что-нибудь отвалится, – пробормотал Змей, крепче цепляясь за поручень рядом с пассажирским креслом.

– Не должно, по идее. Судя по звуку, не работает система

охлаждения двигателей. Но мощности должно хватить, всего пара сотен метров осталась.

– Делаем ставки, господа, – монах ухватился за поручень второй рукой, – выживем мы сегодня или нет.

Они все же выжили – корабль чиркнул дном по краю скалы, с диким воем двигателей перевалился через кромку и заскользил по густой траве, вспахивая землю. Кевар спешно отключил двигатели, безднолет проехался еще несколько сотен метров по инерции и застыл, уткнувшись носом в громадный белый камень, торчащий из травы.

Как только корабль остановился, потрескивая остывающими после перегрева двигателями, Кевар вскочил с кресла и быстрым шагом дошел до грузового отсека. Отключил блок на двери, потянул рычаг и открыл ее, затем спрыгнул на землю и через траву, достающую ему до груди, обошел безднолет, пытаясь оценить повреждения. Нос был в порядке – все-таки усиленная броня выдерживала и не такие удары – разве что краска потрескалась. С двигателями все было не так радужно – даже беглого внешнего осмотра было достаточно, чтобы понять, что от перегрева они все-таки пострадали. Металл потемнел и покрылся шлаком, краска спеклась и отваливалась лохмотьями.

Солнце тем временем сползло за горный хребет, протянувшийся по правую руку, на западе, и в сгущающихся сумерках очертания застывшего без движения корабля выглядели удручающе и печально.

– Темнеет, – меланхолично бросил Змей, высовывая голову из открытого трюма.

– И как ты догадался, гений? – пробормотал Кевар, пытаясь пальцем в металлической перчатке отскрести гарь с болтов, удерживающих рефлекторную решетку правого двигателя.

– Ну, вот солнце, например, садится. Я только что тебя хорошо видел, а сейчас похуже, – невозмутимо ответил наемник, спрыгивая на землю. Трава покрыла его с головой, а потом над зелеными колосьями показался только черный шлем с красными прорезями глаз.

– Все, прекращай паясничать, сил моих больше нет это терпеть. Я хочу улететь с этой проклятой планеты как можно скорее, а для этого мне надо починить корабль. Времени займет минимум ночь. Так что ты либо помогай, либо сгинь куда-нибудь и не мешай работать.

– Спокойней, спокойней, дружище, – Змей поднял ладони в примирительном жесте, – я тебя понял – молчу, гуляю по округе, изучаю местность. Если понадобится – кричи громче, может, услышу. Но ты на всякий случай корабль не закрывай, ладно? А то мало ли с тобой что случится, а я тогда внутрь не попаду. Удачи! – с этими словами наемник практически вприпрыжку скрылся за громадным камнем, и лишь затихающие отзвуки какой-то очевидно непристойной песенки доносились издалека.

Лорд облегченно выдохнул и спрыгнул с двигателя, за бо-

ковину которого до этого держался. Общество словоохотливого монаха его утомило, так что он был рад оказаться в одиночестве, немного перевести дух и спокойно подумать. Кевар свернул костюм и сел на землю, привалившись спиной к еще теплому корпусу корабля. Трава взмывала над ним до самого неба, шелестела на легком вечернем ветерке. Сквозь густую поросль уже можно было различить далекие звезды на стремительно темнеющем небосводе, а на западе все еще догорал бледно-розовый закат.

Ситуация была и правда из ряда вон. То есть, конечно, он без труда починит и перегревшийся двигатель, и даже компьютер (для этого достаточно залезть в ядро и проверить конфигурации – наверняка там произошел программный сбой, дело поправимое). Проблема была в другом: как вообще такое могло произойти, что корабль неожиданно превратился в кусок металла, малопригодный для использования по прямому назначению? Кевар не раз слышал про оружие, позволяющее вывести из строя любую, даже самую защищенную электронику – и эта теория вполне могла объяснить случившееся. Но был один нюанс: костюмы-то не отключились, как и двигатели. Если бы выключились все системы, корабль тут же рухнул бы в море, и вряд ли сейчас Кевар имел бы возможность сидеть в поле, благоухающем разнотравьем и морем, и размышлять. Таким образом, выходило, что кто-то неизвестный каким-то непонятным образом ювелирно отключил корабельный компьютер, чтобы... Что-

бы что? Чтобы они долетели до ближайшего берега, куда смогут дотянуть на закипающих двигателях, и застряли на Фрактуре еще на несколько часов.

Так, с возможными причинами в общем-то вроде все ясно, но вот кому это надо и, что даже важнее, у кого есть доступ к таким технологиям? Инисио? Или кто? От всего происходящего с ним в последние дни у Кевара начинала уже кругом идти голова, он просто не успевал за событиями. Он не мог понять мотивы и цели существ, с которыми его сводила судьба, и таким образом становился никчемной пешкой в какой-то неизвестной ему игре. Схожие ощущения возникали у него и в детстве, когда он оказался один на один с реальным миром в интернате, и на войне, но и там, и там всегда рядом был генерал Савоне, который всегда мог поддержать, подсказать, объяснить. Сейчас же Кевар был абсолютно один, и положиться ему было ровным счетом не на кого. А действовать при этом надо было, и действовать оперативно – пока ход событий, брошенных им на самотек, не унес его куда-то настолько далеко, что он потом и не выкарабкается.

Его мысли были прерваны весьма неожиданным образом: сверху, с крыши корабля, раздалось деликатное покашливание. «Мерзкая медуза, как он вообще умудряется всегда оказываться так не к месту и не ко времени?» – поразился Кевар и задрал голову, готовясь выпалить тираду, достойную легенд. Но слова застряли в горле, так и не вырвавшись наружу. Сверху на него смотрел не взбалмошный тип в мрачно

выглядающем костюме, а совсем другое существо.

Человек. Со спутанными серебристыми волосами до плеч, густой бородой, крупным, тонким носом с горбинкой и светло-серыми глазами, блестящими из-под спадающих на лицо волос. Сложно сказать, что именно Кевар увидел в тот момент, а что вспомнил, но сомнений у него не осталось. Он вскочил и воскликнул:

– Генерал? Фаэтон, это вы?

– Это сложный вопрос, на который я затрудняюсь сейчас ответить – действительно ли это я или уже и не я вовсе. С моей точки зрения, я – это я, но с твоей все может быть иначе. В нашей жизни не может быть ничего объективного, все без исключения точки зрения субъективны... – после этих странных слов, увидев, видимо, выражение лица Кевара, собеседник хрипло рассмеялся и продолжил, – не переживай, я не сошел с ума. Просто появилось слишком много времени для мыслей, а достойных собеседников здесь как-то не очень много.

– Но что вы тут делаете?

– Да вот тебя жду, а ты как-то не спешишь.

– Меня? Но зачем?

– Вообще, много зачем, но сейчас я бы хотел, чтобы ты меня подбросил до столицы. Я тут подумал, что, раз уж ты все равно взял на себя функции извозчика, подвезти старого товарища тебе не составит труда, я ведь прав? – хитро прищурился Савоне.

– Нет, не трудно, что вы. Но я все равно не понимаю, что вы тут делаете. Я имею в виду на Фрактуре.

– А, ты про это. Да так, смотрю, изучаю, думаю. Потом обязательно тебе все расскажу – пока рано, извини, Кев. Все-му, как ты понимаешь, свое время. И ты меня, кстати, извини, за Эхо. Пришлось немного помочь тебе, чтобы ты смог меня найти. Там починить – вообще не проблема. Собственно, пожалуй, этим я и займусь. Ты там ничего не менял последнее время? Ядро там же?

– Ага. Там же. Да, – Кевар был настолько ошарашен встречей и в высшей степени странным диалогом со старым наставником, что ничего более путного сформулировать был не в состоянии.

– Что ж, отлично, я тогда займусь компьютером, а ты пока почисти двигатели. Кстати, ты бы позвал своего попутчика – через пару часов сможем уже вылетать.

Генерал подмигнул Кевару и ловко запрыгнул в грузовой люк.

Лорд на автомате заполз на покатый бок левого двигателя и механически продолжил соскребать нагар. Вспомнил о последнем наставлении Фаэтона и несколько раз громко позвал Змея. Тот появился минут через десять, все так же напевая что-то.

– Соскучился? – деловито осведомился он.

– Нет, ситуация немного изменилась – вылетаем совсем скоро. Помогите очистить второй двигатель.

– Да не вопрос. А с компьютером что?

– Его сейчас починят.

– Кто? – насторожился Змей.

– Ты его не знаешь, мой старый товарищ, оказался тут неподалеку...

– Что за бред ты несешь, парень? За те полчаса, что меня не было, ты умудрился свихнуться? Ну дела...

– Да, ситуация странноватая, не спорю. Просто он оказался тут, на Фрактуре, и как-то вывел из строя компьютер, чтобы мы приземлились сюда и забрали его с собой.

– И тебе это не показалось подозрительным. Слушай, дружище, а ты ведь реально сильно болен.

– Нет, не показалось. Этот человек – мой старый друг, бывший командир. Все в порядке.

– О да. И как зовут твоего друга?

– Привет, Змей, – раздался из глубины корабля голос генерала.

– А. Ага. Ясно. Все интересней и интересней. Ага. Привет, Фаэтон.

– Вы знакомы? – Кевару начало казаться, что он превысил на сегодня лимит удивления, и перестал пытаться хоть как-то связать события в более-менее логичную цепочку.

– Ну да, имели счастье повстречаться в свое время. Что за бредовые совпадения? – голос Змея стал жестким и в высшей мере недовольным.

– Это не совпадение, а тонкий расчет. Но вы, друзья, все

равно сейчас мало что поймете, поэтому пока не буду напрягать вас подробностями. Скоро вы оба будете в курсе дел, и тогда вопросов не останется, – спокойным голосом ответил Фаэтон, – а пока я предлагаю всем помолчать и заняться работой.

После этих слов никто больше не захотел нарушать молчание: Кевар перестал справляться с объемом поступающей информации, и решил больше не задавать никаких вопросов; Змей мрачно застыл в дальней части корабля – может, медитировал, а может, просто не хотел ни с кем говорить; и только Фаэтон был жизнерадостен и явно вполне доволен жизнью, насвистывал какую-то веселую мелодию.

Когда они закончили ремонт корабля, и непривычно молчаливый Эхо проложил курс до столицы, а Фрактура стремительно исчезла за кормой, генерал – единственный из троих пассажиров – решил отдохнуть в криокамере и настоятельно попросил его не беспокоить до прилета в столицу.

Корабль летел через Бездну, и на борту царила полнейшая тишина.

Глава 6

Советник

Заседание Палаты Верховных Лордов проходило, как и следовало ожидать, в крайне напряженной атмосфере. Министры, обычно перед началом собрания шумно обсуждающие последние новости и сплетни, в этот раз сидели за овальным столом в мрачной тишине. Не было ни ослепительных белозубых улыбок, ни разговоров о новых баснословных покупках и молодых любовницах.

Даже погода за витражными окнами соответствовала всеобщему настроению – впервые за несколько лет под защитным куполом столицы собрались тяжелые свинцовые тучи, и зарядил непрекращающийся уже несколько часов ливень, время от времени сверкали молнии. Конечно, это не было случайностью – просто Советник послал срочное сообщение в департамент погоды с требованием активировать осенний сезон, чтобы лишний раз не раздражать ярким летним солнцем Его Величество.

Советник занял привычное место справа и чуть позади королевского кресла и наблюдал теперь за лордами, почти незаметный в тени величественного трона. Это было символично: он всегда старался оставаться позади, почти раство-

рясь в тених и полутонах, действовать окольными путями и чужими руками. Эта тактика давала отличные результаты, хотя и требовала немалых усилий и аккуратности. Одна маленькая ошибка могла стоить жизни, но вот уже несколько лет он держался на своей должности и только укреплял позиции.

Мрачные и нервные министры, представители самых влиятельных родов Королевства, уже больше часа ждали председателя правительства, Круела Унгурабута. Король задерживался сильно даже по его меркам, но никто не смел произнести ни слова возмущения – Великого Пророка и в обычное-то время боялись, а уж теперь и подавно.

Наконец, двери зала распахнулись, и тяжелой походкой, мрачно глядя под ноги, к своему месту во главе стола прошёл король. Медленно сел на трон и молча уставился на испуганно переглядывающихся министров.

По правилам этикета, во время подобных собраний все маски должны были быть свернуты, и лорды чувствовали себя некомфортно под изучающим и проницательным взглядом короля.

– И что молчим, господа? – заговорил Унгурабут, – кто-то сможет нам прокомментировать происходящее? Давай, Элсен, расскажи-ка нам для начала, что у нас с деньгами, и кого вы нашли на место казначея Вар-Дена?

– Ваше Величество, – голос министра экономики лорда Элсена Эмаса дрожал и сбивался, что абсолютно не сочета-

лось с его благородными сединами и не менее благородными тремя подбородками, – если вкратце, то все очень плохо.

– Вкратце мы и так знаем, конкретней.

– Ну, во-первых, никто из моего ведомства не хочет рисковать жизнью и принимать должность казначея, поэтому пока функции Вар-Дена выполняю я. Во-вторых, военные действия на дальних рубежах теперь стоят нам в месяц в три раза больше, чем все операции по зачистке за прошлый год вместе взятые. Тут уже, наверное, лорд Кафраш расскажет лучше меня...

– С Кафрашем мы пообщаемся позже, к министерству обороны у нас вопросов не меньше, чем к тебе. Твои предложения по стабилизации обстановки, Элсен? Вариант «отозвать все войска» нас не интересует – нам нужно отбить Вольную Империю как можно дальше от наших заселенных границ, вы все это прекрасно знаете.

– Ваше Величество, тогда единственный вариант все такой же, как и раньше: снова сократить траты на содержание городов и провинций и повысить налоги с населения и мелких предпринимателей. Но Вы сами помните, что началось после наших аналогичных действий три месяца назад.

– Ничего страшного, направим пару отрядов и утихомирим недовольных. Это не проблема. Значит, так и сделаешь: к завтрашнему утру подготовь все необходимые документы. И не забудь, что столицу мы не трогаем, – Король перевел взгляд на министра обороны, молодого подтянутого муж-

чину пятидесяти лет, одетого в синий генеральский космостюм,— Кафраш, теперь ты. К тебе у нас два вопроса: когда вы уже разобьете основные силы Империи в пятом квадранте, и что вы успели выяснить про Фрактуру.

— Ваше Величество, я выслал Вам подробнейший доклад...

— Ты думаешь, мы будем тратить наше время на твою писанину? Советник вот вроде читает весь этот бред, а нам это не интересно.

— Мой господин, военные действия в пятом квадранте будут закончены предположительно через три столичных месяца, в данный момент мы тесним имперцев по всем фронтам. По поводу второго вопроса все несколько сложнее. Детальный анализ докладов двоих выживших в зачистке офицеров показывает странное: отчет генерала Савоне однозначно содержит ложь. При этом отчет лейтенанта Аргомантиса абсолютно правдив. Записи допросов проверены всеми возможными детекторами: оба офицера говорят в точности одно и то же, но при этом Савоне врет, а Аргомантис — говорит правду. Мы пока не можем разобраться с этим.

— Савоне все еще не нашли? Ясно. Тогда возьмите под арест Аргомантиса и разберитесь с этим вопросом. Надеюсь, наш глубокоуважаемый и сильно уставший Рор не сильно обидится, что вы пообщаетесь с его сыном.

Советник надеялся, что отсутствие Рора Аргомантиса не будет комментироваться на заседании, но напрасно. Король

был крайне недоволен тем, что самый опытный и полезный член правительства спешно взял отпуск и улетел в свою резиденцию в тяжелейшее для страны время – ладно, с изнеженными и праздными денежными мешками и так все было понятно, но Аргомантис-старший был человеком другого толка, и такого поведения от него не ожидал никто.

– Ваше Величество, как я понимаю, речь сейчас идет о Кеваре Аргомантисе. Если так, то сейчас он не в столице, – тихо проговорил Онест Плисмон, бессменный комиссар полиции столицы. На заседаниях Правительства он всегда был белой вороной: единственный (не считая Советника) не благородного происхождения, не министр и не лицемер. Насколько знал Советник, Онест был одним из немногих людей в руководстве страны, кто честно заслужил свое кресло, пройдя весь путь от постового до комиссара. Возможность принимать участие в заседаниях ему дали неохотно, но выбора не оставалось: слишком много важнейших вопросов было завязано на него.

– Он проходит по твоему ведомству?

– Не совсем, Ваше Величество. Он оказывает помощь в расследовании дела Кровавого Фанатика, и сейчас, насколько я знаю, покинул город.

– Ты хочешь сказать, что вы допустили к расследованию человека, лично заинтересованного в деле? И при этом отставного офицера, совсем недавно скомпрометировавшего себя? Вы там что, вообще с мозгами не дружите?

– Ваше Величество, я не был в курсе связи Аргомантиса с освещенной ранее ситуацией с Савоне и Фрактурой, однако мой лучший детектив отзывался о лорде Аргомантисе-младшем крайне положительно, и я не видел никаких препятствий к его привлечению к делу. К слову, возможно, было бы неплохо получше наладить информирование всех подразделений, в том числе и полиции, о текущих делах...

– Это уже не твоего ума дела, Онест. Раз уж сам заговорил об этой твари, Фанатике. Что с расследованием? Когда вы принесете нам его или ее, неважно, голову? Это, кстати, не оборот речи: мы действительно хотим подержать в руках его голову.

– Расследование движется, хотя и затруднено постоянными мелкими стычками с революционерами: сил и личного состава нам не хватает категорически, как и финансирования...

– Фанатик.

– Да, мой господин. Преступница определенно сейчас находится в городе: все корабли, покидающие столицу, проверяются и сканируются, сверяются с полученным от генерала Кам-До фотороботом. Кроме того, мы подозреваем, что она может скрываться в Нижнем городе, но у нас не хватает людей, чтобы начать прочесывание лабиринтов.

– Понятно. Даем вам месяц на поимку ублюдка. Если не уложите – будут жесткие меры. Так, господа, по всем остальным вопросам с вами пообщается Советник, а сейчас

он зачитает вам наш последний приказ, который коснется вас всех.

Советник сделал маленький шаг вперед, выступив из тени, достал планшет и без вступлений начал читать:

– Приказ Его Королевского Величества, Великого Пророка Круела Унгурабута номер девятьсот девяносто восемь, от пятнадцатого месяца три тысячи двести пятидесятого года от планетарного исхода. О применении особых способностей во время чрезвычайного положения в стране, – по залу пробежал тихий ропот, но Советник, не обращая внимания на удивленный шепот министров, продолжил, – с этого момента любой гражданин, посвященный в пакт об особых способностях и прошедший курс обучения (список граждан прилагается), получает разрешение на применение знаний и умений в целях самозащиты. В ситуациях, грозящих такому гражданину смертельной опасностью (список подобных ситуаций прилагается), допускается применение особых способностей всех уровней и классов. Однако, согласно пакту, применение способностей в присутствии лиц, не посвященных в существование способностей, является уголовно наказуемым и карается смертной казнью.

– Вот так, господа, – довольным голосом сказал Унгурабут, – теперь вы все можете, так сказать, колдовать, в случае, если за вами придет Фанатик. Те из вас, кто захочет получить именно разрешение, смогут в течение недели прийти к Советнику, и мы снимем все программы-ограничители. Но, мы

еще раз напомним, если информация о существовании способностей окажется обнародованной, кара будет страшна.

– Ваше Величество, а к каким именно способностям будет дан доступ? – осторожно подал голос Кафраш.

– Ко всем. И помните нашу доброту.

Кевар

Кевар уже привык к тому, что последнее время с ним творится что-то невероятное и абсурдное. Поэтому когда по всему кораблю замигали оранжевые огни боевой тревоги, он даже бровью не повел. Неторопливо подошел к навигационному компьютеру и лениво посмотрел в монитор. Кроме многочисленных скоплений кристаллов вокруг, радар показывал маленькую красную точку, обозначенную как «враг».

– Эхо, доложи обстановку, – спокойно попросил Кевар.

– Прямо по курсу боевой безднолет. Его траектория пересекает нашу, и в точке пересечения мы окажемся одновременно. Предполагаю, что это пираты, – Эхо еще не до конца отошел от перезагрузки и потому, вероятно, был немногословен.

– Ты уверен, что именно пираты, а не военное судно Королевства?

– Ну, ты сам посмотри.

На большом центральном дисплее появилось немного искаженное расстоянием, но вполне читаемое изображение. Дредноут, длиной не меньше тысячи метров, покрытый крупными кинетическими бронелистами, находящимися в постоянном движении. Окрашен в матовый черный цвет, с белыми светящимися полосами, за которыми, насколько было известно Кевару, скрывались крупнокалиберные энерге-

тические пушки. На корабли этого класса никогда не ставили маленькие орудия – только такие, одного выстрела которых было достаточно, чтобы уничтожить пару-тройку безднелетов вроде «Эхо». Форма корабля была стремительной, вытянутой и агрессивной. По мере сближения Кевар смог различить на немного выступающей над корпусом рубке символ, который развеял последние сомнения в принадлежности безднелета к пиратской братии. Ворон, расправивший крылья, светящийся белым светом – знак вольных искателей приключений и добычи, самых непредсказуемых, неуловимых и загадочных представителей пиратской профессии. Этим вороном в Королевстве с детства пугали каждого непоседливого ребенка: «Прилетит Хмурый Лэйстэс и отберет твои игрушки, если будешь плохо себя вести».

– Я даже знаю, что это за корабль, – Змей стоял за спиной Кевара, разглядывая через лобовой иллюминатор неумолимо приближающийся дреднот. Поза монаха говорила о полном спокойствии и безмятежности, и это встревожило лорда.

– Откуда знаешь?

– Приходилось сталкиваться в свое время, – с уже привычной загадочностью ответил Змей, – это же знаменитый «Ронк», корабль адмирала Кали Самудри-даку – посмотри на ворона. Только на «Ронке» он с расправленными крыльями, да еще и светится. В общем, главное, что тебе надо о них знать – это что они первые два выстрела делают из оглушающей пушки. Вырубает электронику, грабят и иногда даже

отпускают. Вот если начнешь трепыхаться, отстреливаться, пытаться вообразить себя бабочкой и упорхнуть от них – вот тогда они тебя точно зажарят.

– То есть ты предлагаешь нам просто сдаться на их милость и понадеяться, что из нас не сделают чучела для украшения интерьера? – тут Кевар вспомнил короткий рассказ Эхо о биографии Змея: там точно фигурировало слово «пират», – и вообще, а ведь это же ты их и вызвал на наши головы, сволочь!

– Ну да, а зачем вы им еще могли понадобиться? Да ты не переживай, капитан Кали обещал вас особо не трогать. Правда, он не всегда держит обещания... Но я его хорошо попросил, а он мой должник. Так что расслабься, дружище, и не бойся. Страшные пираты тебя и пальцем не тронут. Скорее всего, – Змей хохотнул и уселся в пассажирское кресло.

– Ну, как скажешь. Кто я такой, чтобы спорить с таким профессионалом в этом деле, – Кевар старательно изобразил покорность, пожал плечами, смущенно улыбнулся: мол, ну, что делать, со всеми бывает.

В следующий момент он выскочил из кресла и, вкладывая в удар всю свою силу и импульс прыжка, ударил наемника по темени. Гвидоний столкнулся с гвидонием, раздался оглушительный грохот, и Кевара откинуло на пару метров назад. Металл не повредился, но костюм Змея от встряски, видимо, начал принудительную перезагрузку систем: визоры замигали, роботизированные суставы прижали руки костюма

к туловищу. Аргомантис не сразу пришел в себя, но, тем не менее, успел воспользоваться моментом и, оттащив Змея в трюм, запихнул его в бронированный сейф для боеприпасов. Захлопнул крышку, активизировал кодовый замок и, пошатываясь, вернулся в рубку.

«Ронк» был уже совсем близко, но у Кевара созрел отчаянный план. Он вспомнил свой, хоть и небольшой, опыт в роли боевого пилота-истребителя и один прием, который всегда срабатывал. Нужно дать противнику, превосходящему в боевой мощи, почувствовать вкус победы. Достоверно изобразить покорность. А потом, когда враг расслабится и уверится в своей победе, нужно начать действовать.

Кевар тянул на малом ходу, пристально вглядываясь в огромную тушу мрачного пиратского линкора, которая уже закрывала весь лобовой иллюминатор. Передатчик внешней связи заиграл любимую мелодию лорда, оповещая о входящем видеозвонке. Аргомантис собрался с мыслями, смастерил на маске суровое выражение и ответил:

– Я вас слушаю, капитан Самудри-даку.

На экране появилось изображение. Черная маска с ярко-белыми визорами. Маска была такого же типа, как и у Кевара, повторяла черты лица владельца и отображала эмоции. Необычно смотрелась металлическая борода, сплетенная в причудливые косы, особенно когда она шевелилась, будто жестикулируя в такт словам. Лицо капитана (а Кевар ни секунды не сомневался, что это был именно легендарный

капитан Кали) было, насколько можно было судить по маске, приятным и даже интеллигентным, но выражение на нем застыло суровое и жесткое. Однако больше всего лорда поразило не лицо собеседника, а задний план: за спиной Самудри-даку был виден, судя по всему, капитанский мостик, и более мрачного помещения Кевар в жизни не видел. Все поверхности были окрашены частично облупившейся черной краской; на стенах горело несколько тусклых бордовых фонарей, отовсюду торчали какие-то трубы и штыри. Аргмантис, увидев все это великолепие, однозначно решил для себя, что, пожалуй, сдаваться в плен людям, живущим в таком интерьере – это верх безумия.

– Приветствую вас, лорд Кевар Аргмантис из древнего и уважаемого рода Аргмантисов Варских, – ответил пират тихим размеренным голосом, абсолютно не подходящим ни суровому образу пирата, ни витиеватым словам, – я вынужден сообщить вам пренеприятнейшее известие: сейчас мы начнем вас немножко грабить. Клянусь своей бородой, что мы возьмем самую ничтожную малость. Однако у вас на борту находится пленник по имени Змей, и я бы очень хотел забрать его с собой. А поскольку мы пока еще планируем вас отпустить, нам необходимо вас все-таки ограбить, уж примите мои нижайшие извинения – имидж превыше всего. Ведь если мы будем отпускать каждого, кого встретим, неограбленным, то какие же мы тогда будем пираты, верно? Предлагаю вам простой и безболезненный обмен: вы передаете нам

Змея, а вместе с ним – ваш личный космокостюм, уж больно он мне понравился. После этого я вас отпускаю. Примете предложение – отделаетесь малой кровью. Иначе же мы вас будем очень долго наказывать... Но потом, правда, все равно отпустим, наверное.

– Это отличная сделка, капитан. Как будем осуществлять ограбление?

– Правильный подход, лорд! – обрадовался пират, – сейчас я вам всё подробно расскажу, чтобы не возникло никаких заминок и вопросов. Смотрите: сейчас мы подойдем к вам еще чуть ближе, примагнитим абордажными кошками и перекинем абордажного ворона – это такой пиратский шлюз. По нему мы заглянем к вам в гости, пообщаемся, заберем все, что нужно, и уйдем. Вот и все, просто и аккуратно. Если еще есть какие-то вопросы, то задавайте их сейчас – потом будет уже не до того.

– Да уже не до того, – ответил Кевар, активируя оба маршевых двигателя на полную мощность. Связь с капитаном он отключил.

Теперь все зависело только от него самого и его умения пилотировать корабль. Лорд пожалел, что не успел вывести из криосна генерала – сейчас опыт Савоне оказался бы очень кстати. Но отвлекаться от управления было слишком рискованно, и Кевар взял на себя и функции второго пилота.

На максимальной скорости крошечный кораблик летел прямо на «Ронка», будто собираясь его протаранить. В по-

следний момент Кевар резко потянул штурвал на себя, и «Эхо» взмыл свечкой вдоль гигантскихдвигающихся пластин пиратского дредноута. Пока беглецы были в относительной безопасности, но вот когда они начнут удаляться от линкора, мощные пушки пиратов станут реальной угрозой. Кевар выкрутил рычаги управления, и корабль, сделав широкую петлю, устремился прочь от «Ронка». Хвостовая камера транслировала изображение на один из экранов. Черная махина безднолета лениво поворачивалась в направлении, в котором удалялся «Эхо», однако корсары с погоней не спешили.

Носовая энергопушка выполнила первый, пристрелочный, залп. Сгусток пронесся чуть правее «Эхо». У них отличный наводчик, подумал Кевар, и принялся закладывать сложные виражи, пытаясь сбить прицел. То резко включал рулевые двигатели, подбрасывая корабль на сотни метров вверх, то уходил вбок и нырял вниз. «Ронк» продолжал неторопливо расцветчивать серые полупрозрачные клубы Бездны и маленький кораблик огромными вспышками энергетических сгустков. Складывалось впечатление, будто неизвестный стрелок просто играет со своей жертвой.

Так оно, по-видимому, и было. Несмотря на все уловки Кевара, шестой выстрел энергопушки все-таки достиг своей цели. За секунду до удара лорд увидел на экране приближающийся комок энергии, светящийся нестерпимо ярким зеленым пламенем. «Оглушающие» – успел подумать Кевар,

прежде чем инерцией от резкого торможения его вышвырнуло из кресла и впечатало в лобовой иллюминатор. Все основные системы «Эхо», кроме подачи кислорода и криокамеры, вновь отключились.

«Не везет тебе в последнее время, Эх», – прохрипел Кевар, пытаясь подняться и выбраться из придавившего его центрального монитора, который он сбил при падении.

Не успел лорд оправиться от удара и хоть как-то подготовиться к встрече с пиратами, как в проходе между переборками появился темный силуэт.

– Парнишка, ну ты действительно проверился бы у психиатра – у тебя же совсем с головой беда. Я ж тебе четко и ясно сказал: не рыпайся и все будет отлично. А теперь что? Теперь молись всем богам Бездны, чтобы у капитана Кали оказалось хорошее настроение, иначе он тебя лично четвертует и сделает еще много чего, что тебе не очень понравится. Хотя кто тебя знает... – Змей, как ни странно, продолжал пребывать в хорошем настроении и будто бы даже забыл о том, как Кевар с ним только что обошелся, – с другой стороны, если ты ищешь способ как-нибудь заткнуть своего горлового помощника, то постоянно отрубать для этого все системы корабля вовсе необязательно. Можно просто покопаться в настройках.

Кевар не стал ничего отвечать – а что тут скажешь? Он уже понял, что совершил невероятную глупость, попытавшись удрать от пиратов – надо было просто довериться судьбе и

будь что будет, благо за последнее время у него это уже начало входить в привычку. А теперь шансы на спасение значительно уменьшились.

Потом ему пришло в голову, что начал совершать глупые поступки он еще раньше – например, когда с какой-то стати решил полететь в этот дурацкий храм. Или, возможно, еще раньше – кто его знает.

Тем временем лобовой иллюминатор вновь заслонила огромная туша «Ронка». С глухим металлическим стуком к «Эхо» примагнитились абордажные тросы, по ним от дредноута поползли несколько шустрых теней, и в то же время из пиратского корабля вылез телескопический шлюз-канал и, быстро разложившись, присоединился к корме маленького безднолета. Теперь уже деваться было некуда. Кевар встал и, пошатываясь, пошел открывать грузовой люк – еще не хватало, чтобы они разбомбили полкорабля, чтобы войти.

Люк открылся, и за ним показался полупрозрачный коридор, ведущий на пиратский корабль. Шлюз был пуст. Фигуры, двигавшиеся по абордажным тросам к «Эхо», теперь застыли на его крыше. Видимо, на тот случай, если Кевар опять решит выкинуть какую-то глупость. Он же решил на этот раз попытаться поступить по уму и медленно пошел по слегка качающемуся коридору в сторону мрачной неизвестности. Одна из фигур снаружи следовала за ним по крыше шлюза.

Шлюз привел Кевара в пустой трюм, огромный и мрач-

ный. В просторном помещении царил идеальный порядок. Военные космобайки и несколько истребителей, по всей вероятности, трофейных, расположились вдоль стен. В дальнем конце трюма были составлены многочисленные контейнеры – наверное, добыча, подумал Кевар. Все было закреплено в специальных пазах, аккуратно и симметрично. Атмосфера давила: черные стены и тусклые красные фонари, крюки непонятного назначения вдоль стен. Кевар поежился: интуиция подсказывала, что ничего хорошего его тут не ждет.

– Да не переживай ты так, парень. На самом деле эти ребята очень даже приятная и веселая семейка искателей приключений, хотя атмосферу напускают будь здоров, – Змей тоже перебрался на «Ронка» и все также продолжал веселиться.

– Это заметно. Вон как у них на корабле весело и приятно – сразу становится ясно, что здесь живут душевные люди, – от безысходности Кевар, кажется, заразился язвительностью от окружающих его существ.

– Ты это зря, на самом деле. Да что я тебе говорю: сейчас сам увидишь.

Ворота в дальней части ангара со зловещим шипением открылись, и в проеме появилась необычная парочка: капитан Кали Самудри-даку, рослый, широкоплечий и суровый, а с ним крошечное существо, ростом едва ли до колена спутника. Присмотревшись внимательней, Кевар признал в крохе представителя одной из самых странных рас Королевства:

феньков-добытчиков.

Разумные малютки-лисы с огромными ушами, прямоходящие, необычайно обаятельные и крайне хитрые существа. Будь у нечеловеческих рас возможность участвовать в большой политике, феньки непременно смогли бы добиться огромных успехов, благодаря любопытному сочетанию невероятного обаяния и мощной деловой хватки. Эти милейшие с виду существа могли быть крайне жестокими, и на пути к выгоде их не останавливали никакие преграды. За те несколько сотен лет, что эта раса входила в состав Королевства (а включена она была насильно, как и большинство других народов), количество феньков значительно сократилось. Вероятно, потому что они привыкли жить крупными семьями, и во времена гонений против существ нечеловеческого происхождения группам гвардейских карателей было намного проще уничтожить сразу большое количество феньков. Так или иначе, а встретить в современном Королевстве фенька было необычайно сложно, оттого Кевар и был крайне удивлен, увидев на пиратском корабле представителя такой редкой расы.

– Капитан Кали! – радостно воскликнул Змей, направляясь к забавно смотрящейся парочке, – Бездна тебя дери, ты, кажется, еще подрост!

Кевар помотал головой. Куда уж капитану еще расти – в нем и так было как минимум два метра роста, что вкупе с широкими плечами и мрачным костюмом производило

неизгладимое впечатление.

– Таки приходится вертеться, чтобы выжить в этом жестоком и опасном мире, дорогой мой друг, – последовал ответ. Говорил вовсе не суровый обладатель зловещего костюма, а его спутник, карлик-лис. У него был спокойный, негромкий и будто убаюкивающий голос с небольшой хрипотцой и картавостью, – и, к величайшему моему огорчению, мы все чаще встречаемся с такими вот, – кивок маленькой головы, от которого закачались громадные уши, в сторону Кевара, – умниками. Таки, никакого уважения уже нет в обществе к жестоким и ужасным пиратам с легендарного «Ронка»!

Собеседники хохотнули, Змей наклонился, чтобы пожать руку феньку.

– Я не понял: капитан Самудри-даку – это вы? – в недоумении спросил Кевар. От удивления он даже забыл о хороших манерах и правилах приличия.

– Мальчик, а ты таки думал, что этот верзила? – с издевкой ответила кроха, – слышишь, Абдула? Этот молодой господин тебя только что повысил в звании! Давай-ка представимся нормально: капитан Кали Самдри-даку – к твоим услугам!

– Кевар Аргомантис. К вашим.

– Вот и славненько. Змей, а что мы таки будем делать с нашим юным пилотом-асом? Ты же знаешь, мы обычно таких беглецов в живых не оставляем.

– Кали, дружище, прости ты его. Он не со зла, ручаюсь –

просто еще никогда с пиратами не сталкивался. Кевар – хороший парень, вытащил меня из “Рая”, и не поладил с Инисио, кстати.

– Вот оно как. Ладно, на первый раз прощу таки, так уж и быть. Особенно раз с твоей монашкой не подружился – это дорогого стоит. И знаете что... Даже ничего не заберу в качестве трофея. Я сегодня щедр, как никогда. Радуйся, мальчик. Что ж, раз у нас все так мирно складывается, то что нам в предбаннике стоять – милости прошу на борт «Ронка». Специально для тебя, Кевар: никому и никогда не рассказывай о том, что увидишь. Иначе – кирдык, – фенек провел острым когтем по шее, а потом сделал приглашающий жест.

То, что Кевар увидел внутри «Ронка», превзошло все его ожидания. Он не был удивлен, не был шокирован. Просто его представление о мире немного поменялось в тот день. То, что он раньше воспринимал как данность, те знания, которые в него вкладывались с детства, пожалуй, впервые на проверку оказались абсолютно ложными. Все, что он знал о пиратах – это что они бесчестные, жестокие, жадные и грубые люди, находящиеся за гранью закона и преследуемые военными силами Королевства по всей Бездне и во всех кристаллах миров. Пираты, как всегда рассказывали детям – это сброд, обитающий на боевых кораблях в ужасных условиях, и живущий только жаждой наживы. Кроме того, в народе ходили легенды о пиратских пытках, подлости и даже канни-

бализме.

И все эти знания, никогда не подвергавшиеся даже малейшему сомнению, в одночасье оказались неправдой, причем неправдой в высшей мере.

«Ронк» внутри оказался самым необычным кораблем из всех, что Кевар когда-либо видел. Коридоры были широкими и светлыми, стены и полы покрыты деревом различных сортов, потолки обиты тканями преимущественно пастельных тонов. Повсюду были лестницы: узкие, широкие, винтовые, веревочные. На стенах висели картины и гобелены тончайшей работы, а по громкой связи раздавались невесомые скрипичные мелодии.

При всей этой легкости и воздушности обстановки не было ни малейшего ощущения стерильности и неестественности. Дополнительный, скрытый от глаз, но явно ощутимый слой атмосферы создавали мелкие детали: где-то лежала горка разноцветных подушек, где-то вместо обычного желтого фонаря в воздухе кружились разноцветные огоньки, или неожиданно можно было попасть на просторную палубу-атриум с панорамным потолком, освещенную только светом звезд.

Всюду встречались спешащие куда-то или прогуливающиеся неторопливым шагом члены команды. В основном это были крохи-феньки, но были и люди, и представители других рас. Все почтительно, но с достоинством кланялись процессии с капитаном во главе, а те, кто был в головном уборе,

приподнимали в знак приветствия шляпу.

Капитан Самудри-даку провел гостей через сеть коридоров и центральный атриум в корабельную библиотеку, впечатляющий своими габаритами зал, до отказа забитый книгами. Живыми, бумажными книгами – если сейчас продать такое собрание, то можно было стать чуть ли не самым богатым человеком во всем Королевстве. Странно, что пираты хранили на своем корабле несметное сокровище, не реализуя его в валюту.

В центре зала, между высокими полками обнаружилась небольшая «площадь» с круглым столом и несколькими мягкими креслами.

– Господа, таки рад видеть вас в моем скромном кабинете. Книги, знаете, дают ведь не только знания, но и радость просто находиться рядом, дарят вдохновение и ясность мысли одним лишь своим запахом и видом. Присаживайтесь. Сейчас нам принесут небольшой обед. Устали, небось, с дороги. А пока предлагаю начать. Змей, дорогой мой друг, расскажи-ка мне, как тебя затащило в это великолепное приключение.

Монах вкратце, но в красках рассказал историю освобождения из «Рая», вскользь упомянул Фрактуру, но без подробностей. Фенек помолчал, задумчиво поглаживая белую бородку, потом спросил:

– Я только не очень понял, зачем тебе понадобился я. Судя по всему, мальчик, – капитан кивнул на Кевара, – зла тебе

не желал, и проявил себя как отважный и честный человек.

– Так-то оно так, парень молодец. Но в столицу мне нельзя, да и вообще мне некуда податься. Куда бы я ни отправился, Инисио меня найдет – ты сам это прекрасно знаешь. А в столице мне вообще крышка, у нее там теперь не только ручная крыса при королевском дворце, но и небезызвестная тебе Омбро Кашита.

– Эта больная женщина таки в столице? Странно, я это упустил. Слишком долгий выдался у нас в этот раз рейд...

– Да, эта психопатка в столице, и она начала уже убивать людей. Расправилась с братом Кевара – извини, дружище – с главным королевским казначеем, и даже, представляешь, убила королеву-мать.

Капитан присвистнул и вновь задумался.

– Кевар, прими мои соболезнования, – обратился он, наконец, к лорду, потом вновь повернулся к Змею, – да, дело серьезное. Видимо, твоя хозяйка начала активные действия, а значит, в столице сейчас никому не будет безопасно. Останешься у нас?

– Она мне не хозяйка, – неожиданно злым голосом ответил монах, – а по поводу остаться... Если ты позволишь – я буду счастлив.

– Отчего бы не позволить? Позволю. У меня как раз недавно освободилась должность первого помощника первого помощника первого помощника капитана, устроит?

– Устроит, Кали. Спасибо тебе.

– Потом отблагодаришь, теперь-то мы таки квиты. Так. Теперь ты, молодой человек. Что будешь делать?

– Вернусь в столицу. Я должен найти убийцу моего брата, эту вашу Омбро Кашиту. Теперь можно сказать, что слетал я не зря: хотя бы выяснил, как ее зовут и как она выглядит. Если все сложится удачно, то вместе с полицейскими или военными вернусь на Фрактуру и попытаюсь разведать побольше о храме, Инисио и их плане.

– Хм... Неплохой план. Не думаю, правда, что тебе удастся сделать все так, как ты планируешь, но попробовать таки стоит. А, вот и еда, – в кабинет по коридору между стеллажами трое молодых феньков внесли подносы с кружащей голову своими ароматами пищей: цыпленок с фенхелем, жареная форель с травами, тушеные мидии и какой-то странный сосуд с дымчатым содержимым, вероятно, для Змея – у нас лучшие поставщики продуктов во многих провинциях Королевства, поэтому мы можем позволить себе питаться не суррогатной отравой, а качественной и полезной едой – не хуже, чем в самых дорогих ресторанах столицы. Кстати, Кевар. Я этот вопрос задаю всем приятным мне людям при первом знакомстве. Мне было бы интересно узнать твое мнение о внутренней политике нашего правительства: как тебе последние законы, сложившийся уклад жизни? Проекты твоего отца мы уж обсуждать таки не будем, из уважения, так сказать.

– Политика? Я ей, если честно, не очень интересуюсь, да

и мне сложно судить: я все-таки рос в одной из богатейших семей страны, а потом кучу лет провел на войне. Могу только сказать, что король со свитой истощают страну всеми возможными способами – от бесконечной войны и непрекращающихся зачисток планет до непомерно завышенного содержания столицы. И, конечно, политика относительно нечеловеческих рас – это варварство. Но, с другой стороны, разве есть у нас какая-то альтернатива? Это я, к примеру, про революционеров. Можно сколько угодно обвинять действующую власть, но если не предлагать чего-то разумного взамен – то никакого смысла в этом нет.

– Надо же! – капитан Самудри-даку тихо заплодировал, – такой молодой, а так мудро мыслишь. Молодец, мальчик! Полностью согласен. Я вообще придерживаюсь такого мнения: любая власть суть зло, но и безвластие – таки не меньшее зло. Поэтому вариантов у народа немного, выбирать приходится из, уж извините за грубость, двух сортов говна. Хотя нынче и выбора-то как такового нет, так, одна иллюзия. Вот поэтому-то мы, вольные искатели приключений, и живем вне общества и государства. У нас есть хоть какая-то свобода, хотя бы ее максимально качественная иллюзия. Но нам, мне кажется, живется намного веселее и легче, чем какому-нибудь аристократу в столице и уж, тем более чем крестьянину на дальних рубежах или старателю на астероидных каменоломнях. Так что, мальчик, если ты когда-нибудь решишь сменить поганую жизнь обывателя на что-то более ин-

тересное и полезное – то свяжись со старым капитаном Калли. Для тебя мы, пожалуй, сможем найти место на «Ронке». Только таки не пилотом, а то недолго нам останется летать.

– Спасибо, капитан Самудри-даку, – с искренней благодарностью ответил Кевар.

– Вот и славненько... Так, господа хорошие. Все поели? – Кевар, с жадностью набросившийся на яства, активно закивал, – Отлично, тогда предлагаю на дорожку выкурить немного кристальной пыли, никто таки не возражает? Ах, Змей, дружище, постоянно забываю об особенностях твоего организма, прости, желешка ты наша, – капитан достал инкрустированный камнями кисет, набил трубочку и протянул коробочку Кевару, – лучший в Королевстве, прошу заметить. Тебя, кстати, никогда не смущала мысль о том, что, раз кристальная пыль делается из остатков разрушенных кристаллов миров, то там в каком-то, пусть и ничтожно малом, количестве присутствуют частицы населявших эти миры живых существ? А мы их, получается, скуриваем...

– Ну нас же не особенно смущает, что границы кристаллов, создающие форму миров, состоят из энергетических остатков все тех же живых существ, – ответил Змей, – летаем себе сквозь эти скопления душ и в ус не дуем.

– Кстати, да. Почему-то никогда об этом не думал. Вроде это так очевидно, что и не стоит этим заморачивать голову. Кстати, господа, а вы не задумывались, что тогда происходит с остаточной энергией существ, умерших в Бездне? – про-

говорил Кевар, набивая себе трубочку. Легкое вино, поданное к столу, оказалось не таким уж и легким: лорд ощущал, как теплая волна накатывает на него, а в таком состоянии он всегда был не прочь поговорить на философские темы.

– Надо будет при случае спросить у вашей общей знакомой Инисио. У нее на эту тему вроде была своя теория, связанная как-то с Планетарным Исходом, – уже слегка заплетаящимся языком ответил фенек и закрыл глаза.

Собеседники покивали, а потом расслабились, и каждый ушел в свою собственную нирвану.

Глава 7

Кевар

Когда Кевар еще только подлетал к столице, на хвост ему сели два армейских истребителя. Это показалось ему подозрительным, но на связь пилоты не вышли и в полном молчании сопровождали Эхо до самого аэропорта, после чего также внезапно растворились среди снующих туда-сюда космолетов. Странный эскорт вызвал у Кевара нехорошие предчувствия, которые были незамедлительно подтверждены появлением в ангаре Аргомантисов огромной толпы вооруженных штурмовиков в темно-зеленых бронекостюмах с мерцающими зеленым же неоном глазными прорезьями.

– Кев, ты уж меня извини, но мне сейчас не до разговоров с военными – у меня неотложные дела. Не думаю, что они тебя будут долго мурыжить – зададут пару вопросов и отпустят. Ты, главное, запомни: ты меня не видел, где я – не знаешь. Тем более это будет почти правда. Удачи, малыш, скоро я с тобой свяжусь, – Фэтон исчез, активировав на костюме режим хамелеона.

– Я вот тебе говорил, что на желеобразного нельзя положиться! Свалил со своими пиратами – и был таков. Но от генерала я такого не ожидал, – возмущенно рявкнул Эхо, –

а это что за ажиотаж снаружи, ты не подсказешь?

– Не знаю, но сейчас, думаю, выясним, – не менее напряженным голосом ответил Кевар и спустился на бетон ангара. За собой он услышал слабый шорох – это, вероятно, выскользнул на бетон ангара Фаэтон.

К Кевару тут же подскочило не меньше десятка солдат, они без лишних разговоров скрутили ему руки и надели на шею электрический ошейник, который тут же отключил все системы костюма, кроме дыхательной. Теперь Кевар не мог ни пошевелиться, ни хотя бы увидеть или услышать, что происходит вокруг. Паника от клаустрофобии разыгрывалась все сильнее с каждой секундой его нахождения в заточении собственного костюма – дыхание участилось, холодный пот побежал по спине. Страшные мысли проносились в голове с огромной скоростью: он никогда не выберется отсюда, так и останется в этой узкой темной клетке до самого конца дней... Сознание погасло, подарив освобождение от всепоглощающей паники.

Лорд очнулся также резко, как и отключился. Сквозь глазные прорезы просачивался электрический свет, на экранчик, выдвигающийся поверх правого визора, транслировалось изображение налобной камеры, спрятанной под верхним прозрачным слоем брони шлема. Костюм функционировал. Голосовыми командами Кевар придвинул маску шлема ближе к лицу, приведя костюм в режим оперативного управления, и принялся уже сквозь визоры осматривать по-

мещение, в которое он попал.

Комната оказалась допросной в центральном отделении полиции. Эти кристально-чистые белые стены, пол и потолок сложно было перепутать с чем-либо другим – это все Кевар запомнил еще со своей давней учебной практики. Теперь оставалось понять, как и зачем он здесь оказался.

Первой мыслью была идея о том, что все дело в организованном им побеге Змея и встрече с пиратами. Но он отменил ее достаточно быстро, потому что Крок никогда бы не признался в своей некомпетентности перед руководством – он будет до последнего поддерживать иллюзию того, что на его «Рае» все в порядке, а такие дальние тюрьмы особенно никто и не проверяет из столицы – не до них. Да и «Ронка» вряд ли кто-то мог так быстро отследить.

Значит, что-то другое подвигло военных взять под стражу своего офицера в запасе... И тут-то Кевара осенило: какой бы ни была причина его ареста, она явно связана со службой, и, конечно же, с Фрактурой. Нельзя сказать, что он испугался этой мысли, но и уверенности она ему не добавила.

Дверь допросной отъехала в сторону, и в комнату вошли два военных офицера, капитан и полковник, в сопровождении капитана полиции. Кевар не сразу узнал последнего, но по его манере держаться вскоре понял, что это был уже знакомый ему Джуджур Теманов. Каким образом он вообще относился к делам военных, пока было неясно, но Кевару сейчас было не до этого. Полицейский встал за его спиной, а

военные расселись в кресла напротив него и начали допрос, не размениваясь на любезности:

– Вы – лейтенант запаса Кевар Аргомантис, офицер штурмового отряда номер 379? – ледяным голосом спросил старший по званию.

– Так точно, товарищ полковник, – у Кевара было очень много вопросов, так и готовых сорваться с языка, но он прослужил в армии достаточно долго, чтобы привычка соблюдать субординацию укоренилась в нем.

– Вы знаете, почему вы здесь?

– Никак нет.

– Что вы можете доложить по поводу вашей последней операции перед увольнением в запас?

– Мой рапорт, вместе с докладом генерала Савоне, был предоставлен командованию, товарищ полковник.

– Два одинаковых рапорта?

– Так точно, – Кевар все не мог понять, к чему клонит полковник, и это вынуждало его принимать в разговоре слабую позицию защиты.

– Мы читали ваш рапорт, лейтенант. Вы можете повторить вкратце его содержание?

– Так точно.

– Приступайте.

– В соответствии с приказом командования, наш отряд в составе двенадцати офицеров штурмового подразделения «Зачистка» был направлен на планету естественного типа

Фрактуру.

– Каково было ваше боевое задание?

– Осуществление зачистки планеты.

– Вы помните точное количество целей?

– Четыре миллиона двести пятьдесят четыре тысячи девятьсот тридцать две.

– Поставленная задача была выполнена?

– Так точно.

– Был ли осуществлен финальный спектральный анализ, как того требует директива номер 150/15?

– Никак нет, товарищ полковник.

– По какой причине?

– По причине того, что в ходе выполнения операции отряд потерял десять человек, и мы были вынуждены покинуть планету.

– Но вы утверждаете, что цель операции была достигнута?

– Так точно.

– На каком основании строится ваше утверждение, лейтенант?

– На... – тут Кевар едва заметно запнулся, – на решении генерала Савоне, моего командира.

– А на чем основывался генерал Савоне?

– На показаниях счетчиков на винтовках, товарищ полковник.

– Вы считаете, что данные показания являются достаточным основанием для принятия решения?

– Так точно.

– Ваш ответ будет учтен. Следующий вопрос: знаете ли вы, где в данный момент находится отставной генерал Савонне?

– Никак нет.

– Связывались ли вы с ним после окончания операции?

– Никак нет.

– Когда вы виделись с ним последний раз?

– При выписке из военного реабилитационного центра после прохождения обязательного месячного курса терапии, – Кевар очень надеялся, что его голос звучит достаточно убедительно.

– Он озвучивал вам свои дальнейшие планы?

– Никак нет.

– Ваш ответ будет учтен, – военные едва заметно переглянулись.

– Товарищ полковник, вы можете объяснить мне, что происходит? С чем связан этот допрос?

– С тем, лейтенант, что у нас появились сведения о том, что вы только что побывали на планете Фрактура. Зачем вы летали на зачищенную вами же пять месяцев назад планету?

– Я помогаю полиции в расследовании убийства моего брата и других людей человеком, известным как Кровавый Фанатик, – с этими словами он обернулся к Теманову, но тот продолжал смотреть перед собой, заложив руки за спину, – мои поиски привели меня на планету Фрактура.

– И что вы там нашли?

– Я нашел там заброшенный храм древнего культа, верования которого вполне соотносятся с действиями убийцы.

– Эта информация нас не интересует – это дело полиции.

– Я собирался сразу по прилету в столицу связаться с капитаном Темановым и доложить о том, что обнаружил. Но вместо этого я нахожусь тут, товарищ полковник.

– Меня интересует, нашли ли вы там живых наземных, лейтенант.

– Никак нет.

– Вы уверены в правдивости ваших слов, лейтенант?

В разговор неожиданно вступил капитан Теманов:

– Полковник Криб, все сказанное лейтенантом Аргомантисом – правда, – с этими словами он протянул военному небольшой прибор с экраном, который он, как оказалось, держал все это время за спиной, – показатели детектора подтверждают это. Поэтому, как я и говорил вам с самого начала, этот человек не только не является преступником, но как раз наоборот, стремится помочь в распутывании важнейшего дела. И вы со своей проверкой очень сильно мешаете ходу расследования.

– Капитан Теманов, мы обязаны предпринять все возможные действия по поиску генерала Савоне и выявлению последствий его антигосударственных действий, – полковник отвечал сухо, но в его голосе явно сквозила злоба и разочарование, – Лейтенант Аргомантис, вы свободны. Однако

вам запрещено покидать столицу до выяснения всех обстоятельств.

С этими словами полковник и его молчаливый спутник встали и, тяжело стуча сапогами по кафельному полу, вышли из комнаты.

Советник

Он знал, что рано или поздно с ним все-таки свяжутся, причем именно тогда, когда ему бы этого хотелось меньше всего. И вот, это действительно случилось – сообщение пришло ровно в тот момент, когда он пытался убедить Густава Златоцвета не беспокоить короля в неположенное время, а тот в своей вальяжной манере настаивал, что «Круельчик его ждет, причем с нетерпением». Советник уже давно привык к всевозможным странностям и особенностям вкусов правителя, но выбор фаворита не одобрял – Златоцвет был мало того что донельзя вульгарным, так еще и явно далеко не таким простым и бесхитростным, каким хотел казаться.

Впрочем, неожиданное сообщение отбило у него всякое желание продолжать дальнейшие препирательства с магнатом – он махнул рукой и отошел в сторону, пропуская Златоцвета к служебному лифту в королевские покои.

В письме было всего четыре слова и подпись, но даже этой малости хватило, чтобы повергнуть Советника в ужас. Всегда спокойный и сдержанный, теперь он абсолютно не знал, что делать – ему оставалось просто ждать дальнейшего развития событий. Он был далеко не дурак и прекрасно осознавал, что происходящее сейчас в столице должно было в скором времени вылиться во что-то куда большее, чем несвязанные друг с другом убийства, мелкие акции революционе-

ров и полицейские облавы.

Он еще раз взглянул на сообщение и стер его. Но текст будто отпечатался на сетчатке глаз: «Я вернулся в город. Ф.С.».

Капитан Теманов

Спустя пару часов Джуджур сидел с молодым лордом за уличным столиком любимого бара на берегу озера Пунги, потягивая крепкий темно-красный варский эль. Оба отключили костюмы и наслаждались теплым ветром, неспешно ласкающим их открытую кожу и приятно пахнущим ароматами цветущих апельсинов.

Разговор был долгим, и в ход пошла уже не первая кружка терпкого эля. Кевар рассказал капитану почти всю историю своего путешествия на Фрактуру, опуская только некоторые детали вроде «Рая», Змея, пиратов. История, по мнению Теманова, складывалась вполне логичная: Аргомантис нашел новый Храм, где обнаружил информацию о древнем культе, после чего сразу отправился на Фрактуру, а оттуда – сразу, как только смог – в столицу.

– И что вы думаете по поводу всего этого, лорд? – задумчиво спросил Джуджур, водя указательным пальцем по краю кружки.

– Может, все-таки перейдем на «ты»? Смешно уже даже... Какой я, в Бездну, лорд... Кевар меня зовут, для друзей – Кев.

Теманов подумал пару секунд и серьезно кивнул:

– По рукам... Кев.

– Вот и славно. По делу: у меня есть несколько предполо-

жений, которые кажутся крайне безумными, но других идей у меня нет, – Кевар достал из кармана кисет с кристаллической пылью и трубку, сделал маленькую затяжку. По его собственному убеждению, курил он редко, и только в крайне трудных жизненных ситуациях, – у нас есть несколько простых фактов, из которых мы можем исходить. Первое: источник вдохновения Омбро находится именно на той планете, где была проведена самая... так скажем, самая провальная операция зачистки за последнее время. Второе: убийца определенно профессионал, действующий как опытный военный, и к тому же появляется в столице меньше чем через полгода после завершения кампании. Третье: Омбро определенно имеет серьезные проблемы с психикой, соответственно, можно предположить, что в ее жизни произошел какой-то серьезный перелом...

– погоди, нам известно, что убийца – женщина. Это же значительно сужает список подозреваемых, разве не так?

– Не совсем так. Это человек в женском космокостюме, но это может быть не только женщина, сам понимаешь. Без костюма ее никто, насколько я знаю, не видел.

Джуджур задумчиво покивал, а Кевар помолчал немного, попыхивая трубкой, видимо, собираясь с мыслями, потом продолжил:

– Собственно сама моя идея ушла не так далеко: у нас есть четыре более-менее логичных варианта. Убийцей может оказаться Фаэтон Савоне, как, похоже, считают военные. Хоть

они и утверждают, что их интереса в деле Фанатика нет, но, как по мне, именно это дело их и интересует сейчас больше всего. Можешь не отвечать, это и так очевидно. Однако допущение, что Фаэтон хоть как-то причастен к этому делу, лично мне кажется полнейшим бредом – никогда не встречал более благородного, честного и сильного человека. Да, вероятно, у него не всегда были идеальные отношения с командованием, да и разделял он далеко не все цели и ценности правительства, но на такую неоправданную жестокость он не способен. Итак, наш второй вариант – убийца сидит перед тобой...

– Не глупи, Кевар. Если бы ты и был этой Омбро, то вошел бы в историю как первый убийца, активно помогающий полиции искать улики против самого себя! Это было бы слишком экстравагантно даже для Омбро-Фанатика. Да и к тому же после убийства твоего брата мы установили за тобой небольшую слежку – чтобы в случае чего защитить.

– Вот это поворот. Спасибо, конечно, за заботу, но я бы справился, честно. По поводу бредовости этого предположения согласен, но озвучить его, тем не менее, следует. Третий вариант – лично я его считаю основным – во время той бойни кто-то из моих соотрядников все-таки выжил. После пережитого он съехал с катушек, его подобрали монахи во главе с Инисио и промыли ему мозги, после чего он за каким-то чертом одел женский космокостюм (может, это выражение каких-то феминистических взглядов Инисио, кто зна-

ет) и отправился громить столицу. И четвертый вариант, тоже вероятный, но имеющий меньше доказательной базы – что Инисио и есть Омбро.

– Звучит убедительно. А что, есть такая вероятность? Что кто-то мог выжить. Может, опишешь, что вообще случилось на Фрактуре?

– Сложно это все описать в паре предложений... Тем более, что большая часть тех событий скрыта от меня самого. В общем, такая вероятность есть – ведь мы с Фаэтоном не смогли забрать тела с планеты.

Джуджур кивнул и углубился в свои мысли, пытаюсь сложить все детали головоломки в единое целое. Это было непросто, но зато у него появились сами детали – несколько часов назад у него не было и этого. Предположение, что Омбро-Фанатик – кто-то из бывших членов печально известного в узких кругах отряда 379, было вполне логичным, и он тут же отправил полковнику Крибу запрос на предоставление ему личных дел всех двенадцати штурмовиков. Тут у него мелькнула неприятная мысль: десять из них числятся мертвыми, один – Савоне – пропавшим без вести. Соответственно...

– Кевар, ты же понимаешь, что нам нужно как можно быстрее искать твоего бывшего соотрядника, думать, кто мог выжить. Потому что если мы не найдем убийцу в ближайшее время, военные вполне могут сложить пару фактов и, не разобравшись в сути вещей, арестовать тебя. А мы оба име-

ем представление, насколько у нас трудно выбраться на свободу даже невинному человеку, уже попавшему в тюрьму.

– Я тоже уже об этом подумал. Однако, единственное, что сейчас сможет помочь нам с дальнейшим распутыванием дела – это тщательное исследование Фрактуры и того, что там произошло. Вот только я под подпиской о невыезде...

– Я сам слетаю на Фрактуру. Меня больше беспокоит, что сейчас ты оказываешься в опасном положении, с какой стороны ни глянь: тебя могут арестовать до выяснения обстоятельств военные, но и Омбро-Фанатик может выбрать тебя в качестве жертвы – как мы поняли, у нее, вполне вероятно, есть осведомитель в полиции либо доступ к нашим базам данных. А ты для него, скорее всего, опасен.

– За меня не беспокойся, в случае чего я смогу постоять за себя. Намного важнее разобраться с этой маньячкой как можно быстрее – как я понимаю, в мое отсутствие она тоже не сидел, сложа руки.

– Да, еще два убийства...

– Что ж, тогда будем действовать настолько эффективно, насколько сможем. Но вот прямо сейчас я могу действовать только одним способом – отправиться домой и как следует выспаться. Последние несколько дней измотали меня до невозможности. Бездна дери этих религиозных фанатиков!

– Не скажи, Кев. Не все ордены одинаково фанатичны и деструктивны. Да взять тот же Старобожий храм и нашу государственную так сказать религию. Да, они слишком актив-

но вмешиваются в политику и пытаются оказывать влияние на правительство и короля. Но подумай, что бы было, если бы не они – миллиарды жителей страны оказались бы лишены какой-никакой, но веры, и как бы король с его свитой смог бы тогда контролировать и без того озлобленные толпы людей? А так – все делается во благо веры, и вопросов сразу становится меньше. Да я и сам, скажу по секрету, раньше, в молодости, состоял в одном небольшом религиозном обществе, Ордене Покоя Мира – ты о нем вряд ли слышал. И, как видишь, с мозгами у меня все в общем-то в порядке.

– Ладно, может быть, ты в чем-то и прав... Скользящая это все-таки тема, да и не для моих уставших мозгов.

Омбро

Информация поступала к ней незамедлительно: ее каналы работали, как всегда, идеально. В дело вмешались военные, а молодой капитан на пару с Аргомантисом начали копать под нее в правильном направлении. Все в соответствии с планом. Что ж, если последняя парочка будет для него полезна в будущем, то полковник Криб встрял у него костью в глотке, и, если эту кость вовремя не вытащить, весь успех операции может оказаться под угрозой. Поэтому Омбро решила все-таки выйти из тени чуть раньше, чем планировала. Это было сопряжено с большим риском, но других вариантов она не видела.

Она поднялась с холодного пола и медленно пошла через темноту ее укромного убежища к яркому источнику света вдалеке. Она шла достаточно долго, а когда добралась до выхода, оглянулась. Темнота манила ее обратно, она хотела вновь принять ее в свои объятия, обласкать и спрятать. Но Омбро знала, что сейчас она не вправе потакать своим желаниям: исполнение плана было значительно важнее. Поэтому она зажмурилась на мгновение и вышла наружу.

Этот костюм, светлый, яркий, приметный, был ей некомфортен и даже противен, но в сложившейся ситуации был куда более хорошей маскировкой, чем ее собственный. До здания главного управления полиции она добралась на об-

щественном космолете, напоминающем бочку с сардинами – тесном, набитом людьми. Людьми, спешащими по своим мелким делам, не обращающими никакого внимания на окружающих. Иногда лучший способ спрятаться – это оказаться на самом видном месте, в толпе.

Когда Омбро вошла через главный вход в центральное отделение полиции, она осознала, что даже в этом костюме-прикрытии она не находилась в полной безопасности – ее мог признать кто-то из служащих, и тогда у нее непременно возникли бы новые проблемы. Она неторопливо прогулялась через просторный холл до туалета, и, осмотревшись и убедившись в том, что ее никто не видит, ввела сложную комбинацию на запястном компьютере. Светлый костюм сложился, а на его место тут же развернулся ее собственный, черный, тайный костюм. Теперь Омбро вновь чувствовала себя комфортно. Можно приступать к делу; здесь уже не надо было прятаться, как на улице – достаточно просто соблюдать осторожность.

На пути к черной лестнице, местоположение которой она выудила из своего послушного источника, ей встретился одинокий коп-охранник. Пара выстрелов из пистолета – и помехи больше нет. Полицейские – не королевская гвардия, с ними сможет справиться и пожилая дама, попади ей в руки оружие помощнее. Впрочем, исходя из своего непреложного правила не оставлять лишних жертв, Омбро пока не переводила оружие в боевой режим из оглушающего. Может, она и

готов следовать своему плану до последнего вздоха, но она абсолютно не хотела множить количество вдов и сирот, которых и так становилось все больше из-за постоянных войн, которые вел король вместе с его прихлебателями.

По черной лестнице она быстро преодолевала этаж за этажом, отсчитывая пролеты – ей нужен был двадцать первый, где располагались допросные, а также был развернут временный штаб военной полиции. На счастье, во время подъема ей не встретилось больше ни души – а теперь уже было бы сложно избежать случайных жертв.

Девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый. Вот она и на месте. Действовать нужно быстро. Выстрел в замок, удар ногой – дверь нараспашку. Пистолет в боевой режим. Справа двое. Выстрел в голову, прыжок – удар ногой в лоб. Два трупа в зеленой броне. Началось. За угол, бегут четверо. Офицеры. Два выстрела пропускает, для костюма из гвидония это как укусы мошкары. Четыре выстрела в ответ – трое на полу. Четвертый уворачивается, Омбро моментально разворачивает клинок, короткий мощный размах – голова в шлеме откатывается к стенке. Топот шагов сзади, разворот на сто восемьдесят, в нее очередь из винтовки – плохо, надо быть внимательней. Прыжок на стену, четыре шага по инерции, толчок – замах меча – две отрубленные руки на полу. Разворот, пригнуться, три живота вспороты. Пока вроде все. Нужен дальний кабинет – оттуда уже доносятся крики. Бегом к прозрачной двери из бронестекла. Криб и две шестерки из

штаба там. Черт, там же и капитан-полицейский. Его убивать еще рано. Надо быть аккуратной. Дверь не открывают – боятся. Что ж, не помеха. Из заплечного мешка достает взрывчатку, прилепляет к стеклу, активирует и прыгает в сторону, прижимаясь к полу. Взрыв разносит дверь в крошки, все застилает едкий черный дым.

Капитан Теманов

Все вокруг в дыму. Полковник, капитан и рядовой кашляют, воздушные фильтры костюмов не справляются с такой концентрацией газа. Перед глазами все плывет, он лежит на спине на полу, пытается подняться – но не может. Системы костюма повреждены электромагнитной вспышкой, сквозь визоры почти ничего не видно. Мысли живут своей отдельной от тела жизнью, он не может понять, что происходит. Все вокруг движется слишком быстро. Потом все будто замирает, клубы дыма замедляются до бесконечно тянущихся завихрений. Из клубящейся тьмы появляются два красных огонька. Два злобных, горящих холодной ненавистью уголька. Потом вырисовывается и маска. Черные матовые пластины-чешуйки. Узкая длинная центральная пластина, похожая на хищный птичий клюв, на лбу можно различить неровную бордовую, будто кровью написанную, надпись: 013. Мелкие пластинки костюма будто живут своей жизнью, они постоянно шевелятся, перетекают и щелкают, тихо, будто отмеряя что-то. Капитану жутко. Впервые за все годы работы в полиции ему настолько страшно. Костюм не слушается его приказов. Джуджур хочет бежать, но не может. Как в страшном сне. Страшная фигура вырисовывается все четче. Черная женщина поворачивает голову к нему, и капитан уже прощается с жизнью, но нет – силуэт в дыму медленно проплывает

мимо. В руке разворачивается длинный узкий одноручный клинок – так же, как и сам костюм, он состоит из пластин, которые беспрестанно мелко шевелятся. Не останавливаясь, короткими отточенными движениями она отрубает головы младшим офицерам, подходит к полковнику. Хоть и с помехами, капитан слышит скрипучий, низкий, искаженный голос: «Полковник Криб, я в курсе, что вы хотите сделать, но Савоне – не в вашей юрисдикции. Вы, вместе с вашей сворой ублюдков, не достойны того, чтобы увидеть то, что я вскоре сделаю с этой страной, также как и недостойны даже того, чтобы узнать правду о 379 отряде», – с этими словами она вонзает клинок в правый визор военного, проворачивает его, выдергивает. Потом отступает на шаг, наблюдая, как тело медленно падает на пол.

Поворачивается к капитану. Поворачивается очень медленно, так, что Джуджур успевает послать сообщение: «Мама, сестра, простите меня за все. Прощайте». Черный силуэт медленно подходит к лежащему на спине капитану, опускается рядом с ним на одно колено, медленно приближает маску так близко, что Теманов отчетливо видит каждый скол, каждую царапину на матовой поверхности брони, написанное кровью число, а главное – горящие злобным огнем глаза. Страшный голос звучит в наушниках, как гром: «Капитан, не забывайте: иногда приходится имитировать крушение корабля, чтобы с него сбежали все крысы. Может, когда-нибудь и поймете. А сейчас... вы же не хотите повторить судь-

бу этих псов? Тогда оставьте это дело, забудьте про Фрактуру и не вставайте у меня на пути – тогда вы сможете остаться в живых. Того же самого, правда, я не могу пообещать юному Аргомантису – его судьба не в его руках. Но у вас, капитан, еще есть шанс спастись», – она встает и медленно идет сквозь клубы дыма к выходу. Она уже почти скрывается из вида, когда неожиданно поворачивается и бросает на ходу: «Скоро все изменится, капитан, и мне правда вас жаль. Когда вы поймете мои слова, для вас будет уже поздно, но я заранее прошу прощения».

Фигура исчезает в дыму. Капитан пытается сделать хоть что-то, но все еще не может пошевелиться. Через несколько мгновений в комнату вбегают какие-то новые фигуры, кричат, суетятся – но капитану уже все равно. Он откидывает голову на кафельный пол и закрывает глаза.

Омбро

Она отчитала сама себя за грубую работу. Мало того, что она и так избыточно рисковала, устраивая расправу в отделении полиции, в неправильное время, расходуя и так малые запасы энергии, так еще и поставила себя тем самым в крайне неудобное положение. Вскоре ее действия будут донельзя ограничены, и это может обернуться настоящей трагедией для реализации всего плана. Впрочем, она очень быстро перекроила некоторые элементы плана в соответствии с изменившейся ситуацией. Придется временно отпустить из-под

контроля фигуры Джуджура Теманова и Кевара Аргоманти-са – сейчас они на время станут малодостигаемыми – а вме-сто них ввести новый элемент. Омбро не хотела обращаться к этому козырю так рано, да и вообще с радостью избежала бы необходимости разыгрывать эту карту, но обстоятельства требовали быстрых решений. Что ж, этот элемент не мно-гим хуже введения в игру революционеров, а в чем-то даже и лучше. Комплексные решения – именно то, что очень ча-сто помогает в решении сложной проблемы. Главное, не за-бывать, что слабость целого определяется слабостью самого немощного его элемента, в то время как с силой все наобо-рот. И если с последним проблем пока не наблюдалось, то в первом она рисковала все больше и больше. Что ж, стоит воспринимать риск не как опасность, а как возможность.

Нужный дом она нашла достаточно быстро – это было зда-ние, неприметное на общем фоне роскошных домов Аристо-кратического полумесяца, но выполненное с необычайным вкусом – для опытного взора. Подходя по тенистой аллее к аккуратной деревянной двери, она быстро поменяла маски-ровочный костюм на свой. Вопреки сложившейся уже тра-диции, она не стала выламывать или взрывать дверь, а про-сто по-человечески постучала.

Дверь открылась почти сразу. Человек, стоявший на по-роге, был одет в идеально скроенный строгий костюм. Чер-ты его бледного лица были аккуратными и тонкими, будто выточенными из мрамора или льда. Это лицо до крайности

напоминало Омбро лицо совсем другого человека, из другой его жизни – и эта схожесть порадовала его.

Судя по реакции человека, он тоже, похоже, узнал гостя:

– О. Госпожа Фанатик. Смею вас заверить, что убийство такой незначительной особы как я не принесет вам ровным счетом никакой пользы, – голос не дрожал и звучал вполне уверенно. Омбро всегда восхищалась людьми, умеющими держать лицо и проявляющими выдержку в любой ситуации.

– Не переживайте, господин Советник. Я не намерена вас убивать. Мне нужна ваша помощь.

Советник

Он не боялся. Понимал, что, вероятно, имеет смысл опасаться этой странной дамы, которая сидела сейчас в его гостиной, в его любимом кресле, в паре метров от него – но, тем не менее, он не боялся. Советнику вообще были очень интересны люди – их поведение, их мотивы, их желания и стремления. Можно сказать, что анализ людей был его любимым хобби. Однако этот экземпляр был для него до сих пор загадкой – он не мог понять, чего она хочет, и это вызывало в нем как неподдельный интерес, так и жуткое беспокойство, почти до физического зуда в мозгу.

– Итак, госпожа...

– Омбро. Омбро Кашита, – скрипучим низким голосом ответила гостья.

– Итак, госпожа Кашита, чем вам может помочь скромный государственный служащий?

– Для начала я предлагаю уточнить, чем лично для вас будет полезно наше сотрудничество. Вы – человек, посвятивший свою жизнь работе с общественным мнением, вы ловко манипулируете людьми, поэтому мои методы относительно вас вряд ли покажутся вам бесчестными или неправильными.

– Предположим, вы правы. Что ж, я внимательно вас слу-

шаю.

– Начну с плохого: я знаю, кем вы были до того, как стали Советником. Я знаю о вашей связи с Фаэтоном Савоне. И я знаю о вашей деятельности вне работы. Таким образом, как вы понимаете, ваша судьба всецело зависит от того, как я распоряжусь этой информацией.

– Любопытно, госпожа Кашита. Может, поделитесь со мной? А то я, боюсь, пребываю в блаженном неведении.

– Вы отлично держитесь, мне это нравится. Что ж, как хотите. Ваше настоящее имя, которые вы так старательно и, стоит признать, качественно, уничтожили из всех баз данных – Салахакара Савоне. Знаменитый (теперь уже печально знаменитый) генерал Фаэтон Савоне – ваш родной брат. Я проследила, когда были уничтожены данные о вашем прошлом – за два месяца до вашего назначения на нынешнюю должность и за месяц до подписания Фаэтоном предпоследнего офицерского контракта. Я надеюсь, что у вас хватит ума не отпираться.

– Ну что ж, тут я действительно не вижу смысла спорить, – задумчиво проронил Советник, внимательно рассматривая собеседницу, – продолжайте.

– Отлично. Итак, исходя из всех фактов, которыми я обладаю, я сделала простой вывод: очень велика вероятность, что вы не только в курсе взглядов, которых придерживается ваш брат, но и поддерживаете их. И я, знаете ли, проверила, капнула поглубже. И заметила множество мелких фактов,

каждый из которых в отдельности не вызывает никаких подозрений, но вкупе многое становится понятно. Необычные денежные переводы на офшорные счета, периодически неоднозначные заявления прессе. Накладывая все это на действия вашего брата, становится очевидно, что ваши реальные действия никаким образом не соотносятся с вашим положением самого приближенного к Унгурабуту человека.

– Позвольте полюбопытствовать: вот вы уже неоднократно упоминали «мировоззрения моего брата». Подскажите, пожалуйста, что и откуда вы можете знать о взглядах Фаэтона?

– И все же вы продолжаете увиливать, Советник. Но, впрочем, вас сложно в этом винить: сейчас ваше положение и так очень шаткое. Что ж, я отвечу и на этот вопрос. А пока просто передам вам привет от Инисио, – Омбро внимательно смотрела на собеседника: от прозвучавшего имени Советник явственно вздрогнул, после чего сам понял бессмысленность дальнейших увиливаний, улыбнулся краешком губ и кивнул, – Отлично, Советник. Так вот: я достаточно долго прослужила под командованием Фаэтона, чтобы понять, к чему он на самом деле стремится. Я полагаю, про то, что случилось на Фрактуре, вы в курсе, так что нас, тех, кто знает обо всем, на данный момент трое: вы, ваш брат и я.

– Вы служили в 379? – в изумлении воскликнул Советник.

– Да, служила.

– Но в отряде не было женщин... Хотя неважно. И все же

о том, что ваш отряд сделал на планете, знает как минимум еще один человек: Кевар Аргомантис. Если вы, конечно, не он.

– Слава богу, я – не он. Но он не знает.

– Каким образом это возможно?

– Так об этом брат вам не упомянул?

– У нас было очень мало времени на общение, до того, как он... отправился по своим делам.

– Понимаю. В целом, на данный момент Аргомантис для нас не помеха – но только до поры до времени. Его я в любом случае беру на себя. Дело в том, что у парня с детства проблемы с памятью – какая-то детская психологическая травма или что-то вроде того. У него напрочь отсутствуют все воспоминания, связанные с самыми неприятными моментами его жизни. Таким образом, для него на Фрактуре все закончилось именно так, как они с Фазтоном изложили в рапортах: цель выполнена, наземные ликвидированы.

– Ясно, это отратно слышать. С момента его появления в столице я очень пристально следил за ним, и особенно забеспокоился, когда он связался с полицейскими после убийства брата. Кстати, может, объясните мне выбор целей?

– Да, без проблем: казначей в последние пару месяцев занимался тем, что помогал изыскивать финансирование на новую кампанию зачистки, в том числе на акцию по проверке и повторной зачистке Фрактуры группой «Солво» генерала Каи. Министр культуры и пропаганды готовил плацдарм для

формирования общественного мнения. Ну, по этому поводу, я думаю, вы в курсе. Оба их помощника были достаточно сильными фигурами, чтобы оперативно занять их места, поэтому их тоже пришлось убрать. Теперь же потребуется немало времени, чтобы найти им всем достойные замены, а чтобы еще больше усложнить этот процесс, мне понадобится ваша помощь. Впрочем, об этом чуть позже.

– Ну а кого вы хотите убрать следующим?

– На самом деле целей осталось не так много, но их убрать будет трудно. Кроме того, к расследованию подключились военные, а это значительно усложняет все дело. Убрал офицеров, которые непосредственно занимались розысками Фэтона и попытками раскрыть меня, я отбросила их на несколько недель назад, но и связала себе руки. И тут мне опять же понадобится ваша помощь.

– Хорошо, я вас понял. В самом начале вы упомянули, что начинаете «с плохого». В моем понимании, это предполагает, что закончите вы хорошим. Я прав?

– Да, Советник, вы правы. Хорошим для вас является то, что в случае, если вы поможете в реализации моего плана, я не только не раскрою вас, но и дам то, к чему вы стремитесь больше всего: власть. Когда мой план будет реализован до конца, мне понадобится человек, готовый взять на себя ответственность за государство. Человек, достаточно мудрый для того, чтобы руководить новой страной. И я вижу такой потенциал именно в вас.

– Что ж, госпожа Кашита, излагайте свой план.

Кевар

Уже привычно его разбудило сообщение от Джуджура, однако он очень долго не мог понять, где он, кто он, что вообще происходит. Ощущения отдыха после дневного сна не было никакого – только стойкое чувство, будто его долго били ногами. Все тело ломило, а в голове всплывали какие-то жуткие обрывки кошмара. Наконец, он отлепил себя от кровати. Стоп. Он же после возвращения всегда спал на узкой кушетке в кладовке. Каким образом он оказался в роскошной спальне на втором этаже? Он этого не помнил – видимо, усталость была настолько сильной, что он уже не отдавал себе отчет в своих действиях. Это открытие ему совсем не понравилось – с учетом быстро и хаотично развивающихся событий последнего времени, меньше всего он бы хотел перестать доверять самому себе. Как это иногда бывало на войне – вроде бы он все делает правильно, но все подернуто дымкой, страхом или яростью. «Надо будет по возможности связаться с Сессилией», – отметил он про себя.

Однако сейчас ему было не до того – нужно было разобраться с сообщением капитана. Оно было донельзя коротким и информативным: «У нас ЧП. Убийца разобрался с Крибом, ты можешь быть следующим. К тебе вылетели два лучших моих офицера, им можно доверять. Они сопровождают тебя в участок. Подробности при встрече».

Вот это поворот. Кевар ошарашено опустил на уголок кровати и невидящим взглядом уставился на свое отражение в огромном зеркале. Сквозь пелену мелькающих мыслей он разглядел всклокоченные кучерявые волосы (когда он стригся последний раз?), проседь на висках, темные мешки под глазами и глубокие морщины на лбу и возле уголков губ. Война оставляет свои отпечатки на всех, не щадит никого. А сейчас из-за сумасшедшего маньяка, потерявшего разум на войне, страдают невинные люди. Криб, может, и был тем еще засранцем, но его семья точно не провинилась перед Омбро. А она лишила будущего сразу многих людей всего лишь одним своим действием. Теперь, после посещения храма, Кевар хоть немного понимал мотивы убийцы, но никак не мог их принять. Возможно, что цели, которые преследовала Омбро Кашита на пару с Инисио, были самыми благородными и высокими. Может быть, даже жизненно необходимыми для гнивающего Королевства. Но те методы, которые выбрала Омбро-Фанатик, были за гранью системы ценностей Кевара. Вечный спор – можно ли пожертвовать одной невинной жизнью ради спасения сотен других – для себя Аргомантис решил уже давно, и не раз подтвердил во время войны. Любая неоправданная жертва – трагедия, а мир и так слишком мрачное место, чтобы увеличивать и без того бесконечно огромный уровень жестокости. В этом контексте Кевар всегда пытался оправдать для себя то, чем он по воле короля занимался на фронте – уничтожение миллионов наземных

обитателей планет, и единственным аргументом для него была впитанная с детства вера в то, что наземные – не люди, а опасные твари.

Снизу из холла раздался стук и трели звонка (хоть кто-то из копов догадался нажать на кнопку, надо же). Кевар тряхнул головой, выходя из дремы, привычным жестом активизировал костюм и спустился к полицейским. Его встречали лейтенант Хира и девушка-детектив, тоже в звании лейтенанта, по фамилии Тарва. Без лишних разговоров, постоянно оглядываясь по сторонам, они проводили Кевара до полицейского космолета.

– Господин Аргомантис, это для вашей же безопасности, – с этими словами Хира фактически впихнул Кевара в узкое пространство отсека для перевозки задержанных преступников и захлопнул люк. Уже второй раз за два дня нервы молодого лорда проходили испытание клаустрофобией, и все происходящее становилось все менее терпимым. Стараясь сосредоточиться на медитации, Кевар откинул голову на мелко вибрирующую стенку машины и прикрыл глаза.

По прибытии в центральное управление его также быстро и тихо доставили в самую охраняемую часть здания – камеры для особо опасных преступников. Все это начинало напоминать Кевару какой-то жутковатый фарс – вчерашняя история с военными повторялась почти в том же виде, разве что его теперь не тащили, а он сам вышагивал по темным тюремным коридорам.

В камере его уже ждал капитан Теманов. Шлем был свернут, лицо осунулось, глаза запали – выглядел он неважно. Небольшое помещение наспех обставили более-менее приличной мебелью, да криво-косо повесили окно-экран, чтобы хоть как-то скрасить мрачность помещения, да и всей ситуации. Капитан кивнул полицейским и жестом отпустил их. Дверь за ними закрылась с тоскливым шелестом, оставляющим после себя чувство безысходности. Кевар предположил, что человек, разработавший эти двери для тюрьмы, был настоящим садистом.

– Джуджур, ты уверен, что это все – хорошая идея? Я же сказал, что вполне смогу постоять за себя...

– Да не сможешь ты, и вряд ли хоть кто-то сможет. Смотри, – капитан протянул Кевару портативный компьютер, – это запись нападения Омбро с моей налобной камеры. Видно плохо, но суть поймешь.

Кевар углубился в отснятый материал, опустившись на неудобный шатающийся стул.

– Бред какой, – был первый его комментарий после третьего просмотра, – полнейший бред. «Имитировать крушение корабля...», «его судьба не в его руках...» – что вообще творится в голове этой сумасшедшей?

– Бред – не бред, а ты, дружище, в реальной опасности. Пока мы не выясним всех подробностей, посидишь тут, под защитой. Как только выясним хоть что-то или поймем, что тебе ничего не грозит – сразу выпустим, не переживай. Я и

сам не особо рад, что такой толковый помощник бездействует.

– Черт возьми! – в сердцах воскликнул Кевар и так сильно стукнул кулаком в гвидониевой перчатке по металлическому столу, что проломил в нем дыру; потом посидел пару минут, успокаиваясь, и продолжил, – Ладно, пусть будет по-твоему. Я пока воспользуюсь вашим гостеприимством и немного отдохну – что-то у меня все совсем плохо со сном, я уже не помню, где и как я засыпаю – ужас какой-то.

– Кевар, я, правда, не знаю, сколько времени пройдет, пока ты будешь здесь. Мы не можем рисковать.

– Но ты-то рискуешь.

– Я полицейский, это моя работа. А ты – гражданское лицо, тем более, потенциальная жертва. Сейчас мне нужно решить очень много оперативных моментов, а у тебя как раз будет возможность немного передохнуть. Через несколько часов я зайду к тебе, и мы обсудим наши недавние предположения в свете последних событий.

С этими словами капитан быстро вышел из комнаты, оставив Кевара в одиночестве. Сначала лорд хотел немного поразмышлять над происходящим, но организм распорядился иначе: мгновенно уснул прямо на стуле.

Советник

Он быстро шел по огромному торговому центру, расположившемуся в верхней части одного из домов-шаров. Вокруг в огромном количестве туда-сюда сновали толпы людей, аккуратно, вежливо, но жестко сформированные сурового вида солдатами королевской гвардии в упорядоченные потоки. Неожиданно понял, что тебе нужно в другую сторону? Будь добр – дойди до следующего «перекрестка», уведошь офицера гвардии и иди, куда тебя направят. Что? Тебе нужно в бутик «Космокостюмы от Джина Вариати»? Извини, дорогой, отсюда не положено – делай крюк через весь зал.

Советник наплевал на все условности и просто шел напрямик, деловито пробираясь через медленно ползущие «муравьиные тропинки» покупателей и разгоняясь на пустых пространствах между ними. Два раза его пытались остановить гвардейцы – как за нарушение правил движения, так и за отсутствие костюма и маски, но тут же испуганно отступали и извинялись, увидев небольшую аметистовую брошь на лацкане пиджака, изображающую паука-отшельника. Все в столице знают – такая брошь с гербом Унгурабутов есть только у одного человека, и с ним лучше не связываться. Поговаривали даже, что на самом деле власти у Советника чуть ли не больше, чем у самого короля. Чушь, конечно, хотя и некоторая доля правды в этом определенно была.

Встреча была назначена в самом популярном и шумном кафе во всем Жилом городе – «Королевской Кружке». Как и всегда – если хочешь остаться незаметным, спрячься на самом видном месте.

Ванти Кхала уже был на месте – сидел за маленьким круглым столиком в самом центре зала и потягивал через трубочку, идущую из кружки в шлем, настой Варского дуба. Ради выхода в свет он сменил свой ужасающий болотного цвета бронекостюм на не менее безвкусную, но хотя бы цивилизованно выглядящую светло-коричневую стандартную городскую модель. Советник поморщился, разглядывая этого неуклюжего, неотесанного мужчину с безобразным обожженным шрамом на пол-лица, которому он по своей старой традиции придумал говорящее прозвище – Смурной. Про такого можно было сказать: «вышел из народа», и это было абсолютной правдой. Насколько Советник смог выяснить, предводитель столичной (самой крупной и результативной) ячейки революционеров был младшим сыном достаточно старого, но давным-давно обедневшего аристократического рода, вырос в мире где-то на краю Королевства, служил в штурмовых войсках (правда, не особо успешно). Что заставило этого плохо воспитанного, грубого, но честного и по-своему благородного человека встать на путь революции, связавшись с этой странной организацией, было не очень понятно.

Однако, сейчас это полезное во многих отношениях свойство Советника – всегда пытаться докопаться до причин и

предпосылок явлений – было явно не к месту. Ему нужно было быстро передать указания Ванти и вернуться во дворец на очередную встречу придворных дармоедов с королем по поводу введения чрезвычайной ситуации в городе и введения в столицу дополнительных военных сил. Похоже, благодаря стараниям его нового соратника и бестолковой, но порой действенной помощи революционеров устойчивая конструкция власти начинает если еще не шататься, то наверняка мелко трястись от страха. При этой мысли он улыбнулся уголками губ.

Тем временем Советник уже пробрался мимо столиков к Кхалу и присел на краешек эргономичного пластикового кресла:

– Так, я изложу вам информацию максимально кратко и быстро, все подробности – на чипе, – с этими словами он быстрым ловким движением подтолкнул к Ванти маленький блок данных, – суть такова: наша общая знакомая очень хочет некоторое время отдохнуть за городом, но дела – такие несговорчивые ребята, их непременно нужно делать. Вот она и подумала, что было бы неплохо дать возможность поработать за нее уже проверенным, надежным ребятам. Она может на них рассчитывать?

– А ты-то каким боком оказался в этом дерьме замешан? Я-то думал, что нашего безупречного умника никто не достанет, даже наша общая... подруга. Кстати, мы надеялись, что она нам хоть спасибо скажет – все-таки по ее рекомен-

дациям мои ребята очень неплохо отработали.

– Говорит, что кустарно, грязно, но терпимо. Это, как вы понимаете, цитата – не мои слова, в таких вещах я не специалист.

– Как-то даже обидно, мы ведь старались.

– Ну, вот в этот раз она рассчитывает, что вы постараетесь еще лучше.

– Ясно. Там опять подробный план, как и в прошлый раз?

– Не знаю, что было в прошлый раз, но по той информации, которая на этом чипе, даже я, наверное, смог бы все сделать.

– Срок?

– Завтра, мой друг, и ни днем позже. Сейчас нам всем придется поднапрячься – игра выходит на последний виток, и любая ошибка может привести к краху. Это опять цитата.

Сказав это, Советник встал, кивнул собеседнику и мгновенно растворился в толпе.

Кевар

Теперь у Кевара было много времени, чтобы подумать над тем, что произошло, и что он узнал за последнее время. Выводы, к которым он неизменно приходил каждый раз, были неутешительные: каким-то образом, по неведомой ему причине, таинственный убийца в женском обличи по имени Омбро Кашита был связан с ним. У них было очень много точек соприкосновения, начиная с Фрактуры и заканчивая непонятными намеками самой этой странной женщины. Это осознание заставило лорда вскочить с жесткого матраса и начать мерять шагами камеру. Пометавшись так некоторое время, он вновь сел на матрас и попытался представить, кто из его бывших боевых товарищей мог быть способен на такие поступки. Впрочем, в этом направлении он тоже не продвинулся ни на йоту – он не мог представить себе никого из ныне покойных друзей в роли хладнокровного и жестокого убийцы-фанатика, также как и примеряющим женские наряды.

Толстяк Джекли? Этот упитанный и добродушный боров был не только самым отзывчивым и веселым человеком из всех, кого Кевар когда-либо знал, но и определенно самым толстым. Но, несмотря на свои внушительные габариты, он умудрялся порой перемещаться с грацией космического трехрога – однако, на то, что творил Кашита, он определен-

но был не способен, да и в стройный женский космокостюм не влез бы при всем желании.

Очкарик? Тоже смешно – интеллигент из бедной семьи, специалист по технической части, этот щуплый парнишка с залысынами в двадцать пять лет, с трудом носил даже броню. Он почти всегда держался в тылу, но, тем не менее, приносил большую пользу – именно он координировал действия отряда и чинил костюмы в случае сбоя. Теоретик и техник, но никак не изощренный убийца.

Пилот Иван? Веселый мужик пятидесяти лет, с рыжими усами, похожими на мочалку, остроумный и добрый. Он гениально пилотировал их десантный корабль, но в боях не участвовал – даже бронекостюм не мог компенсировать его хромоту. Он всегда шутил, что ногу у него отобрала жена при разводе, хотя, насколько Кевар знал из рассказов Фаэтона, на самом деле в молодости Иван командовал отрядом зачистки, был живой легендой среди штурмовиков, пока во время одной из операций ему не отгрыз ногу какой-то не в меру прожорливый и злобный зверь. Тут тоже не сходилось, ну просто никак не мог Иван быть Омбро-Фанатиком.

Фантом... Про Фантома Кевар задумался поначалу, но потом отмел и его кандидатуру. Великолепный стрелок-снайпер, он всегда прикрывал товарищей на пару со своей винтовкой, но вот в ближнем бою он не мог сравниться даже с Толстяком – Фантом был прирожденным тактиком, а не бойцом.

Хвост Генерала – молчаливый, мрачный шкаф двух метров ростом, получил свою странную кличку за то, что был добровольным телохранителем командира. Никто не мог допытаться у него, откуда взялась его странная потребность защищать Фаэтона, но в бою он всегда держался как можно ближе к генералу и старался оградить его от любой опасности. Сначала Савоне, конечно, пытался как-то избавить подчиненного от этой странной привычки, но тому было не занимать упорства, поэтому генерал в итоге просто смирился. Хвост был настолько флегматичен, что не возражал против веселья соотрядников на эту ему; для Кевара он был одним из самых загадочных персонажей – за годы совместной службы он слышал от Хвоста не больше дюжины слов. Но даже по тому, как Теманов и Змей описывали Омбро, и как она выглядела на нечеткой записи, Хвост никак не подходил как минимум по телосложению.

На этом его прервали громким стуком в дверь – принесли завтрак. На этот раз Джуджур лично пришел проведать Кевара. Усаживаясь на шатающийся стул, он внимательно наблюдал за тем, как юный лорд без особого аппетита поглощал скудный тюремный паек – холодную комковатую кашу и бледный чай. Капитан попытался выбить для Аргомантиса особый рацион, на что получил твердый и однозначный ответ: любой, кто находится в камере этой тюрьмы, будет жрать то, что ему дадут, и не важно, кто это будет – мелкий воришка или сам король.

Все еще с набитым ртом – явно желая как можно быстрее проглотить мерзкую жижу – Кевар спросил, есть ли какие-то новости по делу Омбро. От него не ускользнуло мрачное выражение, которое держалось на лице капитана, но он не придал этому большого значения. Теманов лаконично ответил, внимательно наблюдая за реакцией:

– За то время, что ты здесь, Омбро не сделала еще ни одного шага.

– Странно. Почти месяц бездействия – с чего бы это вдруг?

– Вот и мне кажется, что странно. Что еще более странно для меня – так это то, что она уgomонилась именно тогда, когда ты оказался взаперти, – лицо Теманова теперь не выражало никаких эмоций, но Кевар предположил, что капитан просто старается сдерживаться.

– Постой, Джуджур. Ты намекаешь, что я как-то замешан в этом деле? Мы же рассматривали все варианты, и...

– И что? Четыре варианта – я согласен. Савоне неизвестно где, и скорее всего не в столице, твои товарищи – мертвы, хотя тоже неизвестно, что вы там с генералом понаписали в отчетах, Инисио вообще вполне может оказаться твоей выдумкой. Последний вариант – это то, что Омбро Кашита – это ты. И пока именно эта теория получает одно подтверждение за другим.

– Да ты что, совсем рехнулся? – удивление в Кеваре перекрывало даже раздражение и обиду, – ты вообще думаешь,

что говоришь? То есть я, по-твоему, грохнул собственного брата? Я бегаю по столице и убиваю политиков?

– Ну, в данный момент ты уже месяц сидишь в камере, и за это время ни с одним политиком не случилось даже простуды – уж ты мне поверь, мы за всеми важными персонами сейчас пристально следим.

– Просто бред какой-то, – Кевар беспомощно опустил голову, – послушай, Джуджур. Я сам вижу и понимаю, что каким-то образом связан с этой тварью – но чтобы можно было допустить, хоть на мгновение допустить, что я – это она? Ты же меня уже неплохо знаешь – как ты можешь такое вообще даже предположить?

– Извини, Кевар, но очень просто. Я детектив. Я работаю с фактами. Сейчас факты – против тебя. Будет какая-то новая информация – будем исходить из нее. А пока ты остаешься здесь на неопределенный срок, извини, – капитан медленно поднялся, бросил последний, сочувствующий, взгляд на Кевара и вышел.

Молодой лорд остался наедине с самыми мрачными мыслями – теперь от него совсем ничего не зависело, он был абсолютно беспомощен перед судьбой и злой волей таинственной Омбро Кашиты, Инисио и мало ли кого еще. Правильно ему говорил старый добрый друг Эхо: не лезь не в свое дело, Кевар, не надо.

Сейчас он уже абсолютно не мог понять, зачем он вообще начал это глупое самостоятельное расследование – неужели

и правда, из желания отомстить за брата? Да нет, конечно, они никогда не были близки, чужие люди, по сути. Так из-за чего тогда? Ради какого благого дела стоило так себя подставлять, что теперь он неожиданно стал не только одной из целей неведомого убийцы, но и подозреваемым номер один? Жажда справедливости – вероятнее всего. Но только теперь несправедливости стало еще больше, причем несправедливости по отношению лично к нему.

От обиды на глаза навернулись слезы. Этого еще не хватало – взрослый мужик, прошедший войну, и так расклеиться. Ничего, они скоро поймут, что к чему, и уж тогда он расквитается с этой крысой Омбро – не с тем противником она затеяла свою подлую игру!

Омбро

Омбро снова укрылась в своем логове, таком великолепно спокойном, темном и умиротворяющем. Это казалось странным даже ей самой, но периоды активности ей было просто необходимо перемежать с таким вот абсолютным уединением и покоем. С учетом того, что ей приходилось очень внимательно следить за расходом жизненной энергии – а для нее это было очень важным, даже необходимым, делом – возможность просто расслабиться в тишине и одиночестве была непременным условием ее существования. Впрочем, она всегда была одиночкой, даже когда оказывалась в толпе – люди очень ее утомляли.

Сейчас, находясь в одном шаге от реализации первого большого этапа плана, она решила использовать эту небольшую передышку для того, чтобы еще раз проверить то, что было уже сделано и то, что только предстояло.

Буквально через несколько часов, даже меньше чем через сутки, этот начальный виток спирали игры будет пройден, и начнется новый, намного более сложный, длинный и опасный. Очень не хотелось бы обнаружить, что ее дальнейшие действия будут опираться на слабую, ненадежную основу предыдущих ходов.

Поэтому она, взяв с прозрачного столика кружку хорошего крепкого Варского настоя и поплотнее запахнув полы мяг-

кого теплого халата, волевым усилием материализовала перед глазами схему игры, неярко мерцающую огненно-рыжим светом в темноте. В своем убежище она могла творить и не такие вещи, а что будет, когда первая спираль завершится! У нее аж дух захватило от перспектив. Что ж, сейчас речь все-таки не о том, что предстоит, а о том, что уже сделано.

Итак, первая спираль игры: мертвы верховный казначей и помощник (брат Аргомантиса-младшего, что позволило ввести в игру мальчишку – разобраться с ним будет очень непросто, но для выхода на второй виток без этого будет не обойтись). Мертва королева-мать – таким образом, в игру был введен сам Круел Унгурабут, который очень пригодится на втором этапе. Этот шаг был для Омбро самым неприятным, но без него в дальнейшем возникли бы серьезные проблемы.

Министерство культуры и пропаганды лишилось сразу и руководителя, и заместителя. Обе должности до сих пор вакантны, временно исполняющим обязанности назначен Салахакара Савоне, что и было нужно. Парень не должен подвести, даже если он и вполтину не так крут, как его брат.

Собственно, Салахакара теперь тоже напрямую введен в игру, правда, чуть раньше, чем Омбро планировала, но это не критично.

Какие фигуры все еще остаются не на своем месте? Капитан Теманов – но это ненадолго, следующим шагом Омбро переставит его куда надо и сбросит с доски. Их случайная

встреча в полицейском управлении пойдет даже на пользу плану.

Революционеры во главе с Ванти Кхалой – эти ребята еще некоторое время будут ей полезны, и как раз от них сейчас зависит дальнейшее развитие событий. Если они выполняют все в строгом соответствии с ее приказами, дальше все пойдет как по маслу. Если нет – что ж, у нее, как всегда, имеются запасные варианты.

Ее размышления прервало оповещение о новом письме. Она внимательно прочитала текст и рассмотрела приложенные фотографии. Что ж, последнее беспокойство покинуло ее – Кхала отработал на отлично. Омбро ощутила даже что-то вроде благодарности – непривычное для нее чувство, но в данной ситуации вполне оправданное, стоит признать.

Ну, вот теперь она могла окончательно расслабиться и просто ждать.

Глава 8

Кевар

Кевар беспокойно дремал, ворочаясь на жутко неудобном матрасе с втыкающимися в бока пружинами, когда дверь камеры открылась, и в проеме показался Джуджур. Он тяжело дышал, как после быстрого бега, на лице застыло странное выражение: сочетание напряженного беспокойства и плохо скрываемой радости.

– Дружище, у меня к тебе есть две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

Аргомантис с трудом разлепил глаза, почесал отросшую за полтора месяца бородку и ответил хриплым голосом:

– Дай угадаю: меня завтра повесят, но при этом вежливо извинятся?

– Не угадал! Новость номер один: только что пришло сообщение об убийстве... ты не поверишь, самого министра Кафраша!

– Ох, звездная гонорея! – выругался Кевар и сел на кровати, недоверчиво глядя на Теманова, – как так вообще? У него же охрана была чуть ли не круче, чем у короля.

– Это, похоже, и сыграло в итоге злую шутку с Кафрашем. Убийца, как мы считаем, проник в здание министерства обо-

роны под видом одного из многочисленных гвардейцев или военного, или полицейского. Так или иначе, но сделано все на должном уровне, стоит признать!

– Вот это действительно мощно – теперь найти нового кандидата на должность министра обороны будет почти невозможно, мало кто согласится рискнуть. А это кстати была какая из двух новостей: хорошая или плохая?

– Смотри-ка, а ты не растерял свое странное чувство юмора за время отдыха в нашем заведении. Хорошая новость заключается в том, что к тебе больше ни у кого нет никаких претензий – почерк на месте преступления однозначно Омбро, так что все подозрения с тебя сняты. Кроме того, это, на самом деле, не первое убийство за время твоего заключения – уж извини, но мы решили перестраховаться.

– Здорово, – бесцветным голосом ответил Кевар, – мне кажется, что я уже месяц назад тебе об этом говорил. Вы, конечно, молодцы. Хотя я не удивлен – сам бы также поступил, думаю. Но хорошо еще, что эта самка астероидного выползния прохлаждалась не пару-тройку лет или вообще не умерла – а то сидеть бы мне тут до конца моих дней.

– Ну, это вряд ли. Лет через десять тебя бы все равно повесили или расстреляли. Ну а теперь ты волен выбирать: либо остаться тут, под нашей защитой, либо выйти на свободу. Но имей в виду, что тогда я абсолютно не могу ручаться за то, что с тобой все будет в порядке. Людей у нас и так не хватает, а сейчас – особенно. Все силы брошены на поиски этой

маньячки, и я не смогу предоставить тебе личную охрану. Ну, и, кроме того, я сам скоро улетаю на твою Фрактуру, так что даже я не смогу тебе помочь, если что.

– Джуджур, поверь, мне ваша охрана абсолютно не нужна. Верни мне мой костюм и покажи дорогу к выходу – видеть больше не могу этого места. А Фрактура – она не моя. Но я желаю тебе удачи.

Джуджур как-то грустно улыбнулся, протягивая Кевару его запястный компьютер. Через полчаса капитан уже высаживал лорда из служебного космолета у крыльца поместья Аргомантисов. На пороге Кевар обернулся смотрящему ему вслед Джуджуру и сказал:

– Дружище, спасибо тебе за все. Я надеюсь, вы сможете найти эту сволочь раньше, чем она устроит в городе и стране окончательный хаос.

– Я тоже на это надеюсь, Кев... А еще я надеюсь на то, что ты больше не будешь пытаться ввязаться в это дело. Кто знает, может, если ты выйдешь из игры, Омбро не попытается до тебя добраться.

– Я постараюсь, Джуджур. Я постараюсь.

Капитан кивнул, закрыл крышку кабины и поднял безднолет в воздух. Кевар смотрел вслед кораблю, пока он окончательно не скрылся в бесконечном транспортном потоке вдалеке.

Лорд сидел на веранде поместья, выходящей в сад, бес-

смысленно и отрешенно глядя на буйную зелень и пестрящие тут и там цветы. В воздухе стоял терпкий аромат цветущих акаций, переплетаясь с запахами-полутонами роз и ирисов. По саду порхали маленькие яркие пичуги, беззаботно переговариваясь высокими голосами.

Но все это оставалось далеко за пределами его восприятия, как какой-то странный мираж, будто все это было где-то невообразимо далеко. Мысли Кевара были не здесь и не сейчас, он все пытался разобраться с тем, что происходило с ним в последнее время. Ему вдруг стало окончательно понятно, что на самом деле все началось намного раньше, но вот когда – пять, десять, двадцать лет назад? А может, он попал в какой-то водоворот сумасшествия, даже еще не родившись?

Аргомантис начал осознавать, что уже не сможет сам разобраться в происходящем – память продолжала подводить, хронический недосып, вызванный постоянным нервным напряжением, отуплял и не позволял сосредоточиться. Ему очень нужна была помощь, он это так остро почувствовал, пожалуй, впервые в жизни. Однако, в этом городе почти не осталось людей, которым он мог бы хоть немного доверять. Но ведь кто-то же должен был остаться. Хоть кто-то во всем чертовом городе.

Кевар резко мотнул головой, возвращаясь из глубокой задумчивости в реальный мир. Надо действовать, надо срочно что-то делать, пока он еще может хоть как-то контролиро-

вать ситуацию и сохранять здравый рассудок.

И он вдруг отчетливо понял, к кому пойти. Единственный человек, к которому он мог сейчас обратиться. Он не хотел показывать свою слабость, но у него не осталось иного выбора – либо окончательно погрязнуть в болоте мыслей и всплывающих обрывочных воспоминаний, в завихрениях необъяснимых событий, либо пересилить себя и все же встретиться с Сессилией Вайт.

Он предпочел выбрать второй вариант. Стараясь побороть неприятные мысли, он связался с ней по прямому каналу. Она ответила почти сразу:

– Кев, я ждала твоего звонка. Готова принять тебя в любое время, приезжай.

– Встретимся у тебя, через час. Сможешь?

– Ладно, постараюсь уйти раньше из офиса. Не забыл, как до меня добраться?

– Думаю, нет. До встречи.

Услышав знакомый голос, спокойный и уверенный, Кевар почувствовал облегчение, пусть небольшое, но оттого не менее удивительное. Редко он ощущал такое от обычного обмена словами с другими людьми. Сессилии всегда удавалось влиять на него благотворно, даже (и особенно) в те времена, когда все в его жизни шло не лучшим образом.

Ровно через час он стоял около двери ее квартиры, в широком коридоре верхнего этажа западного жилого комплекса-шара. Пару минут он просто смотрел на полированную

металлическую дверь, вернее на свое слегка искаженное отражение в ней. Хотя свое ли? Он так привык к маске, которую носил столько лет, что непроизвольно уже ассоциировал себя с ней. Но ведь у него серые глаза, а не ярко-голубые с неоновым свечением, верно? И эмоций, должно быть, несколько больше.

Он мотнул головой, отгоняя мысли, сосредоточился и уверенно постучал в дверь. Она открылась почти тут же, и в проеме он увидел Сессилию. Она была без маски, и медового цвета волосы волнами спадали на неприкрытые плечи. Смелый, уверенный и добрый взгляд карих глаз пристально оглядел гостя, тонкие губы сложились в искреннюю, приветливую улыбку. Она жестом пригласила его войти.

Квартира выглядела почти так же, как и много лет назад, когда он был здесь последний раз, разве что добавилось несколько керамических ваз разного размера, выставленных на полках под потолком.

– А твоя коллекция неплохо разрастается, – с улыбкой заметил он.

Сессилия не ответила, только спокойно улыбнулась и подтолкнула Кевара ко входу в кабинет; он послушно прошагал по длинному слабо освещенному коридору. Кабинет Сессилии был обставлен с функциональной лаконичностью: в дальнем углу, справа от широкого наполовину завешенного окна примостился небольшой рабочий стол красного дерева, а самый центр комнаты занимала большая обитая ко-

жей кушетка. Рядом с кушеткой возвышалось глубокое мягкое кресло, которое скорее подходило для того, чтобы в нем утонуть ненастным вечером с кружкой кофе и любимой книгой. Сессилия грациозным движением запрыгнула в кресло, забравшись в него с ногами, и указала Кевару на кушетку. Он послушно опустился на пружинистую скрипящую обивку и искоса посмотрел на женщину. Она выжидающе глядела на него. Он тяжело вздохнул и ввел комбинацию на ручном компьютере, сворачивая костюм.

– Вот так-то лучше. Ты же пришел на прием к практикующему магу-психологу, а не на светский прием. Здесь маски не нужны. Теперь можем приступать. Что ты хочешь получить от этого разговора?

– Разобраться с тем, что сейчас со мной происходит. Впервые, состояние ухудшилось во время службы. Но события, в которых я погряз после возвращения с фронта, усугубили все это в разы...

– Как твои воспоминания, есть улучшения?

– Не сказал бы. Последнее время все чаще появляются какие-то обрывки, но это не приносит облегчения – скорее наоборот. Мне страшно, Сессилия. Но я чувствую, что теперь смогу вспомнить. Если ты сможешь.

– Если ты сам действительно веришь в то, что твоя стена в памяти треснула, то я и правда смогу тебе помочь доломать ее. Но я могу лишь направить тебя, всю работу ты должен сделать сам.

– Я знаю. Просто помоги мне.

– Хорошо. Сейчас я погружу тебя в транс, и дальше стану твоим проводником. Но только на время, потому что когда ты окажешься за стеной, в своих воспоминаниях, ты уже будешь предоставлен сам себе. Тогда будь аккуратен. Если почувствуешь дискомфорт или заберешься слишком глубоко – сразу выбирайся, просто пройди тот же путь в обратном направлении. Есть такие уголки сознания и подсознания, которые нельзя ворошить.

– Хорошо, Сессилия. Я просто хочу разобраться во всем.

– Хорошо. Начнем.

Из динамиков, расположенных в полу вокруг кушетки, раздался размеренный шум моря – звук прибоя, чистый и глубокий, расслабляющий и в то же время вызывающий острую концентрацию. Дыхание Кевара становилось все более размеренным и спокойным, он переставал осознавать, где он находится, вместо темноты перед глазами начали проступать смутные картинки, сначала как будто в дымке, а потом пелена спала с глаз.

Вокруг повсюду простор, луга да холмы. Я смотрю по сторонам, и везде, куда ни глянь – лишь колышущаяся темно-зеленая высокая трава до самого горизонта.

Нет, не повсюду. Если смотреть против низко висящего солнца (похоже, катится к заходу, такое красное, яркое, что больно смотреть), то вдалеке, почти за гранью зрения, мож-

но различить что-то черное, как будто кто-то карандашом прочертил четкую линию по горизонту.

Ага, это же Стена. Далеко идти, но что делать, надо. Раздвигая руками мягкую густую траву, почти достающую мне до груди, я медленно шагаю босиком по теплой земле. Травинки щекотно прикасаются к телу, и я осознаю, что на мне нет одежды. Чувства дискомфорта и неудобства как будто нет, хотя я знаю, что я тут не совсем один.

Я иду, а над головой звучит голос, негромкий, но вкрадчивый и спокойный: «Ты помнишь, кто ты?» Помню, я – это я, а кто же еще. «Кто ты?». Кевар Аргомантис, кто же еще. «Ты понимаешь, где ты?» Я на подступах к своей памяти. «Зачем ты здесь?» Хочу понять, что со мной. «И это все?» Я хочу вспомнить. «Что вспомнить?» Все.

За этим странным разговором я не замечаю, как оказываюсь у подножия высокого холма, на вершине которого возвышается Стена. Смотрю по сторонам, вдруг есть какие-нибудь ворота, но Стена сплошная, и тянется так далеко в обе стороны, что захватывает дух – конца-края не видно. В высоту она тоже огромная – чтобы увидеть ее верхушку, мне приходится задрать голову так сильно, что я чуть не падаю на спину.

Карабкаюсь по склону холма к подножию Стены, тяжело дыша, приваливаюсь к ее бетонной поверхности. Она немного шершавая и очень, очень холодная.

«Ты видишь трещины?» Нет, не вижу. Она монолитная.

«Смотри внимательней».

Я всматриваюсь в поверхность Стены, и правда, теперь вижу тонкие змейки трещин, бегущих по ее поверхности.

«Ты помнишь, что должен сделать?» Да, помню. Но она такая большая... Я не уверен, что смогу. «Ты сможешь. Главное – верь в себя. Бей».

Я размахиваюсь и со всей силы бью кулаком по шершавому бетону. Удар невероятной болью отзывается во мне, но не в руке – нет, рука абсолютно ничего не ощущает, – а в голове, где-то в самой глубине моего мозга. Эта боль, как мощнейший взрыв, она заставляет меня согнуться пополам, но при этом будто очищает. Взрывная волна и яркая вспышка проносится по лугам откуда-то из-за спины, толкает меня, и я падаю в траву. Но я слышу, я отчетливо и ясно слышу, как трещит стена. На меня сверху падают мелкая бетонная крошка.

«Продолжай». Но мне больно! «Продолжай, борись со стеной, и ты победишь. Ты никогда еще не был так близок к цели – так не сдавайся». Хорошо.

Я встаю. А что мне еще делать? Раз уж пришел сюда – надо довести дело до конца. Один раз перетерпел боль – потерплю еще.

Новый удар – новая волна и боль. На пятый раз боль становится слабее, хотя, может, просто я привыкаю. Но я продолжаю бить, и снова, и снова. Голова становится пустой и гулкой.

Стена начинает рассыпаться, от ее недавней неприступности не остается и следа.

Последний удар – и прямо передо мной открывается узкий, неровный, но настоящий проем. Я, не веря глазам, заглядываю в него.

За стеной – выжженная черная пустыня, с покореженными останками деревьев и голыми камнями.

«Ты справился. Иди туда». Нет, не хочу, мне страшно. «Иди, иначе все зря. Все будет хорошо, ты справишься». Мне очень страшно, я не знаю, что меня там ждет. «Там – только ты и твое прошлое. Твоя жизнь. Больше ничего. Все это ты уже прожил один раз. Просто прими это». Ты пойдешь со мной? «Нет, дальше – глубины твоего разума. Дальше ты сам по себе. Но ты справишься и без меня. Раз ты смог сломать стену, то и дальше справишься».

Я протискиваюсь боком через пролом в стене, обдирая кожу об острые бетонные края. Стена очень толстая, и я ползу через нее долго, несколько минут. Но вот я уже по другую ее сторону. Оглядываюсь назад – стены нет. Повсюду лишь выжженная пустыня. Ощущение чужого присутствия исчезло. Я здесь один, совсем один. Мне очень одиноко и страшно, эти чувства захватывают меня полностью, я опускаюсь на горячий песок, подтягиваю ноги к подбородку, и сон поглощает меня.

Я просыпаюсь от грохота, такого невообразимого, что за-

кладывает уши.

Я стою. На мне космокостюм. Вокруг стена пыли и яркие вспышки, то тут, то там.

Странно. Я знаю, что сейчас будет происходить, хотя вроде бы и не должен. Это непонятное ощущение, будто ты – это ты и не ты одновременно. Будто ты знаешь и не знаешь, что произойдет.

И все-таки я чувствую, что будет в каждый следующий момент, как будто это уже происходило со мной. Или происходило? Но со мной ли?

Костюм на мне, в руках – штурмовая винтовка. Вокруг идет бой. Рядом со мной – тени, очертания товарищей, размытые завихрениями песчаной бури. Мы идем вперед клином, на острие которого – Фаэтон Савоне. Сейчас я сосредоточен на перекрестье прицела, высматривая противника, но краем глаза я все равно наблюдаю за крупной, уверенной фигурой командира. Этот человек всегда вызывает во мне уверенность, надежду – его отвага, рассудительность, доброта возвращают веру в будущее.

Я нажимаю на спусковой крючок, вылетает оранжевый сгусток энергии – впереди падает темный силуэт. Это уже не первый мой трофей в этом бою, и не последний.

Не знаю, откуда во мне сейчас это странное чувство: глубочайшее удовлетворение и осознание, что я под защитой.

Я осознаю, что на самом деле сейчас я – всего лишь наблюдатель, я не могу контролировать свое тело, оно будто

живет своей жизнью. И мне остается только смотреть за происходящим, устроившись поудобнее в собственной голове.

Когда это понимание проносится в моих мыслях, я будто отодвигаюсь от собственных глаз внутрь себя, и обнаруживаю себя в просторной комнате, наполненной светом, люющим из двух огромных окон в стене напротив глубокого мягкого кресла, в котором я сижу, забравшись с ногами. За окнами, будто это огромные экраны, я вижу все ту же картину – песок, бой, выстрелы. Я всего лишь зритель. Я ничего не чувствую по поводу происходящего за окнами – я знаю, что меня защищают, что мое участие не нужно.

Тень по правую руку от меня падает, и я – который снаружи – поворачиваюсь, наклоняюсь, пытаюсь помочь товарищу, но он мертв. В груди его брони проплавлено сквозное отверстие. Это Толстяк Джекли.

Я осознаю самым краем сознания, что раньше я не помнил, как погибли мои друзья, но теперь, увидев искаженное болью лицо друга, вспоминаю, как один за другим гибли товарищи...

Эти воспоминания накрывают меня резкой волной – будто кто-то в моей голове открывает дамбу, долгое время удерживавшую немислимое количество ледяной воды. Поток осознания-воды сносит меня и начинает кружить, затягивать, и, наконец, накрывает меня с головой.

Я вновь открываю глаза и сначала не могу понять, отчего

все вокруг такое огромное: гигантские трехголовые лошади, а на них – гиганты. Наконец до меня доходит. Мне пять лет, я еду на крохотном пони, рядом брат. Впереди на скакунах – родители, они ссорятся. Это тот самый день. День смерти моей матери.

И я теперь уже знаю, что сейчас произойдет. Это осознание вновь приходит как поток воды, но он уже не такой мощный, и он не накрывает меня с головой, освобождения нет – я вынужден безвольно и беспомощно смотреть эти кадры до конца.

Вот мы приближаемся к красивейшей смотровой площадке на краю Синей Пропasti. Там, внизу, клубится туман, но сквозь него видно слабое синее сияние кристаллов.

Я подъезжаю поближе к родителям и слышу обрывок разговора, мать с надрывом в голосе говорит:

– Я не позволю тебе отдать его им! Если ты не смог добиться в свое время своего – то не надо свои неудачи пытаться компенсировать ребенком!

– Это вопрос решенный, в свое время он станет их орудием. Не мне выбирать, и уж тем более не тебе. От него зависит многое, а от них – еще больше. Ты никогда не сможешь этого понять. Есть вещи, которые стоят намного выше наших желаний, – спокойным, но таящим опасность голосом отвечает отец.

– Но это же твой ребенок, твой сын! Это не инструмент, не разменная монета!

– Нет, он – именно инструмент, это его судьба. Такого рода вещи не подвластны нам. Они все равно заберут то, что причитается им, и их не волнует, хотим мы этого или нет. Можешь мне поверить, я достаточно времени с ними знаком.

– Я не отдам его. Я заберу и спрячу его, и ты не сможешь мне помешать, – в голосе матери слышна абсолютная уверенность, которая может быть, только когда мать говорит о своем ребенке.

– Что ж, я знаю тебя и верю, что ты не отступишься. Но твое самодурство может все испортить. Прости, дорогая.

С этими словами отец коротким, быстрым движением бьет скакуна матери по крупу. Тот встает на дыбы, испуганно ржет и делает несколько неосторожных шагов навстречу пропасти.

Я как в замедленной съемке вижу, как огромный конь с матерью в седле начинает падать в пропасть в бесконечную туманную синеву. Последнее, что я вижу – это ее лицо. Спокойное, немного удивленное – и ее глаза смотрят прямо на меня. Мне кажется, что ее губы шевелятся, говоря: «Я тебя люблю».

Я снова открываю глаза. Вокруг высокие диковинные деревья, обвитые светящимися всеми мыслимыми цветами лианами. Над головой – мириады звезды, от их света все видно ярко, будто днем.

Я снова в космокостюме и с винтовкой в руках. Рядом со

мною, прячась в тени деревьев, крадется генерал Савоне.

Впереди, за небольшим холмом, я вижу трепещущий свет костров. Я знаю, что это деревня, и знаю, что нам предстоит сделать там. Мы делали такое уже сотни раз.

Я не хочу этого делать, и в то же время что-то внутри меня рвется вперед, рвется, жаждет действовать. Я не могу с ним бороться, ведь я – всего лишь безучастный наблюдатель.

Мы черными тенями спускаемся со склона холма в деревню, освещенную десятками костров. Вокруг все нарядно, празднично. Поселение отрезано от остального мира, и жители не знают, что случилось в сотне километров от них пару часов назад. А если бы и знали – им бы это не помогло.

Мы разделяемся. Из-за угла мне навстречу выходит смуглый мужчина, в одной набедренной повязке. Пуля в лоб. Я не могу остановить палец, нажимающий на спусковой крючок винтовки, я могу только беззвучно кричать от ужаса. Зачем я этого делаю? Почему это происходит именно со мной?

Еще один мужчина, еще один труп. И еще, и еще. Потом сразу три женщины.

Я заглядываю в одну лачугу – пусто, в другую – и там тоже. Захожу в третью.

На меня смотрит пара внимательных, серьезных глаз. В них отражаются красные огоньки моих визоров.

Девочка меня не боится. Она знает, зачем я пришел и что я хочу сделать. И все равно не боится. Она просто стоит и смотрит на меня снизу вверх.

– Ты болен, очень, очень сильно болен. Тебе плохо. Тебя расщепило при рождении, и твоя судьба – сплошь страдание и боль. Но ты сможешь, сможешь излечиться. Нескоро, нет, не скоро. Но сможешь. Если захочешь, – девочка говорит странным, глубоким, совсем не детским голосом. Это даже не один голос, а целый хор низких, странно вибрирующих напевов.

Я молча смотрю на девочку. А она говорит, и говорит, и говорит. Что-то внутри меня очень хочет, чтобы она замолчала, но сейчас я так же сильно хочу, чтобы она говорила, и она говорит. Я знаю, что это очень важно, хоть и не могу пока понять, почему.

– В тебе есть много силы, но так мало света. Без света твоя сила растворяется в глубине, таящей тень и смерть. Найди способ высвободить свой свет, и ты станешь по-настоящему сильным. Сильнее всех на свете. И сможешь нас всех защитить. Но не сейчас. Сейчас ты не сможешь. Сейчас ты забереешь ее в Бездну, и она встретит там всех, кого ты забрал раньше.

Я делаю то, что мне говорит этот хор голосов, и почему-то тут же забываю ее слова, будто кто-то неведомый тряпкой стирает их с доски моей памяти.

Кевар очнулся так резко, что от неожиданности сел. Все воспоминания теперь были при нем, его жизнь впервые за двадцать пять лет сложилась в нечто осознанное и целост-

ное, однако сейчас ему было никак не легче от этого – настолько жуткими оказались эти выпавшие воспоминания.

Но все же многое встало на свои места – и поведение отца после смерти матери, и то, что все-таки произошло на Фрактуре.

В то же время и новых вопросов появилось немало: о чем говорили родители? И, главное, куда и каким образом исчезали его воспоминания?

Кевар огляделся. Точнее, он попытался оглядеться, но ему это не удалось, поскольку он оказался в полной темноте. Что за черт? Сколько же он блуждал по глубинам своей памяти, что вокруг такая темень? Впрочем, он тут же осознал, что он уже не лежит на кожаной кушетке в кабинете Сессилии, а сидит в глубоком мягком кресле. Что происходит? Где он?

– Привет, братишка, – раздался голос из темноты. Голос был незнакомым, но при этом таким... родным? – У тебя много вопросов, и, на твоё счастье, у меня есть на них ответы – как всегда.

– Кто ты? И где я, ради Великого Кристалла? – Кевар хотел скрыть сквозящий в голосе страх, но ему это не удалось. К тому же какой-то частью сознания он осознавал, что сейчас ему не удастся скрыть ничего.

– Да, Кевар, у тебя правда не получится от меня ничего скрыть – я слишком давно тебя знаю. Кто я, ты скоро поймешь. А где... Считай, что ты у меня в гостях. По твоей вине здесь я провела большую часть своей жизни. Но теперь это

уже в прошлом.

– Что вообще происходит? – уже почти истерично повторил вопрос Кевар.

– О, это уже теплее. Происходит... Как бы тебе сказать. Происходит знакомство, инициация... начало нового витка спирали.

– Какой еще спирали?

– Спирали нашей с тобой игры. Игры, которая началась задолго до твоего рождения, но закончить которую предстоит именно тебе. Не без моей помощи, конечно.

– О какой игре ты говоришь?

– О, тебе еще предстоит узнать об игре. Чтобы ты сложил хотя бы общее представление о ней, скажу: нас не устраивает то, как устроен мир. Нас не устраивает, что происходит с человечеством. Нас вообще много чего не устраивает – как и многих других. Но в отличие от многих, мы решили действовать. И эта честь досталась мне. Вернее даже нам с тобой – поровну.

– Постой. Ты – Омбро? Омбро Кашита? – с еще большим ужасом спросил Кевар.

– Конечно, а кто же еще. Настало время нам с тобой познакомиться. Самое время.

– Что ты со мной собираешься сделать? Я не могу тебя никак интересовать – я не политик, у меня не власти, я даже уже не пытаюсь встать у тебя на пути. Зачем я тебе?

– Кевар, что за глупости. Ты никогда и не стоял у меня на

пути. Ты вообще оказал мне в свое время такое немислимое одолжение, что я даже не могу на тебя злиться за глупые поступки – ну, вот например, за то, что отпустил Змея. Но я даже не разозлилась на тебя – ты еще так молод и неопытен...

– Откуда ты знаешь?..

– Я знаю о тебе все, можешь мне поверить. Я знаю, когда ты первый раз поцеловался, я знаю о твоём сложном романе с доктором Вайт – если бы не твой уход на фронт, у вас даже могло что-то получиться. Я знаю, когда и как ты первый раз тайком выкурил свою первую трубку и что ты творил в студенческие годы во время загулов. Я даже знаю, как ты любишь подольше посидеть в сортире, читая книжки.

– Да кто ты вообще такая? – упавшим голосом проговорил Кевар.

– А еще я знаю, что случилось с твоим братом Крриком.

– А я не знаю, – вырвалось у Кевара.

– Конечно, потому что этим воспоминаниям я не позволила открыться тебе – к ним ты еще не готов, рано.

– Да что ты такое несешь? Отвечай, кто ты!

– А ты еще не понял, Кевар?

Неожиданно тьма в паре метров от него стала будто бы еще гуще, она начала принимать подобие формы, очертания человека. Наконец, эта осязаемая, глубокая темнота начала рассеиваться, и вокруг будто появился некий свет. Этот свет тоже был странным – он высвечивал только два кресла и сидящих в них людей, вокруг все так же была непроглядная те-

мень. На Кевара светил неоновый голубой свет, на сидящего в кресле напротив человека – красный. Кевар поднял голову, чтобы разглядеть источники света, и ему на мгновение показалось, что над его головой в темноте – два гигантских глаза-визора, синий и красный. Он тряхнул головой, отгоняя жуткое видение и попытался сосредоточить взгляд на человеке напротив. Это удалось ему не сразу, но через несколько мгновений он смог как следует разглядеть его.

Омбро Кашиту можно было назвать интересной, даже красивой девушкой. Ей на вид было около тридцати. Аккуратные аристократические черты лица: тонкие губы, высокий лоб, длинные волнистые темные волосы. Но все эти детали будто были неким незначительным приложением к ее глазам. Большие, выразительные глаза, очень темные и глубокие. В них будто таилась мудрость, смешанная с печалью, верой и опасностью. Красивое, но не по-женски жесткое лицо наискось через правый глаз пересекал тонкий шрам, но он, на удивление, не портил пугающую красоту ее лица, даже наоборот, добавлял какого-то мрачного шарма.

Это лицо показалось Кевару таким знакомым, и при этом таким странным – с его правильными женскими чертами, с тонким длинным шрамом, идущим из-под длинной челки через правый глаз и почти до верхней губы.

Но все эти странные следы, которые наложила на эту девушку жизнь, показались Кевару куда как менее пугающими, чем само лицо.

– Что? Как ты это делаешь? Что это за фокус?

– Это не фокус, Кевар. Это мое лицо.

– Нет, это мое лицо! – невольно выкрикнул Аргомантис.

– Нет, не твое. Вернее, не только твое. Наше лицо.

– О чем ты говоришь? – истерично продолжал спрашивать

Кевар. Он будто лишился последней опоры и теперь падал в бесконечную пропасть.

– Я знала, что ты не сможешь всего понять сразу и уж тем более поверить. Что ж, придется объяснять. Для начала уточню на всякий случай: конечно же, я – не ты, хвала богам. И ты, соответственно, не я. Но вот существовать друг без друга мы не можем. Еще бы, ведь у нас с тобой одно тело на двоих. Стоит признать, что осознала я себя далеко не сразу – только когда нам было пять лет, ну, ты даже уже догадываешься, после чего. И потом я уже не оставляла тебя ни на секунду. Я все время наблюдала за тобой и за нашей жизнью. Когда я была нужна – помогала тебе, брала твою боль и твои страхи на себя. Все-таки я намного сильнее тебя, уж извини, но это правда.

– Этого не может быть! Я никогда бы...

– Это естественная реакция: отрицание. Подумай, в какие моменты у тебя происходили провалы в памяти, как ты их называешь. Именно в самых сложных ситуациях я считала необходимым выбираться из своего укрытия – кстати, сейчас мы именно в нем – и брать контроль над нашим телом в свои руки. Мои методы, ценности и воззрения очень отлича-

ются от твоих, так что ты бы никогда не смог бы справиться с проблемами также эффективно, как я. Так что ты без меня не дожил бы и до десяти лет, поверь мне. Впрочем, и ты мне всегда был необходим – без тебя я намного слабее. Я не настолько внимательна и умна, к сожалению, у меня не такая феноменальная память как у тебя... в общем, мы необходимы друг другу – всегда были и будем необходимы. Особенно теперь, когда игра становится все более сложной и опасной.

– Я не верю. Я тебе не верю. Зачем ты все это говоришь?

– Скоро ты все узнаешь и поймешь. Но сейчас мне очень нужно, чтобы ты согласился на дальнейшее сотрудничество: по отдельности нам уже будет невозможно существовать, а план, или игру – называй, как хочешь – надо продолжать.

– Сотрудничество с тобой? С маньячкой, убивающей ни в чем неповинных людей? С сумасшедшей, утверждающей, что делит со мной тело? Ты вообще о чем?

– Я готова потратить немного драгоценного времени, чтобы объяснить тебе хотя бы малую часть того, что ты пока не понимаешь. Хочешь?

– Я хочу, чтобы ты оставила меня в покое и отпустила. Обещаю, что я больше не буду вмешиваться в твои дела.

– Я думала, что будет менее сложно, – вздохнула Омбро, – обычно ты не такой твердолобый. Что ж, тебя можно понять. И все-таки я объясню тебе некоторые вещи. В монастыре я получила определенные знания, которые прояснили, зачем я вообще существую. На самом деле наше с тобой существо-

вание намного важнее, чем ты мог даже предположить.

Слушай, Кевар, и запоминай, что я тебе сейчас скажу. Пойми – не бывает злых людей, есть те, кто не смог найти в себе добро. А суть добра – не в том, чтобы быть безупречным, а в том, чтобы искать, все время искать в себе, в окружающих, в мире вокруг лучшее, стремиться и совершенствоваться. И те немногие, кто избрал такой путь – путь очищения, роста над собой – именно они должны быть во главе общества. Но на деле всегда оказывается совсем иначе – заблудшие и потерявшие последние капли совести люди приходят к власти и получают возможность насаждать свои прогнившие взгляды другим. С помощью силы, с помощью лжи и хитрости. Они прикрываются красивыми речами, оберткой из будто бы благих намерений, они ловко манипулируют слабостями и верой людей, чтобы добиться своих личных корыстных целей. Эти тираны с ликами святых давно сбились с честного пути саморазвития, поиска добра и истины – они опустили руки и сами поверили в то, что в них не осталось ничего человеческого и праведного. Их ложные цели и ценности, ложное представление о себе полностью заменили и перекрыли все светлое, что в них когда-то было. А оно было – все дети изначально светлы и непорочны. И, кстати, стоит заметить, что в том, что с ними случилось потом, виноваты далеко не только они, но и их окружение: родители, учителя. Человека надо научить искать путь добра, иначе он растеряет остатки человечности.

Так или иначе, а наше общество давно нуждается, просто требует очищения от скверны, которая накопилась за долгие века. Эта скверна в разные времена имеет разные проявления, но она была всегда – и на заре развития человечества, и теперь, когда человечество приблизилось к концу своего жизненного пути.

Время от времени – крайне редко, намного реже, чем это нужно – возникают отдельные личности, достаточные сильные и чистые для того, чтобы хотя бы попытаться улучшить общество, но из-за того, что они не находят поддержки в обществе, это превращается в акт самопожертвования. Красивый, благородный, захватывающий дух – но оттого не менее бессмысленный и бесплодный. А даже если когда-то и случилось, что такой человек находил союзников и достигал цели, брал власть в свои руки – эта самая власть сбивала его со временем с пути, будто древоточец выгрызала сердцевину и стержень, превращая его в то, с чем он сам боролся в начале. Или, если он мог справиться с демоном власти, его все равно пожирала – на этот раз уже так называемые союзники, оказавшиеся не столь сильными духом. В любом случае, результат всегда один, и это замкнутый круг.

До Унгурабутов была другая династия правителей, до них – еще одна, до того человечество жило на планетах, и у них были свои правители, которые были ничем не лучше. Развитие общества, развитие человека как существа, эволюция – все это не смогло повлиять на неумение людей искать добро.

А знаешь почему? Потому что для человеческой природы свойственно идти по пути наименьшего сопротивления – где проще, там и лучше – так думает большинство. А что может быть проще того, чтобы опустить руки, поддаться слабостям и погрязнуть во лжи и фальши?

Чтобы как-то регулировать все это, умные люди давным-давно придумали религии. Религия – отличная штука, до тех пор, пока она не становится средством манипуляции массами, а поскольку она создана, в том числе, и для этой цели, вывод вполне очевиден.

При этом вера – совсем другое дело. Чтобы жить и идти правильным путем, нужно во что-то верить – а в бога или, скажем, в науку, не имеет значения. Человек без веры – как планета без орбиты. Куда-то летит, но рано или поздно все равно разобьется или сгорит.

И вот в Сокрытом Храме и монастыре на Фрактуре существует настоящая вера, вера в светлое будущее. А для того, чтобы оно наступило, нужны мы с тобой. Считаю, что мы – инструменты судьбы. Да, непросто начать воспринимать свою жизнь таким образом, но это необходимо. Дела, которые мы вершим по маленьким частицам – это великие дела. И абсолютно необходимые.

Ты меня понимаешь?

– Да, я тебя понимаю. Теперь понимаю, – задумчиво ответил Кевар, пристально глядя на девушку-близнеца, сидящую перед ним, – Но все эти смерти... Ничто их не может

оправдать.

– Еще как может, Кевар. Кто-то должен взять на себя непростую роль человека, который замазает свои руки в скверне и крови, иначе мир к лучшему не изменить. И уж так сложилось, что этот человек – мы с тобой. Хочешь ты этого или нет, тебе придется принять этот факт и пойти со мной. Я просто очень надеюсь, что ты сможешь осознать это достаточно быстро – мне уже сейчас нужна твоя помощь. А вместе мы сможем добиться очень многого, я бы даже сказала – всего, чего захотим. В нашем союзе скрыта огромная сила, которая все эти годы была раздроблена между нами и скрыта в глубине.

– Я не могу... Это неправильно, так нельзя.

– Это правильно, и так нужно. Сейчас я покажу тебе большую часть моих воспоминаний, связанных с игрой. Потом, когда ты будешь готов, я смогу разделить с тобой все свои воспоминания, и тебе многое станет понятно.

– Я не хочу... становиться... соучастником.

– Когда ты увидишь и поймешь то, что вижу и знаю я, ты захочешь. Поверь мне. А сейчас смотри.

На этот раз Омбро открыла поток осознания не постепенно, как раньше, а моментально. В голове Кевара сразу исчезло огромное количество прорех – не все, конечно, но многие.

Вот он возвращается из реабилитационного центра, но вместо кошмарных снов, которые Кевар видел последние месяцы, ночами он (или, вернее, не совсем он) обустроивает

склад в заброшенном районе. Вот он будто бы спит, но на самом деле смотрит на испуганное лицо брата, после чего пронзает его шею клинком. А вот он словно засыпает на летней террасе «Судьба Деткина», но в то же время крадется во дворец...

В огромной спиральной мозаике, которую он видит перед собой, становится все меньше пустых мест, воспоминания восполняют их. Конечно, отсутствующих элементов еще очень много, но теперь Кевар хотя бы видит само поле, саму спираль игры.

Это последнее осознание окончательно переполняет его – он больше не может бороться с бесконечной тяжестью, навалившейся на него. Он больше не может думать о том, какой выбрать путь – он это сделает, но не сейчас. Сейчас он просто хочет заснуть. Он закрывает глаза и отключается.

Глава 9 Начало

Омбро

Разговор с Кеваром оказался не таким удачным, как она ожидала. С другой стороны, сложно было рассчитывать, что парень сразу проникнется идеями Храма, и уж тем более, что он спокойно воспримет новость о втором существе, живущем в теле, которое он привык считать своим собственным.

Зато теперь, когда Аргомантис надолго ушел в себя, у Омбро появилась возможность без опаски взять на себя полный контроль над телом. Трудно, конечно, сказать, когда Кевар вернется в адекватное состояние, но Омбро рассчитывала хотя бы на пару недель свободы – тогда она успеет без лишних проблем осуществить последний этап первого витка игры.

Не без усилия она вынырнул на поверхность из убежища, оставив Кевара, свернувшегося калачиком, лежать там, в кресле. Даже укрыла его пледом.

Омбро приоткрыла глаза; снаружи было светло. Ей было непривычно видеть окружающий мир без красноватых оттенков визоров, поэтому поначалу яркий свет причинял сильную боль.

Она осторожно скосила глаза вправо – Сессилия сидела

всё в том же кресле и пристально всматривалась в ее лицо – в лицо Кевара, поправила она себя. Омбро неплохо разбиралась в лицевой экспрессии, бегло определила ее выражение лица и поняла, что Вайт не на шутку встревожена, хотя очень старается это скрыть.

– Привет, Сесси. Долго меня не было?

– Привет, Кев. Два часа сорок три минуты. Как ты? Что-нибудь вспомнил?

– Вообще ничего. Кажется, это безнадежно.

– Как ничего? А как же стена, ты же ее сломал, ты же попал в свои воспоминания!

– Стена? Какая стена? У меня такое ощущение, что я просто проспал все это время.

– Странно... Такого не должно быть! Всё же получилось, ты мне сам об этом говорил.

– Не помню, – Омбро старательно играла роль Кевара, изображала частичную амнезию и рассеянность. Потрясла головой, неуверенно села на кушетке, попыталась даже продемонстрировать опечаленное выражение лица, но с привычки в управлении собственными лицевыми мышцами у нее получилось лишь жалкое подобие эмоции, – я лучше пойду. У меня дела.

– Какие дела? Ты же решил отдохнуть, отвлечься от всего этого дурдома.

– Я передумал. Ладно, мне действительно пора, – Омбро встала и пошла к выходу, немного пошатываясь с отвыч-

ки. Почти всю жизнь она находилась внутри космокостюма с его усиливающими движения микромоторными суставами, и теперь, впервые за многие годы двигаясь самостоятельно, она испытывала дискомфорт. Слабые человеческие ноги, тоненький стержень позвоночника, держащий все тело. Чувство незащищенности – вот что всегда роднило обоих жителей тела. Кстати, тела кого? Омбро задумалась. Это тело объединило в себе две судьбы одного человека или два независимых разума – неважно, так чье же оно? Когда вернется Кевар, они будут учиться совместному управлению организмом, и им наверняка придется придумать какое-то общее самоопределение. И правда, времена Омбро, тени, прошли – она уже больше никогда не будет тенью. Да и Кевар уже вряд ли будет прежним. Впрочем, им это предстоит обсудить потом.

Омбро холодно и поспешно попрощалась с Сессилией, вышла из квартиры и по унылому коридору направилась к остановке общественного транспорта, прилепившейся к стене здания-шара. Что Омбро всегда раздражало в Кеваре, так это его чрезмерная осторожность. Аргомантис боялся водить летающие машины, кроме, разве что, безднолетов. И то без вмешательства Омбро порой не обходилось. Так что и в этот раз невольный компаньон прилетел сюда не на личном космобайке, а в консервной банке общественного летающего трамвая. А вот что Омбро прямо-таки ненавидела всей душой, так это толчею в транспорте. Если бы не соображе-

ния конспирации, она бы голыми руками передушила всех этих мерзких уродов, так и норвящих зажать, вытолкнуть, наступить на ногу и обругать.

Но, в то же время, вспоминая давние годы учебы в интернате, когда Омбро порой приходилось брать под контроль тело, в памяти тут же всплывал образ узкой улочки, покрытой булыжной мостовой, и старый красный трамвай, плывущий над ней. Ранний летний вечер, фонари уже зажглись, а вдали грохочет гром и уже пахнет приближающимся июньским ливнем. Влажный асфальт, свежий воздух смешиваются с запахами трамвая: немного пыли, немного мазута и озона от двигателей. Омбро сидит в трамвае, на скамейке, покрытой потрескавшейся от времени искусственной кожей, на последнем ряду. Кроме нее пассажиров в единственном вагоне нет. Старые лампы, так ей любимые, с мягким теплым светом, вычерчивают за окном причудливые тени, и мысли витают где-то далеко, в фантастических приключениях и вольной свободной жизни космических пиратов...

Она резко оборвала поток воспоминаний. Еще чего не хватало! Так можно по-настоящему стать размазней вроде Кевара. Видимо, эта зараза передается через общее тело, подумала Омбро и зло усмехнулась абсурдности своего предположения.

Перед входом на остановку она активизировал космокостюм. Не свой, конечно, а Кевара. Ей еще предстояло доиграть эту роль до конца, так что на время придется забыть

про такую привычную и, главное, эргономичную собственную броню. Когда маска закрыла лицо, Омбро поначалу с облегчением выдохнула, но тут же вынуждена была зажмуриться. Голубой оттенок визоров жутко резал глаза, моментально вызывая сильнейшую головную боль. С трудом перебарывая пульсацию в мозгу, Омбро принялась копаться в настройках компьютера, пока не нашла нужное меню. Мерзкий холодный свет сменился привычным красным, и мигрень тут же отступила.

Странная слабость немного раздосадовала Омбро, но она привычно восстановила душевное равновесие дыхательными упражнениями, которым ее обучили в Храме. Что ж, красные визоры так красные. Мало кто вообще обращает внимание на такие мелочи.

Над столицей медленно сгущались сумерки, искусственное солнце тускнело, над озером поднимался густой туман. К комплексу зданий, заселенных семьями полицейских и военных, Омбро добралась уже затемно. Пустые узкие улицы, пронизанные туманом, петляли среди мрачных бетонных коробок, заводя ее в унылый лабиринт типового жилья.

Она шла уверенно, чеканя шаги по мостовой. Омбро знала, куда идти – Теманов сам упоминал Кевару, где именно он живет. Тридцать седьмой дом, пятый подъезд, восемнадцатый этаж, отсек восемьсот сорок один. Омбро позвонила в дверь.

Капитан, несмотря на поздний час, был в полной амуни-

ции, только без маски – значит, все же решил лететь на Фрактуру сразу, без задержек.

– Кев, что ты тут делаешь? – удивился Джуджур, – и что у тебя с визорами? От недосыпа глаза покраснели?

– Я передумал. Не могу сидеть без дела, это просто невыносимо. В голову лезут всякие мысли... Мне правда нужно что-то делать, чем-то помочь.

– Хочешь полететь со мной на Фрактуру, что ли?

– Да. На самом деле я кое-что важное забыл тебе рассказать.

– И что же?

– Дело в том, что ты без меня там ничего не найдешь. Монастырь появляется только для посвященных – во всяком случае, так мне сказали.

– Про это я в курсе, ты мне сам это рассказывал, забыл, что ли? Но я не монастырь еду смотреть. С другой стороны, ты как раз сможешь мне помочь, – задумчиво ответил Джуджур, – слушай, а можешь отключить маску? Как-то некомфортно общаться с товарищем, когда не видишь его лица.

Омбро напряглась. Во-первых, ее поразило, что она не знала чего-то, что делал и говорил Кевар. Такого никогда раньше не было, и для нее это оказалось ошутимым ударом: о каких еще действиях парня она не в курсе? Во-вторых, она понимала, что, хоть лицо у них с Кеваром и общее, но личность откладывает свой отпечаток – выражение лица, микроэмоции – все это могло выдать ее. Впрочем, в итоге она

рассудила, что Джуджур не самый хороший психолог, и вряд ли что-то заподозрит. Свернула маску и посмотрела капитану в глаза. Несколько секунд они изучали друг друга, потом Теманов сказал:

– Ну ладно, просто удостоверился, что это действительно ты. Сейчас надо быть начеку, а еще у тебя этот непривычный цвет визоров...

– Да просто мигрень от ярко-синего света началась, красный комфортней. Сам, думаю, представляешь, как меня вымотали месяцы взаперти.

– Представляю...

На сборы у Джуджура ушло несколько минут, они вышли из квартиры.

– Кев, мне нужно заскочить ненадолго к матери с сестрой, попрощаться, оставить денег на всякий случай. Неизвестно, когда вернемся.

– Да не вопрос. Давай так: ты меня по пути закинешь в космопорт, я пока подготовлю корабль к полету и подожду тебя, – тут Омбро сообразила, что нужно успеть отключить болтливый искусственный интеллект корабля.

– Договорились.

«Эхо» одиноко стоял посреди пустого ангара, за несколько месяцев корабль покрылся тонким слоем пыли. Омбро включила компьютер и запустила проверку всех систем. Вот и назойливый искусственный интеллект не заставил себя

ждать:

– Кев, ты вообще нормальный? Я тут в губернии за столько времени чуть не свихнулся! Ты бы меня, что ли, хотя бы в аренду сдавал, раз сам прохлаждаешься по столичным кабакам, Бездна тебя подери!

– Закрой рот, железка. Сейчас я облегчу твои мучения и перекодирую твой мозговой центр.

– Что? – судя по интонации, Эхо был до крайности удивлен, что с компьютером случилось крайне редко. Видимо, интонации и слова Омбро у него совсем не вязались с привычным ему поведением старого доброго товарища Кевара.

– Я тебя отключу, чтобы не мешал. Очень много болтаешь. Кевар тебя терпел, а я не намерена, – с этими словами Омбро начала вводить команды в центральный компьютер, отключая поочередно все функции искусственного интеллекта.

– Ты не Кевар? Где он? Что с ним?

– Как же вы меня все достали... «Ты Кевар? Ты не Кевар?», – Омбро сказала это с интонацией, издевательски передразнивающей голос Эхо, – На – до – е – ло.

Каждый слог последнего слова она сопровождала нажатием на клавиши, активизируя изменения в программе искусственного интеллекта. Теперь Эхо, как и подобает нормальному компьютеру, стал просто безмолвным, полезным и ненавязчивым ассистентом, беспрекословно выполняющим приказы хозяина. Эта схема была понятна и очевидна Омб-

ро. Есть она, есть Игра и ее исход, ради которого она живет – а есть все остальное, и это все является необязательным приложением к первым трем столпам. Если что-то извне мешает, это необходимо устранить; если можно использовать – то она не упустит возможности. Вообще, использовать все и всех, что можно, было залогом ее мировоззрения. Это было удобно, эффективно и давало отличные результаты. Единственным человеком, который понял этот ее подход, была Инисио. Видимо, это она в Омбро и углядела, когда она вместе с Савоне впервые прибыла в Храм. Скоро они увидятся снова – жаль, что тогда в Храме был Кевар, а не она – но так было нужно. Совсем скоро, только надо красиво и логично завершить первый виток Игры.

Капитан Теманов

Прощание с матерью и сестрой было тяжелым. Женщины не могли понять, почему их кормилец, их единственная опора снова не может быть рядом, да еще и улетает куда-то. Джуджур пытался объяснить, что это его долг, что он клялся в верности стране и не может поставить личные желания выше государственных. Но его логичные доводы тонули в слезах. Он не выдержал. Крепко обнял на прощание сестру, поцеловал мать в лоб и, оставив на столе стопку кредитных дисков, скопленную им на черный день за четыре года, вышел из дома. Неожиданно для себя самого обнаружил, что с его щек и носа капаят слезы. Стараясь не обращать на них внимание, он сел в крохотный кораблик и, подняв его в воздух, последний раз посмотрел на родной дом.

Кевар ждал его в корабле рядом с ангаром Аргомантисов.

– Долго ты.

– Да, так получилось. Извини.

– Ладно, надеюсь, навестаем. Паркуй свой хлам в ангаре и загружайся в Эхо.

Омбро

Не обремененный лишним интеллектом коп так и не понял, что теперь он имеет дело не со своим дружком-рохлей Кеваром, а с абсолютно другим человеком. Что ж, Омбро и не сомневалась в его компетенции, хотя и испытала некоторое разочарование. Поначалу она так надеялась, что нашла, наконец, достойного противника, в борьбе с которым она сможет хотя бы вполовину реализовать свой изощренный интеллект. Но, видимо, ей не суждено встретить кого-то, кто смог бы составить ей достойную конкуренцию. Ну и Бездна с ними.

А Бездна, тем временем, была вокруг. Тягостный перелет без криозаморозки и в гробовой тишине подходил к концу; навигационные приборы оповестили о приближении к Большому Астероидному поясу, а там и до Фрактуры, как известно, недалеко.

И правда, совсем скоро корабль прошел через оболочку кристалла, а еще через некоторое время достиг нужной звездной системы: крохотный голубовато-зеленый шар Фрактуры появился в лобовом иллюминаторе.

Когда они прошли верхние слои атмосферы, и внизу показались хвойные леса умеренного пояса, Джуджур попросил перевести управление на него, снизился до сотни метров и уверенно повел безднолет в сторону возвышающегося вда-

ли горного кряжа.

– Капитан, а куда мы направляемся?

– Сейчас увидишь, Кев.

Лес, простиравшийся на многие километры вокруг, неожиданно кончился, и взгляду Омбро предстала огромная степь, тянувшаяся до самых гор вдалеке. И все это открытое пространство было занято армией. Громадные транспортные безднолеты выгружали наземную технику, солдаты в зеленых космокостюмах ставили палаточные лагеря и сооружали бараки, а в самом центре расположилась гигантская станция командного пункта – Омбро видела уже такую раньше, на войне.

– Что это и для чего? – как можно более спокойным голосом спросила она.

– О, это подразделение специального назначения «Солво», они занимаются решением внутренних государственных проблем, находящихся вне компетенции полиции и даже армии.

– И что они тут делают?

– Подчищают за отрядом 379.

– В смысле?

– В прямом. Теперь я, кажется, все-таки понимаю, почему генерал Савоне в такой спешке покинул реабилитационный центр, и не устаю поражаться всей этой ситуации. Ладно, раз уж так получилось, что ты сам изъявил желание полететь на Фрактуру – то так даже интересней, верно, друг?

Омбро просто кивнула. Каким бы диким ей это ни казалось, она потеряла контроль над ситуацией и перестала поспевать за происходящим – видимо, примерка личины Кевара давала свои негативные результаты. Она сделала несколько глубоких вдохов, успокоилась и подумала: что ж, надо дать ситуации развиваться своим ходом и подстроиться под нее.

Джуджур посадил «Эхо» на импровизированную взлетную площадку между двумя крейсерами, и жестом предложил Омбро проследовать к выходу. Невозмутимо пожав плечами, Кашита прошла через трюм, открыла люк и вышла наружу, в лучи подернутого дымкой осеннего солнца. Капитан следовал за ним.

Их встречала целая делегация: пятеро бравых космических пехотинцев в модифицированных костюмах и шестеро обычных, наземных солдат. Они молча расступились, пропуская вновь прибывших вперед, и, не проронив ни слова, пошли следом.

До командного центра, вздымавшегося над лагерем, они шли достаточно долго, приходилось огибать бараки, палатки и космолеты. В динамиках шлема Омбро раздался звук входящего звонка.

– Кевар Аргомантис, слушаю.

– Это Советник. У нас, а в особенности у тебя, проблемы: полиция выяснила твою личность. У меня на столе лежит донесение королю и кабинету министров, и твое счастье, что

все подобные документы проходят через меня.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Прекрати прикидываться, Кашита: сейчас не до игр. Мы на одной стороне, и нам нужно действовать сообща и оперативно. Не знаю точно, кто в курсе ситуации, но бумага пришла напрямую от некоего капитана полиции Джуджура Теманова, в обход всего вышестоящего руководства.

– Я сейчас на Фрактуре, и тут куча военных, подразделение «Солво». Видимо, кто-то из их ведомства тоже в деле, – Омбро поняла, что, вероятно, скоро на одного союзника у него станет меньше – теперь, когда Советник знает ее секрет, он представляет серьезную угрозу. Надо будет обсудить вопрос его устранения с Инисио. Но это потом, сейчас надо выпутаться из сложившейся ситуации.

– Если так, то дело усугубляется. Значит, Теманов доложил о ситуации еще и генералу Каи, а он имеет право оперативно действовать без непосредственного одобрения командования. Я постараюсь разобраться с документами, но нам нужно придумать, чем их заменить: документы зарегистрированы как исходящие в их ведомстве, и просто так они пропасть не могут.

– Я, кажется, знаю, что делать. Тебе придется сделать две вещи: во-первых, изменить в документах самую малость, – гениальная в своей простоте идея пришла в голову Омбро внезапно и очень вовремя, потому что процессия уже входила в ворота командного пункта, – поменяй мое имя и имя

докладчика местами. Во-вторых, санкционируй обыск в вентиляционных шахтах Дворца Верховного Совета. Там должен быть пистолет – замени в полицейской базе номер личного оружия капитана Теманова на номер с этой пушки. А проблему на планете я решу сам. Надеюсь, твой брат тут все хорошо подготовил. Отбой.

Генерал Каи ждал их в главном помещении командного центра, в окружении офицеров. Они столпились возле интерактивного экрана, отображающего в реальном времени положении боевых единиц, и что-то горячо обсуждали. Когда они заметили вошедших, все разговоры мгновенно прекратились, и несколько пар мерцающих зеленым визоров уставились на них.

Омбро мгновенно оценила ситуацию и, заметив едва уловимое движение Джуджура вперед, готовящегося к докладу высокопоставленным лицам, нанесла превентивный удар. Сделав положенные по армейскому уставу два чеканных шага вперед, она приложила кулак к груди и громко отрапортовала:

– Лейтенант космической пехоты в запасе Кевар Аргомантис, с докладом. Доставил опасного преступника, известного как Кровавый Фанатик, или Омбро Кашита, для передачи под юрисдикцию военного трибунала. Подробный доклад отправлен в ставку руководства генералу Кафрашу, Кабинету Министров и Его Величеству, Великому Пророку Круелу Унгурабуту.

– Что?! – Теманов аж захлебнулся от возмущения. Омбро с торжеством уловила нотки отчаяния и обиды в голосе полицейского и самодовольно ухмыльнулась краешком губ.

– Лейтенант Аргомантис, у меня была другая информация о сложившейся ситуации. Объяснитесь, – генерал Каи удивленно склонил голову набок.

– Есть! – браво ответила Омбро, с искренним удовольствием отыгрывая роль честного и преданного вояки. Кроме того, ей нужно было как можно быстрее выдать свою версию событий, пока Теманов ловил ртом воздух, пытаясь прийти в себя, – как вам должно быть известно, я занимался расследованием убийств, совершенных Кровавым Фанатиком, вместе с полицией. Мне стало очевидно, что убийца получает информацию о ходе расследования, и я заподозрил, что он связан с полицией. Дальнейшие факты подтвердили мои самые страшные опасения: капитан полиции детектив Джуджур Теманов и является убийцей. Это подтверждает множество фактов: к примеру, в момент теракта в Полицейском управлении капитан не только оказался на месте преступления, но и единственный из всех остался в живых. Также, как мне стало известно, на места всех убийств, кроме одного, он прибывал первым, что подтверждают протоколы осмотров. Все это казалось мне подозрительным, но не имело никаких подтверждений. До сегодняшнего дня. Сегодня в ходе обыска на месте первого преступления в вентиляционной шахте был обнаружен модифицированный пистолет столичной по-

лиции с личным номером капитана Джуджура Теманова.

– Да что ты такое говоришь, сволочь! – сорвался на крик капитан и попытался ударить Омбро. Однако двое пехотинцев моментально отреагировали и скрутили ему руки за спиной, успев неслабо ударить в живот, так что полицейский сложился пополам.

– Капитан Теманов, если вы еще раз нарушите субординацию и попытаетесь напасть на кого-нибудь, вы будете незамедлительно доставлены в карцер, – сурово сказал генерал Каи и вновь уставился на Омбро, – лейтенант, по той информации, которую я получил от капитана Теманова перед вашим вылетом на Фрактуру, все дело выглядит с точностью до наоборот: это вы являетесь Кровавым Фанатиком, а капитан имеет неопровержимые доказательства вашей вины.

– Генерал, во время большей части убийств я находился в заключении в полицейском участке. К слову, этот арест, идущий вразрез со всеми законами Королевства, был санкционирован именно капитаном Темановым. Думаю, таким образом он попытался убрать меня, единственного разгадавшего его игру человека, однако у него ничего не вышло. Еще несколько фактов: в юности капитан Теманов был связан с сектантским культом, это указано и в его личном деле, вы можете это проверить, как и все озвученное мной ранее. И последнее: сегодня перед вылетом капитан снял со своего личного счета все накопления. Лично мне это кажется очень странным: подозреваю, что на эти деньги было куплено ка-

кое-то оружие. Кроме того, он на достаточно долгое время отлучился, прежде чем встретиться со мной в моем семейном ангаре. Он мог потратить это время на что угодно. Я не удивлюсь, например, если в ближайшее время в столице произойдет теракт.

Генерал задумчиво кивнул и опустил голову. Проверяет базы данных. Главное, чтобы Советник успел сделать все, что должен – иначе Омбро придется переходить к плану Б, а это был до невозможности некрасивый и грязный план, который испортил бы всю игру. Кроме того, план очень рискованный, а неоправданный риск для Омбро был сейчас недопустим.

Судя по всему, Савоне-младший все-таки в очередной раз оправдал свою профпригодность: через пять минут генерал Каи поднял голову и отдал короткий приказ. Четверо пехотинцев накинули на полицейского энергосеть, такую же, какой недавно парализовали Кевара, и отволокли в карцер. Слова ему так и не дали, на счастье Омбро. Если бы детектив начал приводить свои аргументы, подтвержденными реальными, не сфабрикованными, фактами, то Кашита моментально погорела бы. Но глупость людей, служащих власти, сыграла ему на руку в очередной раз.

Когда Теманова выносили из зала, Омбро проводила его взглядом. Никаких эмоций она не испытала. Это всего лишь естественный отбор: выживает тот, кто умеет наилучшим образом приспособливаться. Ничего лишнего и ничего лично-

го. Вот Кевар бы сейчас наверняка ощутил целый набор малофункциональных и бесполезных чувств: жалость, сочувствие, муки совести. Вот именно поэтому сейчас Кевар заперт в глубине сознания, а Омбро меняет мир и добивается результатов.

Теперь, когда опасность разоблачения осталась позади, нужно было быстро разобраться со второй проблемой – присутствием королевских войск на Фрактуре. Здесь все было вроде просто, но дело требовало определенных организаторских усилий от Омбро.

Она быстро связалась с единственным, кто мог помочь ему решить эту проблему:

– Генерал Савоне, это Омбро Кашита.

– Кашита, сейчас не самое удобное время для разговора...

– У нас, а в первую очередь, у вас, серьезная проблема, – оборвала его Омбро, – на Фрактуре сейчас находится группа армий «Солво». И, если не решить эту проблему сейчас же, она разрастется до неконтролируемых последствий.

– Откуда у вас эта информация?

– Оттуда, что я сам сейчас на планете. И, кстати, я вам уже говорила как-то, что глупо строить плацдарм в этом месте. Из-за ваших неосторожных действий и упрямства все наше дело поставлено под угрозу. Но, раз уж все получилось так, как получилось, пришло время проверить плоды ваших стараний в действии.

– Да, генерал, вы правы. Я незамедлительно отдам приказ

об атаке.

– Уж будьте так добры.

На этом разговор был закончен. В отличие от наивного Кевара, Омбро никогда не испытывал теплых чувств к Савоне. Этот человек был для Кашиты одной большой загадкой, и не вызывал у него доверия. Хотя, стоит признать, свое дело он выполнял хорошо.

Теперь Омбро предстояло только ждать и тянуть время, пытаясь увилить от вопросов о последней миссии отряда

379.

Капитан Теманов

События последнего часа смешались в его голове и превратились в какие-то смутные картинки из кошмарного сна. Везя убийцу с собой на Фрактуру, он представлял, как гордо и благородно убьет одним выстрелом двух варских зайцев: сначала эффектно сдаст убийцу и предателя генералу Каи, а потом с его же помощью покажет местоположение монастыря, в котором они уж непременно найдут ответы на все вопросы, если такие останутся после допроса преступника.

К чему он не был готов, так это к тому, что произошло. Он не мог понять, как такое могло случиться, что генерал поверил Аргомантису. Каким образом предатель получил доступ к базам данных?

Лежа в тесном металлическом гробу карцера, не имея возможности пошевелиться, Джуджур отчетливо осознал, насколько он сейчас беспомощен. Даже если строптивый генерал Каи не устроит самосуд и показательную казнь прямо тут, на Фрактуре, и его доставят в столицу, у него все равно мало шансов на спасение. В сложившейся ситуации намного вероятнее, что лживые аристократы, стоящие у власти, поверят сыну знаменитого Рора Аргомантиса, чем простому полицейскому. И неважно, что этот выродок Кевар (или Омбро, или как он там себя еще называет) скомпрометировал себя уже не один раз. Все равно Джуджуру уже не выбрать-

ся. Проявив неоправданную гордость и расслабившись, пожелав красивой развязки расследования, он сам подставил себя под удар врага, который оказался намного коварнее и хитрее, чем капитан считал.

Вскоре жалость к себе сменилась жалостью к матери и сестре. Как они смогут прожить без него, без его помощи и поддержки? Оставленных им денег хватит надолго, но достаточно ли их? А что, если на его семью устроят гонения после огласки дела и признания Теманова виновным в преступлении, которого он даже не совершал?

При этой мысли Джуджур понял, что сделает все возможное, чтобы выбраться, воспользуется любым самым малейшим шансом. Нужно бороться до последнего, даже когда ситуация кажется совсем безвыходной. Особенно, когда она действительно безвыходная.

Омбро

Когда Савоне коротко сообщил ей, что атака начнется через три минуты, Омбро как раз в красках доказывала генералу Каи, что никаких выживших наземных и уж тем более какой-то мистической армии на планете нет и быть не может. Показал несколько снимков из личного дела, демонстрирующих сожженные деревни и горы трупов. Аргументы ее неумолимо истощались, и доклад Савоне оказался как никогда вовремя.

Омбро на полуслове прервала свою пламенную речь и внимательно обвела взглядом главный зал командного центра. Толстые стены, изнутри звуки наружу вряд ли пройдут. В зале генерал, два полковника, майор и четверо лейтенантов, явно только из академии. У дальнего выхода пятеро космодесантников, у ближнего, за спиной – еще пятеро – те, что привели его от «Эхо», плюс шесть обычных солдат.

Что ж, не проблема, тем более, сейчас Омбро могла уже не ограничивать себя, как ей приходилось это делать в столице. Все, кто находился сейчас вокруг, были с самого момента их приземления на Фрактуре обречены, тут уж ничего не поделаешь. Генерал Каи – личность неординарная, можно даже сказать, легендарная, но и он ничего не сможет сделать против мощи Омбро и армии Савоне.

Что ж. Пора действовать.

Омбро еще раз окинула всех взглядом, кивнула и активировала свой костюм. По чешуйкам черный гвидоний сменил белый, всего за доли секунды. Одновременно с этим она сделала молниеносное движение рукой, концентрируясь на потоке энергии внутри себя и приводя его в гармонию с энергией вокруг. Так называемое «колдовство», «магия», а на самом деле умение управлением энергией, всегда тщательно скрывалось властью. К обучению и знаниям были допущены единицы во всем Королевстве, но и им применение этих умений позволялось только в самом крайнем случае. Инисио же и генерал Савоне выучили Кашиту всего за несколько лет, и ограничений на нее никаких никто не накладывал. Омбро надеялась, что Фаэтон также качественно натренировал и свою армию, что в скором времени и предстояло проверить.

Энергия, повинувшись воле Омбро, принимает форму огненного смерча. Нагретый воздух дрожит, и струя пламени, вылетая из левой ладони, моментально испепеляет генерала Каи. В тот же миг Кашита концентрируется на своей правой руке, и воздух вокруг нее становится очень холодным, густеет, накапливается и мощным ледяным копьем пронзает двух лейтенантов и полковника.

Что еще сделать с энергией, как применить ее? Она действует дальше уже сама. Тела троих солдат распыляются на атомы, двое других подлетают на невероятную высоту, расплющиваются о потолок и падают на пол. Остальных Омбро

расстреливает из табельного пистолета генерала.

Никто не успел отреагировать, даже издать звука. Но вот если бы она не заручилась их доверием – все могло бы быть совсем по-другому. Теперь нужно удалить все данные, чтобы невозможно было найти нитей, соединяющих «Солво» и Каи с Фрактурой, Кеваром Аргомантисом и Кровавым Фанатиком, Омбро Кашитой. На то, чтобы удалить все записи с камер и из базы данных, у нее оставалось не больше минуты, и она тут же углубилась в компьютер командного пункта, смахнув с сенсорной панели горстку пепла, еще несколько секунд назад бывшей легендарным генералом Каи. Как это ни странно, в этот момент Омбро ощутила слабую, но точно определимую эмоцию: жалость. Она моментально одернула себя, но неприятный осадок еще долго оставался – все же необходимость делить тело со слабым существом делало и ее слабее, так она думал.

Даже сквозь толщу металла она услышал грохот и крики, выстрелы пушек и взрывы. Началось. Торопливо закончив удалять данные, Омбро вынула из рук мертвого солдата винтовку и выбежала на улицу. Тяжелые металлические ворота станции захлопнулись за ее спиной, и Омбро, увернувшись от мощного выстрела, откатилась за стоящий рядом бронированный космобайк и спешно оценила обстановку. Судя по интенсивности звуков выстрелов, атака шла сразу по двум

фронтам: с запада и востока, т.е. со стороны леса и горного кряжа. Подумав еще пару мгновений, она решил двинуться в сторону гор – насколько она успела заметить, там было самое значительное скопление техники и солдат.

Быстрым шагом она направилась на звуки стрельбы и крики, лавируя между палатками, бараками и брошенной техникой. То и дело ей попадались бегущие в панике солдаты, которых она походя отстреливала короткими очередями. Трусость в людях она презирала наравне с глупостью.

Обогнув последний грузовой лайнер, она, наконец, добралась до ближайшего места боевых действий. Горстка космодесантников заняла оборону в импровизированной крепости, образованной из нескольких крупных камней и скопления различной техники. Позиция была вполне выгодной и удачной, и нападающие явно испытывали трудности.

Омбро пригнулся и короткими перебежками добрался до позиции атакующих. Кто-то сделал по нему пару выстрелов, но, внимательно разглядев костюм, прекратил огонь – генерала Кашиту знали и боялись все.

– Кто здесь старший? – рявкнула Омбро.

– Подполковник Угрр-с, – прошипел рослый двухголовый рептилоид. Омбро не без удовольствия заметила, что все атакующие были облачены в космокостюмы, внешне очень похожие на ее собственный. Савоне хорошо постарался с оснащением армии.

– Операцией командует генерал Йи?

– Так точно.

– Количество личного состава?

– Три тысячи, малая рота пятого полка.

– Ясно. Поддержка с воздуха?

– На подлете, ждем. Оставшиеся силы противника укрепились, и без потерь с ними будет не справиться с земли.

– Удерживайте их заградительным огнем. Скоро будет вам воздух. Где ставка командования?

– У подножия горы, вон там, – рептилоид ткнул когтистым пальцем себе за спину.

Омбро кивнула и, пригибаясь от сверкающих вокруг энергетических импульсов, продолжила перебежками продвигаться к горе. Живых противников ей больше не подалось, сплошь обугленные трупы. До ставки командования генерала Йи она добралась без происшествий. Массивный тяжело бронированный космолет ощерился парой десятков пушек, над его рубленой формы крышей гологаммой проецировалась медленно вращающаяся горизонтальная восьмерка. Приблизившись к космолету, Омбро распрямилась и на всякий случай подняла руки, показывая пустые ладони. Еще не хватало, чтобы ее в гуще событий приняли за врага и испепелили. Ей навстречу из широкого грузового шлюза корабля выскочили пятеро солдат, все представители нечеловеческих рас. Разный рост, комплекция, даже форма тела – но на каждом черный космокостюм с красными визорами.

– Генерал Омбро Кашита! – послышался из шлюза кораб-

ля громкий булькающий голос.

– Генерал Йи, – ответила Омбро.

Ей навстречу из шлюза выползло громадное существо, бывшее, каким бы диким это Омбро всегда ни казалось, одним из лучших командующих армии Савоне. Генерал Йи, представитель самой редкой расы из всех известных, единственной, которую Королевство так и не смогло подчинить – драконов Бездны. Тело генерала было около десяти метров длиной, мускулистое, покрытое тонкой блестящей кожей серого оттенка. Четыре когтистые лапы клацали по металлическому полу, змеиная голова с огромной клыкастой пастью покачивалась на длинной толстой шее. Но первое и, чаще всего, последнее, что видел любой, встретивший дракона Бездны – это глаза. Огромные глаза, лишенные зрачков, в глубине которых клубились серые сгустки Бездны. Крылья драконы чаще всего держали сложенными и упрятанными в специальные пазухи на спине – они были самыми слабыми местами этих существ.

Голос генерала клокотал и постоянно менял тональности – такой же непостоянный и непредсказуемый, как и сами драконы, как и сама Бездна, из которой они вышли.

– Омбро, зачем ты привела сюда этих существ? Мы готовимся спокойно к войне, и тут война сама приходит к нам. Так нельзя делать – мне пришлось прервать семидневную медитацию перед войной в тишине и покое ради этого недоумения.

– Извините, генерал. Я допустила пару ошибок, но помогу вам их сейчас исправить. Дайте мне командование авиацией, и я быстро завершу дело.

– Девочка моя, чему я тебя учил? Не совершай поспешных действий, особенно забывая предварить их медитацией и молитвой. Доделать тут работу будет несложно, я уж сам, спасибо.

– Простите, генерал, – Омбро никогда не могла понять, почему она робеет перед этим существом. Ее не могли подавить ни мудрость и авторитет Инисио, ни опыт Савоне, ни высокомерные манеры всех аристократов столицы вместе взятых, но глядя в жуткие глаза дракона, Омбро всегда чувствовала себя маленькой глупой девочкой.

– Смерть простит, – генерал ответил первой фразой главной молитвы ордена Бесконечного Круговорота Смерти, – хотя, на самом деле, ты даже помогла нам в подготовке. Мы как раз думали, где раздобыть еще немного транспорта – и вот он сам к нам прилетел. Ладно, если хочешь исправить свою ошибку – давай закончим дело вдвоем. Залезай на спину.

С этими словами дракон прорычал голосовую команду, и вокруг всего его громадного тела развернулся космокостюм. Тугой чешуей он обтянул туловище, лапы, морду генерала, и над ним развернулись два огромных крыла, также упакованных теперь в гвидониевую броню. Омбро осторожно взобралась по боку пригнувшего передние лапы дракона ему на

спину и ухватилась за вздыбившиеся чешуйки на шее.

Черный дракон и черный всадник взмыли в воздух и сделали широкий круг над полем боя.

Капитан Теманов

Когда за толщиной металла послышались выстрелы и взрывы, капитан в очередной раз возобновил попытки высвободиться. Действие шокера закончилось, системы костюма восстановились, но его руки и ноги все также были прижаты к туловищу теснотой карцера. Лоб, макушка, пятки упирались в потолок и стены. Капитан был в металлическом гробу и не представлял, как из него выбраться.

Неожиданное спасение пришло сверху в виде взрыва, разворотившего и расплавившего толщи металла. Это же самое спасение оказалось и большой бедой.

Джуджур пришел в себя не сразу. Было нестерпимо жарко, правую ногу он не чувствовал, в то время как левую он лучше бы и не чувствовал вовсе – такой силы боли он не испытывал никогда в жизни.

Прямо над собой он увидел пасмурное небо – значит, крышка карцера-гроба слетела от ударной волны. Собрав все силы в кулак, он приподнял голову, силясь понять, что случилось и что происходит с его нижними конечностями. Увиденное повергло его в шок, и он обессиленно опустил голову. Правая нога была вплющена в остывающий уже кусок расплавленного металла, и, очевидно, превратилась в кашу. Боли в ней он пока не ощущал, видимо, костюм успел впрыс-

нуть внутримышечное болеутоляющее выше колена – в ту часть, где нога была не повреждена. Левая же нога была почти цела, если не считать воткнувшегося в икру куса металла.

Отовсюду доносились звуки выстрелов и крики. Похоже, кто-то атаковал королевские войска, и, судя по всему, подразделение «Солво» вряд ли переживет этот бой. Джуджур не сомневался, что Омбро-Кевар придет за ним, чтобы убрать любых свидетелей и очевидцев ее (или его) предательства.

Нужно было как-то выбираться. Джуджур еще раз посмотрел на свои ноги и понял, что выход у него всего один. Пока компьютер костюма хоть как-то функционировал, несмотря на поврежденную целостность брони, капитан заставил себя перебороть накатывающуюся волнами панику и активизировал все шприцы с болеутоляющим. Длинный шприц ввел внутрикостную анестезию. Когда боль исчезла, Джуджур впрыснул еще немного адреналиновых инъекций – чтобы не отключиться. Чтобы кровь не лилась рекой, ему пришлось настроить костюм так, чтобы он максимально сдавил культу, задерживая ток крови – вместо жгута. Теманов сел, выдернул из левой ноги острый как бритва кусок металла. Затем сжал зубы и принялся им же отпиливать правую ногу чуть ниже колена. Сделал круговой надрез, затем перепилил кость. Возможно, дело было в шоковом состоянии или в действии анестезии, а может, и во всепоглощающей жажде

жизни, но Джуджур был почти спокоен.

Он понимал, что действие препаратов закончится самое позднее через полчаса. Он выполз из развороченного гроба и, цепляясь руками за неровности разбитого взрывом пола, пополз к открытому шлюзу. На улице он осмотрелся. Увидел лежащие тут и там трупы военных, услышал крики и выстрелы, доносящиеся со всех сторон.

Прямо напротив него стоял на взлетной площадке «Эхо». Маленький кораблик, спрятанный в тени огромных боевых космолетов, казался неповрежденным. Джуджур стиснул зубы и медленно пополз к безднолету, стараясь не издавать шума и готовый в любой момент притвориться мертвым – в его состоянии это не составило бы труда. Переползая через трупы солдат, он старался отогнать любую мысль о судьбе этих ребят, о бессмысленности принесенной ими жертвы. Сейчас ему было необходимо спастись самому – только тогда он мог бы что-то сделать, спасти мать и сестру.

Он уже почти добрался до открытого грузового шлюза «Эхо», когда огромная тень на мгновение заслонила рассеянный солнечный свет. Он медленно обернулся, опираясь на дрожащие руки. Над лагерем в высоте парил черный дракон. Он то падал вниз на бреющем полете, едва не касаясь когтистыми лапами безднолетов, то взмывал на большую высоту и кружил там, роняя на землю кричащих от ужаса космодесантников. Во время очередного пике Джуджур с ужасом заметил на спине чудовища маленькую черную фигуру.

Страх и ненависть смешались в мыслях Теманова, и он, заставляя себя отвести взгляд от жуткого зрелища, вполз в трюм «Эхо». С трудом преодолевая все нарастающую боль, он отдал приказы бортовому компьютеру, проложил маршрут и залез в криокамеру. Последним усилием воли свернул остатки костюма и активировал режим глубокой заморозки. Ему оставалось надеяться только на точность приказов и умения «Эхо». И, главное, на удачу.

Омбро

Когда с последней горсткой противников было покончено, дракон спланировал на шпиль станции командного пункта, ухватился когтями за металл и обвел взглядом поле битвы.

– Если дальше будет так же легко, то мы очень быстро справимся с Королем и его армиями, – довольно прогрохотал генерал Йи.

– Генерал, дальше так легко не будет. Во-первых, это был автономное подразделение, маленькое по численности и не ведущее полномасштабных боевых действий. Для них наша атака была полнейшей неожиданностью. В случае с основными военными силами Королевства, у нас таких преимуществ над противником уже не будет. Да и бои будут вестись в космосе, а не на планетах – а там космодесант имеет огромное превосходство, и главное – опыт. Так что попотеть нам придется.

– А особенно тебе. Слышал, Инисио довольна тем, как ты начала реализацию ее плана в столице, и она уже благословила тебя на вторую часть игры.

– Рада слышать. Правда, теперь мне придется действовать намного более тонко. Топорная техника, как раньше, уже не сработает. Что ж, скоро проверим, на что я в действительности способна. Точнее, теперь уже мы.

– О, ты смогла убедить Кевара?

– Пока нет, но это лишь вопрос времени, и небольшой его запас у меня пока остается. Но оно того стоит – с его помощью моя сила станет больше в разы.

– Станет, Омбро. Но не забудь об опасности, которая ждет вас обоих на этом пути воссоединения, и о которой я тебе уже говорил раньше. Одна ошибка – и вы оба навсегда останетесь неполноценными калеками, и все твои и наши общие планы рухнут вместе с твоей жизнью.

– Я помню, генерал. Помню.

В этот миг над армейскими безднолетами взмыл свечкой в небо крошечный серый кораблик и моментально скрылся за облаками. Генерал дернулся было в погоню, но Омбро остановила его:

– Пускай летит. Нам все равно придется скоро выступить в открытую, так что если кто-то и выжил и доложит о происшествии в столице – нам это даже на руку. Паника – это именно то, что очень поможет мне в дальнейшем.

А маленький безднолет тем временем уносился все дальше и дальше от Фрактуры, а потом и от Большого Кристального пояса. Но летел он в противоположную от столицы сторону, туда, где Джуджурю Теманову могли действительно помочь.

Кевар

Кевар очнулся также резко, как и отключился. Он тут же вспомнил все, и глубокая, пронзительная душевная боль скрутила его. Горячие слезы потоком полились на холодный каменный пол, комок в горле сделал рыдания сдавленными и приглушенными. Сложно сказать, сколько он корчился на полу в темноте.

Через неопределенное время боль немного притупилась, слезы еще текли по щекам, но Кевар перестал их замечать. Он сел и начал осматриваться. Вокруг было темно, как во время поздних сумерек. Единственный неяркий источник света маячил где-то вдалеке, высвечивая темные силуэты запутанной сети ходов внизу.

Кевар понял очень ясно, что ему предстоит преодолеть весь лабиринт, чтобы выбраться из темноты и добраться до света. Это осознание вновь ввергло его разум в хаос, и он уронил голову на руки.

Темно. Очень темно и тихо. Настолько тихо, что я слышу, как сердце тугими ударами толкает кровь по телу. Кто я? Где я? Почему я здесь? Мне страшно, я не знаю, что делать. И остается лишь тишина и темнота, да гулкие удары сердца.

Изображение на обложке создано автором книги в нейро-

cemu Dall-E.